

Анатолий МУРАВЛЁВ

Неизвестный Алтай ДАЛЁКОЕ–БЛИЗКОЕ

*Штрихи истории Алтая
и люди, делавшие и делающие её*

Барнаул
2011

Муравлёв А.С.

Неизвестный Алтай. Далёкое – близкое. - Барнаул : ОАО «ИПП «Алтай»,
2011. – с. 300, с илл.

Перед вами книга Анатолия Муравлёва о штрихах истории Алтая и людях, делавших и делающих её. Она – часть задуманного автором документального цикла «Неизвестный Алтай». В серию также включены книги автора: «Лихолетье войны» (очерки о воинах и тружениках тыла), изданная в 2010 году, «Ареопаг» (об известных земляках), «Поверх барьеров» (о состоявшихся людях), «Святые места» (заветные уголки Алтая), «Наши министры» (Алтай дал стране 84 министра) «Наши генералы» (на нашей малой родине родились, служили, воевали около 400 генералов), «Хроники аномалий» (чрезвычайные события природного, биологического и техногенного характера на Алтае за 300 лет), «Не состоявшиеся проекты» (то, что по разным причинам не удалось воплотить в жизнь).

Макет обложки книжной серии «Неизвестный Алтай» художника Александра Карпова

© Муравлёв, 2011

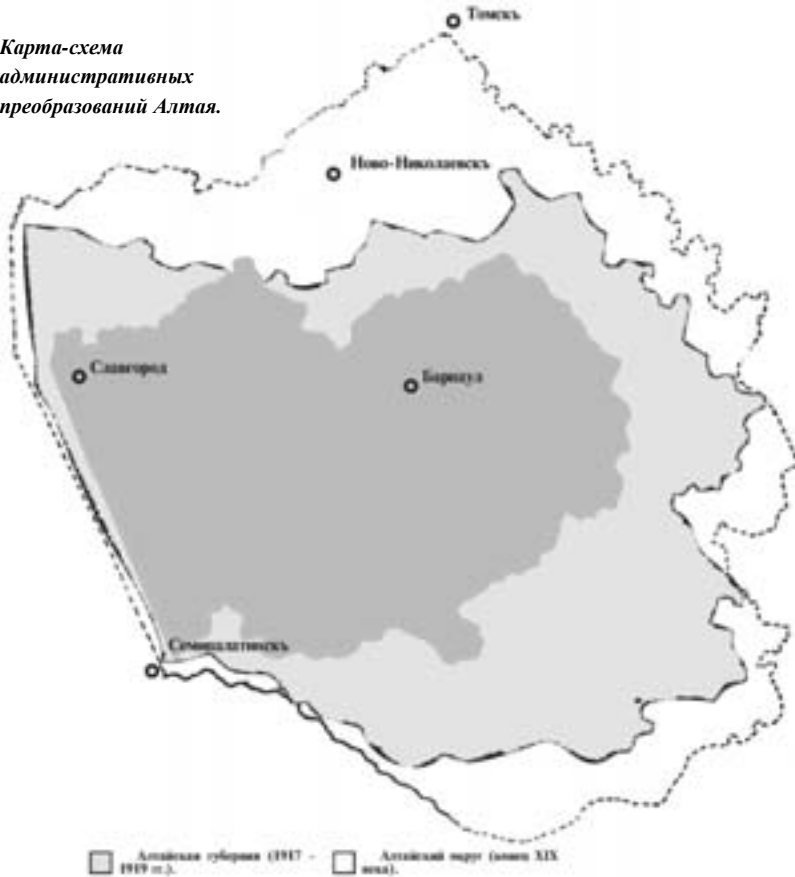
ISBN 978-5-88449-244-8

РАЗДЕЛ

Хроники перемен на Алтае за триста лет

Когда, роюсь в архивах, я готовил этот материал, мною двигал человеческий интерес – каким был и каков есть Алтайский край, кто и когда управлял этим регионом, почему, если здесь никогда не было территориальных войн, границы края неоднократно перекраивались, убывали или прибывали?

*Карта-схема
административных
преобразований
Алтая.*

Попытаемся восстановить хронику усековений и прибавлений территории Алтая за три последних века, с момента освоения русскими людьми этой земли. Возможно, моя работа, окажется в каких-то деталях неполной или неточной, поскольку, всё же я не историк, а журналист, искренне пытающийся разобраться в предмете. Подчеркну лишь, что по некоторым датам, именам и событиям алтайской истории существуют противоречия в документах, нет единодушия и у людей, профессионально занимающихся историей.

Итак, ещё каких-то три века назад здесь были почти нетронутые степи, нехоженная тайга, горы, куда не ступала нога человека. Многое из того, что мы наблюдаем здесь сейчас – и хорошего и плохого – результат хозяйственной деятельности человека за эти самые три века.

Впрочем, Алтай освоен людьми уже несколько тысячелетий.

Археологи находят здесь яркие приметы скифской, чудской, тюркской и иных древних культур. Аборигены умели работать с металлами, в том числе и драгоценными, о чём свидетельствуют раскопки захоронений в курганах предгорной и горной части края. К тем, кто жил на Алтае накануне прихода русских, историки относят тюрские племена.

*Демидовская площадь в Барнауле.
Конец XIX века.*

*Главная башня крепости
Змеиногорского рудника.*

Находки в начале XVIII века древних примет металлургического производства, так называемых чудских копей, обнаруженных на Алтае, предопределили почти на два века его развитие, как одного из основных горнопромышленных районов России.

Предприимчивый Акинфий Демидов, рудознатцы которого нашли залежи меди, серебра и золотистого серебра заложил на реке Белой в районе нынеш-

него села Колывань (ныне в Курьинском районе) первый в Сибири металлургический «ручной» завод, а затем и другие предприятия. Однако вскоре его заводы были переданы в ведение императорского Кабинета. С тех пор, они, а значит и территория Алтая, 170 лет были имением, вотчиной, поместьем российских монархов.

Однако Алтай не знал помещичьего крепостного права, здесь было облегчено

наделение землей, бог миловал жителей благодатного края на южной окраине

Сибири от войн и голода. Но система управления на Алтае значительно отличалась от той, что была в европейской части России. Канцелярия Колывано-Воскресенских заводов напрямую, минуя губернские структуры, подчинялась министерству императорского двора, за исключением 1830-1855 годов, когда алтайскими заводами и рудниками управлял департамент горных и соляных дел министерства финансов Российской империи.

*Канцелярия
Колывано-Воскресенского
горного начальства.*

Например, земства – представительные народные органы, впервые были избраны здесь только в июле-сентябре 1917 года, хотя его элементы в виде судебных земских изб (контор) имелись и прежде.

Значительно отличалась от других территорий и система судопроизводства. Только на рубеже XVIII и XIX веков на Алтае появилось волостное управление. И эта низовая ячейка местного самоуправления оказалась очень эффективной. В начале XX века российский премьер Пётр Столыпин, побывавший в Кулундинской степи, убедившись в мощи сибирской общины, признал, что на просторах Сибири следует делать исключения в проводимой им хуторской земельной реформе.

Промышленная специфика Алтая наложила отпечаток на организацию деятельности представителей царской администрации.

Традиционно одной или несколькими губерниями управлял наместник – генерал-губернатор, имевший в подчинении губернаторов. В пору

*Обелиск на месте Колыванского
«ручного» завода.*

существования на Алтае Колыванской области, а затем одноимённых губернии и наместничества, ими руководил правитель, губернатор или наместник. Значительный период XIX века томский гражданский губернатор, то есть административный управленец одновременно являлся и хозяйственным руководителем – начальником округа Колывано-Воскресенских заводов. Это придавало территории максимальную автономию от губернских и даже от общегосударственных властных структур.

*Плавильная фабрика Барнаульского
сереброплавильного завода.
Начало XIX века.*

Недаром, побывавший в Барнауле и Змеиногорске в 1820 году генерал-губернатор Сибири Сперанский, метко назвал горнозаводский район Алтая «губернией в губернии». Даже он не имел права без особой нужды вмешиваться в дела экономико-административного управления заводов. Царский кабинет такая ведомственно-территориальная схема управления удовлетворяла.

И неважно, что более века – с 1804 по 1917 год сначала Колывано-Воскресенские заводы, переименованные позднее в Алтайский горный округ и Алтайский округ, входили в состав Томской губернии – здесь управление было особенным и вполне самостоятельным. В том был свой резон: более чем за полтора века алтайские заводы дали России без малого две тысячи тонн серебра, а также немало других благородных и иных металлов.

Тем более что территориально округ «закрывал» почти весь губернский регион. Он включал в себя полиметаллические рудники и заводы в Зыряновске, Риддере (Лениногорске) и Бухтарме (ныне – Восточно-Казахстанская область), Кузнецке и Салаирском крае (Кемеровская область), Змеиногорском, Барнауле, Локте, Павловске, Алейском (Алтайский край), Сузуне (Новосибирская область), а также населённые пункты, поставлявшие приписанных к заводам и рудникам крестьян для транспортировки руды, выжига древесного угля и других работ.

Что касается непосредственно административных разграничений, то наибольшие изменения управление претерпело, конечно же, в XX веке. В прежние времена если они и происходили, то мало касались населения: «До бога – высоко, до царя – далеко». Сельский староста, волостной (земский) управитель и комиссар, урядник, писарь, землеустроитель да священник раз-

решали большинство материальных и духовных проблем населения. Случались перемены в названиях административных образований, изменялись должности руководителей, переделывались границы, но неизменным оставались подчинение царскому правительству, принадлежность земель Российской империи. И если территории преобразовывались, то, как правило, в сторону расширения.

Ещё летом 1917 года, в канун создания Временным правительством Алтайской губернии, Алтайский округ простирался от нынешних Томска, Кемерово и Новосибирска до Усть-Каменогорска и Семипалатинска, границ с Монголией и Китаем. Но затем потерял территории, в несколько раз превышающие сегодняшние размеры края. В пору существования Колывано-Воскресенских заводов площадь горного округа составляла около 500 тысяч квадратных километров. На этой территории поместились бы такие страны, как Франция или Испания, две Великобритании, пять Португалий, десять Кувейтов. Сейчас Алтайский край занимает 169,1 тысячи квадратных километров – площадь, равную Тунису, превышающую Грецию, но чуть меньше Белоруссии.

Наиболее интенсивные перемены, связанные с утерей Алтаем исконных земель, пришлось на 20-30-е годы недавно завершившегося столетия, когда были отторгнуты огромные территории. Они отошли к ныне суверенному Казахстану и соседним сибирским регионам. Существенной оказалась и потеря 90-х годов прошлого века, когда из состава края вышла Горно-Алтайская автономная область, имеющая площадь 92,6 тысяч квадратных километров.

Период наибольших территориальных потерь: 1917-1925 годы. Сборник документов «Алтайская губерния-Казахстан», изданный в конце 2001 года управлением архивного дела администрации края и кафедрой востоковедения АлтГУ (составители Наталья Разгон и Владимир Моисеев, тираж 300 экземпляров) даёт ясное представление об истории передачи огромной территории Казахстану.

С образованием Алтайской губернии 30 (17 по старому стилю) июня 1917 года, в неё были включены значительные территории нынешних Новосибирской, Кемеровской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей. В августе 1920 года весь Славгородский уезд отошёл к Омской губернии, а значительная часть Змеиногорского – в Казахстан, ещё через год Каменский и север Барнаульского уездов передали в образованную Новониколаевскую губернию.

*Постановление Временного
правительства об образовании
Алтайской губернии.*

нынешнего Рубцовска), населённых преимущественно русскими людьми и тяготеющими к Алтаю. Но территория свыше 15 миллионов десятин земли была утеряна, в том числе, ради «выпрямления границ».

Ныне, достаточно взглянуть на карту края, чтобы понять, что чиновники урезали её границы «по линейке». Они уже не спрашивали население, плодя горы бумаг по поводу задуманного ими же очередного территориального раздела.

О неразберихе тех лет свидетельствуют, в частности, и документы, подписанные председателем ВЦИК Михаилом Калининим: 13 июня 1921 года Угловская, Локтевская, Лаптевская и Алексеевская волости были переданы в Семипалатинскую губернию, а 21 ноября того же года возвращены в состав Змеиногорского уезда Алтайской губернии. Спустя некоторое время вновь оживилась переписка по поводу передачи Угловской волости казахам.

Впрочем, старшему поколению жителей Алтая ещё памятны административные шараханья конца 50-х-начала 60-х годов. В ту пору власти вновь вошли в раж территориально-производственного передела: подарили Украине Крымскую область России, несколько раз укрупняли-разукрупняли районы, сельсоветы, предприятия, и, соответственно, органы управления ими. Ну

и совсем свежо у многих в памяти отделение Горного Алтая от края – без проведения референдума, в угоду амбициям национальной элиты.

Ликвидация в конце XIX века горнозаводского производства разорвала производственно-административные связи, объединявшие территории Алтая.

Находившийся на окраине России, он и позже не сумел или не успел извлечь выгод из чрезвычайно привлекательного территориального положения на стыке Китая, Монголии, Казахстана и Средней Азии, превратившись в заштатную провинцию. Уклон в развитие сельскохозяйственного производства, характеризующий весь советский период, в условиях рискованного земледелия и управленческо-технологической безграмотности управления отраслью, также не способствовал бурному развитию производительных сил края. В итоге, в начало XXI века, Алтай вступил с однобокой, недоразвитой экономикой, трудно приспособляемой к современным реалиям.

Как знать, может быть возрождение края состоится через возрождение горнопромышленного производства? Или – через создание центров международной торговли, связывающих российские, китайские, казахстанские и монгольские территории горной страны под общим названием Алтай? А быть может, мир уже скоро востребует экологически чистую продукцию, включая воду и продукты питания, которыми так богат наш регион?!

В биологии есть такое понятие: «ареал обитания» – территория, необходимая всякой живой душе для комфортного существования. Я далёк от мысли призывать «отвоевывать» земли, когда-то принадлежавшие Алтаю. Утверждать, что мы лучше наших соседей распоряжаемся данными нам природными богатствами, или разумней хозяйствуем, также не стану.

И, тем не менее, обидно, что земли отданы простым росчерком пера. Нередко это делали люди, либо никогда не бывавшие на Алтае, либо пришлые, «откомандированные», и потому никогда не любившие его!

АЛТАЙСКИЕ ПИСАНИЦЫ

Книги на камнях

В 1785 году участники рудно-поисковой партии унтер-шихтмейстеры Лаврентий Феденёв и Никита Шангин обнаружили в 13 верстах от устья реки Бухтармы внутри пещеры «древних народов письмена». С большой тщательностью «в самоподлинности» они скопировали эти изображения,

Наскальные картины.

принадлежавшие, по их предположению, к «многопрошедшим временам». Но уже в начале XIX века эти надписи уничтожили, и потому рисунки 1785 года, ныне хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве имеют исключительную историческую ценность.

Позже о неприглядном факте уничтожения петроглифов в Рудном Алтае упоминал Пётр Словцов в «Историческом обозрении Сибири». Он ссылаясь на труды Григория Спасского, известного издателя, в молодости жившего на Алтае. Итак, изображения над входом в Бухтарминскую пещеру уничтожил проезжий путешественник: «...Ориенталист Клапрот, в 1806 г. возвращавшийся из-за Байкала, нарочно наведён был на эту пещеру, по себе неважную, для перевода надписей, но ему показалось легче известь их, чем перевести. Мы повторяем местную историческую известность, а не шутку».

В «Историческом обозрении Сибири» Петра Словцова упоминается также несколько мест на Алтае, где имелись рисунки на камнях «Пропись под № 4 взята с утёса близ левого берега Чарыша, а под № 5 – подпись с могильного камня». Ещё он отмечал, что у Петра Палласа и Иоганна Фалька, путешествовавших в 1770-х годах по Сибири, «есть человеческие изображения, снятые с камней алтайских».

Эти факты показывают, что Алтай является колыбелью древних народов Центральной Азии. Горные кочевники фиксировали окружающий их мир не только в памяти, но и на многочисленных наскальных рисунках, а также монументальными стелами (обоо) и курганами.

Картины древних

Наскальные рисунки обнаруживали многие исследователи Алтая. Некоторые из них пытались как можно точнее копировать их, но не

всякому это удавалось. Срисовывал рисунки древних людей и известный алтайский художник Григорий Гуркин. Он увлѣк этим своего ученика из Бийска Дмитрия Кузнецова. Одна из их поездок состоялась в 1912 году в бассейн Чуи, где они копировали наскальные рисунки в районе урочища Калбак-Таш. Часть этих работ Гуркина, выполненных маслом, сохранилась, хотя, как известно, художник был репрессирован в 30-х годах прошлого века. Ныне они находятся в фондах Национального музея Республики Алтай и музея изобразительных искусств в Новосибирске.

Исследователи XIX-начала XX веков срисовывали петроглифы, потом научились фотографировать их. А несколько десятилетий назад шведские исследователи разработали методику перевода петроглифов на специальную бумагу – микаленту, способную в смоченном виде отлично прилегать к рельефу камня.

Методика такова: на камень с древним рисунком предварительно наносится краска, потом слой жидкого клейстера, затем к поверхности прижимается специальными щѣточками два слоя микаленты – так получается цельная картина. После того, как лента высохнет, её тонируют, очищают от остатков лишайников и закрепляют на ткани. В итоге получается очень точная копия выбитого или вырезанного на камне рисунка. Первым в Сибири этому научился новосибирский учёный, уроженец Алтая Владимир Кубарев. Он передал опыт копирования наскальных рисунков на микаленту старшему научному сотруднику Бийского краеведческого музея имени Виталия Бианки Борису Кадикову, который уже более сорока лет изучает алтайские петроглифы. Летом 2005 года, например, экспедиция музея привезла из Кош-Агачского района Республики Алтай огромное полотно величиной в шесть квадратных метров.

Охота.

Горный козѣл.

Старший научный сотрудник Бийского краеведческого музея Борис Кадиков.

Получились законченные, красивые картины. Сегодня бийский музей имеет одну из самых крупных в мире коллекций – около трёхсот экспонатов, скопированных из 54 мест. Появился и спрос на них. Ведь картины древних людей – то немногое, что реально связывает современного человека с прошлым.

«Он – мужественный брат мой...»

В российском Алтае найдено свыше 200 мест, где нанесены наскальные рисунки. Почётный гражданин города Бийска, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Борис Кадиков работал на 40 из них. Например, в урочище Калбак-Таш имеется свыше пяти тысяч изображений, в Елангаше их более 90 тысяч. В целом на Алтае, по оценке Бориса Хатмиевича, может насчитываться около полутора миллионов петроглифов. Большие группы неизученных рисунков располагаются на реках Чульча, Байгол, в верховьях Чулышмана и в других местах Республики Алтай и Алтайского края.

Борис Кадиков увлёкся изучением изображений на камнях в начале 60-х годов прошлого века. В ту пору он обнаружил у местечка Мендур-

Несколько лет назад, по инициативе директора Бийского музея Виктора Орлова организовали выставку петроглифов, которые прежде никогда не выставлялись. Однако закрепить на стенах полотна не удалось, поскольку микалентная бумага очень гигроскопична и может порваться под собственным весом. Пришлось раскладывать их на полу и на подставках. Но вскоре коллеги из Национального музея Республики Алтай нашли выход: закрепили ленту на плотной ткани и оформили в деревянные

Соккон Усть-Канского района уникальные находки рисунки с какими-то текстами. Музейный работник из Бийска передал их копии крупнейшему советскому тюркологу-лингвисту Николаю Баскакову.

Перевод этих надписей, как оказалось, рунических, занял несколько лет. Один из текстов звучал так: «Он – тюрк Айтызикбек, он – мужественный брат мой, герой, знаменитый киргиз, погиб, преследуемый стрелами. То – его судьба, его смерть».

Вероятно, содержание этой надписи связано с судьбой древнего тюрка, которого враги подкараулили и убили из лука. Так удалось установить, что древние тюрки Алтая жили в верховьях реки Чарыш в седьмом веке нашей эры.

Так нашло подтверждение предположение учёных о том, что древние обитатели Алтая обладали письменностью. А почему бы и нет! Ведь представители кочевых народов – поэты в душе, они не могли не выражать свои чувства.

Однако нанесением наскальных рисунков увлекались не только древние тюрки. Это занятие было присуще людям, жившим в Алтайских горах во все времена. Например, летом 2005 года экспедиция бийского музея обнаружила рисунки эпохи палеолита – самые древние алтайские петроглифы, возраст которых составляет около 12-14 тысяч лет. К сожалению, Борис Кадиков уже не смог участвовать в ней из-за возраста, но в экспедиции принимали участие его сноха, внук и внучка.

Древние рисунки расположены на плато Уюк в Кош-Агачском районе, на высоте более трёх тысяч метров над уровнем моря. Причём, петроглифы неплохо сохранились. Исследователи и прежде обнаруживали элементы рисунков эпохи палеолита, неолита, но их просто невозможно было скопировать. С трудом просматривались лишь небольшие элементы, например, контур спинного хребта, остальное уничтожило время, солнце, дожди и снега.

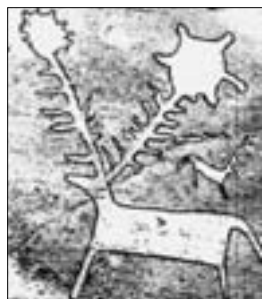
В Алтайских горах сохранилось немало изображений, относящихся к эпохам бронзы и железа, а также к XVIII-XX векам. Некоторые выполнены нашими современниками, которые, как правило, рисуют на скалах трактора, автомобили, да пишут свои имена. Причём, эти горе-художники не жалеют древних рисунков – работают поверх них, уничтожая петроглифы своим так называемым индустриальным творчеством.

Мир вокруг человека

Техника исполнения рисунков на скалах за столетия изменилась мало. В основном, это выбивка. Нередко перед началом работы художник наносил тонкий контурный рисунок, эскиз. Хотя, конечно же, в разные времена ме-

Игры зверей.

Олень-солнце.

нялись способы выбивки, художественные приёмы и стили. Например, для эпохи палеолита (12-10 тысяч лет до нашей эры) характерна точечная выбивка изображений лошадей, быков и оленей; для мезолита (9-7 тысяч лет до н.э.) – круги с точкой, ножкой, луноподобные и подковообразные знаки; для эпохи неолита и энеолита (7-3 тысячи лет до н.э.) – изображения животных, в том числе и домашних, поскольку жители Алтая уже занимались кочевым скотоводством. Позже появляются рисунки мифических существ, сцен охоты и войн, что отражало тогдашние реальную жизнь и верования людей.

Древние мастера выбивали рисунки «чёрным камнем» – сколами кремня, которого поныне много в Алтайских горах. В бронзовом и железном веках использовали для этих целей металлические предметы – клинки мечей, зубила. Подчас рисунки выполнялись минеральными красками, но такие изображения почти не сохранились. Борису Кадикову удалось обнаружить петроглифы, сделанные охрой около села Кебезень Турочакского района. Это были лоси из эпохи неолита.

Известно, что в Алтайском крае много природных минеральных красок. Например, издавна славятся карьеры у села Ажинка с разноцветными глинами.

Художники для работы, как правило, выбирали скалы, которые имеют так называемый пустынный загар. На них не растет мох, они постоянно освещены солнцем, убивающим микрофлору, появляющуюся в зоне нарушенной поверхности. Глубина выбивки относительно большая – 2-3 миллиметра. Наибольшая сохранность отмечается на вертикально ориентированных, расположенных на солнечной стороне гранитных камней.

Содержание петроглифов менялось в связи с изменением отношения внутри древних сообществ и представлений их членов об окружающем мире. Нередко это были живописные повествования наших предков о сво-

ей жизни, обрядах, мифологии. Рисунки древних людей запечатлели не только обыденные бытовые сцены: охоту, кочёвки, войны, но и являлись иллюстрациями мифов, легенд и сказаний.

Члены племен имели святилища, сакральные места,

Так рождается копия наскального рисунка.

где они могли общаться с богами, испрашивать охотничью добычу. В этот период на наскальных рисунках, наряду с традиционными изображениями животных, появляются фигурки женщин-прародительниц в позе оранты – с поднятыми вверх руками, в пышных одеяниях из кож, в подвесках и ленточках. Такие жесты и костюмы характерны для шаманов и особенно шаманок. Подобные рисунки неоднократно обнаруживались на территории Монголии и в Горном Алтае. И в этом нет ничего удивительного, поскольку древние обитатели данных мест исповедовали одни и те же культурные и нравственные ценности, связанные с космогоническими воззрениями, культом плодородия, магией охоты, героическим эпосом, представлениями о вечной борьбе добра и зла.

Авторами петроглифов в основном были мужчины, которые подчас имели мальчиков-учеников. Зачастую племя как бы поручало выбивание рисунков на камнях уполномоченным на то людям. Но нередко этим занимались и пастухи, укрывавшиеся в тени скал.

Синоним вечной жизни!

Рисунки древних рассказывали не только о природе, но и о человеческой жизни, их верованиях и даже философии. У древних греков, например, существовала легенда об охотнике Орионе и быке, который каждый вечер уносил на рогах солнце. Орион гнался за ним, убивал быка, и солнце снова восходило. Так повторялось изо дня в день. Подобная легенда об олене-солнце и охотнике, нашедшая воплощение в петроглифах, имела и у аборигенов Алтая.

По рисункам можно проследить прогресс человечества. Вслед за изображением животных появляются рисунки колеса, потом – колесниц, оружия, различных ритуалов и легенд.

Среди древних художников, несомненно, были и гениальные творцы. Борис Кадиков убеждён, что часть рисунков на камнях Елангаша выполнила та же талантливая рука, что и в Калбак-Таше. Это был алтайский Микеланджело. Ведь только великий художник способен изобразить, например, человека без души: на его груди – пустой квадрат. А может быть, это существо с прозрачным телом – привидение?!

В то же время большинство древних художников не умели изображать перспективу, объём. Они находили выход в том, что размещали фигуры в одной плоскости. Например, кони двигались друг за другом, или были зеркально развёрнуты.

Иногда современному человеку трудно понять, какое же существо пытался изобразить автор рисунка. Например, первозверь представлен существом с длинным хвостом, лапами, как у кота манула с очень большими когтями, большими глазами, волчьей пастью, свиной мордой и телом. Попадаются и рисунки грифонов – крылатых зверей с телом тигра, кошачьими лапами и львиной головой. Нередко можно видеть изображение быка с оленьими рогами. Возможно, так древние люди пытались обмануть богов, поскольку добыть дикого быка проще, чем быстроногого оленя. А может быть, действительно, позднейшие художники дорисовали животному рога? Однако нельзя утверждать, что данный приём – только наивный обман божеств. Не исключено, что это – талантливая игра воображения древних мастеров!

Авторы петроглифов донесли до нас гамму представлений об окружающем мире. Они были убеждены, что большинство рисунков несёт определённую сакральную нагрузку. Чаше всего изображения связаны с идеей возрождения жизни. Животное, убитое для того, чтобы прокормить племя, обязано было возродиться, посредством нанесения на поверхности камня его изображения.

Отчасти эти представления сохранились и у современных алтайцев.

Ведь если человек, например, срубил дерево, он просит высшее существо простить за это деяние, потому что ему надо строить жилище и поддерживать огонь в домашнем очаге.

Рисунки на скале и мольбы о благополучии природы и воспроизведении существ – синонимы вечной жизни!

ТАК ГОВОРЯТ ДУХИ!

Макар КАСТАРАКОВ – шаман и предсказатель из кумандинского рода чедыбёр, собиратель фольклора и изготовитель ритуальной утвари и бубнов.

«Серебряный» народ

Давным-давно племя, насчитывающее 39 родов-сеоков, проживало в местности, где не хватало ни воды, ни зелени. Кругом был только песок. Собрались паштыхтер – старейшины народов, держать совет и решили: «Пока песок не засыпал наши глазницы, и кости наши не рассыпались, надо отсюда кочевать». Назначили день отъезда. Солнце стояло высоко в небе, так что под ногами коней на выжженной земле находилась их тени. Ровно в полдень люди перешагнули через них и отправились в неизвестность.

По сказаниям, собранным Макаром Кастаракковым, пустынная местность, покинутая людьми, носила название Ардос, и располагалась на территории современного Китая. Долго шли кочевники, пока не достигли подножья высокого горного хребта. Имя ему – Черкурташты, что означает Земной каменный пояс – один из хребтов Алтае-Саянской горной системы. Подъём был тяжёлым: месяц пошёл на ущерб и снова родился. Когда достигли вершины, людям открылись богатые долины, покрытые лесом и зеленью. Старый, седой шаман определил, что они вышли в междуречье великих сибирских рек. На востоке открывалась пойма многоводной реки Кем – Енисея, если смотреть на запад – ещё один бурный водный поток. Его назвали в честь верховного шамана Умар – Обь.

Макар Кастаракков с шаманским бубном.

Когда достигли середины течения этих рек, встали ордой. Шаман долго советовался с верховным богом Камом. Наконец, молвил: «Соплеменники, отныне вы не должны ни шагу идти вниз по течению этих рек. Вниз плывет только навоз и пустая, отметававшая икру рыба».

С тех пор тюркские семьи, обосновавшиеся в этих краях, при отделении сыновей строят им дома только вверх по течению реки.

По сказаниям, народы, некогда заселившие Сибирь, когда-то имели общее название Динкалых («дин» – по-китайски «серебро», «калых» можно перевести с тюркского как «народ»). Возможно, так этот народ звали соседние племена.

Существует две версии данного названия. Либо волосы у людей этого народа рано становились седыми. Либо данное название связано с одним из главных праздников, сохранившимся по сей день – жертвоприношением белого жеребца родовому духу Пайне. Шаман обращался к духу: «Мы дарим тебе молодого коня, чтобы наш род множился, жил в достатке и благополучии, чтобы ты мог быстрее мысли объехать всех членов нашего рода». В ритуале, согласно старинным легендам, принимали участие только те мужчины, которые имеют внуков, то есть седовласые, «серебряные» старцы.

У рода, совершившего обряд жертвоприношения, появлялась надежда, что с его помощью выпрошено благополучие у родового духа, и теперь он будет заботиться о нём. Праздник с участием седовласых старцев обычно проводился раз в три-четыре года, но если случались мор, война или неурожай, то, по настоянию шамана, чаще.

Таким образом, много веков назад стали сибиряками кумандинцы, челканцы, телеуты, хакасы, шорцы и другие тюркские народы – так, по крайней мере, считает собиратель алтайского фольклора Макар Кастарак.

Седьмая единица

Человек от рождения является седьмой единицей. Если считать дедушек-бабушек по отцу и матери, а также родителей, то каждый явившийся на свет человек будет седьмым по счёту. С этой цифрой у древних народов связано многое. Она присутствует в орнаменте на утвари и одежде, в устных сказаниях, обозначена на шаманских бубнах.

Древние люди не имели фамилий, однако чтити родство. Первыми внедрили новшество поименования семей христианские миссионеры, затем – власти, чем внесли путаницу, ибо даже ближние родственники порой стали носить разные фамилии. Макар Кастарак знает такой пример:

в одной семье, проживавшей в прошлом веке на территории нынешнего Красногорского района, было семь братьев из рода чедыбёр. А их дети, стараниями русских миссионеров стали именоваться Саклаковыми, Алексеевыми и Савиновыми. Шаховы, Шарагашевы, Шулбаковы, Шульчековы, и ещё несколько десятков фамилий – все из одного рода чедыбёр. Кстати, в переводе в тюркского, «чеды» – «достаток», «бёр» – «даёт». Род этот небогатый, но известный.

Однако понятие рода весьма условно, ибо учитывалась только мужская линия. Ведь по указаниям шаманов, во избежание кровосмешения, отец должен был женить сына на девушке из другого рода. Дети из такой семьи могли иметь родство уже из четырёх родов.

Семья Кастаракых ведёт свой отсчёт от деда Страя – известного на Алтае кумандинского шамана, имевшего шестерых сыновей. Их потомки ныне живут во многих селениях – в Бийске (как Макара Кастараков), в поймах Бии, Сузопа, Томи, Мрасса, Таштагола, на берегах Телецкого озера – Тодышевы, Петрушова, Апыжаева, Сарачаковы, Базеевы.

Бубен шамана

Дед Страй был пасхыном – генетическим шаманом, это занятие перешло к нему по праву рода. Приметой шамана по праву рождения является лишняя косточка в теле: в запястье, в стопе, в ключице. Если в роду нет мужчин с лишней косточкой, шамана находят сами духи. Но этот человек должен уметь самовыражаться, иными словами доказать, что способен повести за собой род. Так получилось, что в роду Кастаракых после деда Страя не было человека с лишней косточкой. На этом месте род чедыбёр видел Дмитрия – двоюродного брата Макара. Но тот не смог освоить божий промысел, не понимал языка духов, и они его наказали. Больше десяти лет Митька серьёзно болел, в конце концов погиб.

Выбор пал на Макара. Родители очень боялись за него. Но Макара боги миловали, и он освоил шаманское ремесло. По словам самого Кастаракых, это страшное занятие. Изматывает физически и психически. Во время священнодействия шамана, по его словам, «можешь летать, прыгать, становиться на коленки. Сам себе не волен. Силу дают духи. Но когда очнёшься – ощущение слабости и даже боли, а в ушах – звуки бубна».

Бубен, в представлении алтайцев – вовсе не музыкальный инструмент, а камертон, связующий избранного представителя рода с божественными духами, с космосом. Несколько поколений мужчин в его семье устаива-

лась чести изготавливать главные реликвии рода. Делают бубен по строгим канонам. Его может изготавливать только сам шаман, либо его дядя по отцовской линии. Никто, даже шаман другого рода, не имеет права брать инструмент в руки.

Лучший, самый большой бубен, но не выше роста шамана делается для проведения праздника жертвоприношения Пайне из шкуры ритуального коня. На нём крепится девять кожаных подвесок, равных числу высочайших горных вершин. Это, по древним представлениям, обеспечивает связь шамана с космосом. Металлических подвесок – 39, по числу тюркских родов Сибири. Из шкуры оленя делают охотничий бубен – чтобы просить удачи у хозяина тайги. Из кожного покрова дикого козла курана – для лечения детей. Иные бубны связываются с обеспечением родовой деятельности, лечением болезней, рождением и смертью людей. За жизнь шаман или его дядя может изготовить не более 18 бубнов – больше нельзя, их не примут духи.

Ритуальная утварь делается всё из тех же шкур, а также берёсты, либо вырезается из капа – нароста на берёзе. Самая крупная по размерам посуда – свадебная чаша, украшенная орнаментом и сценками из жизни рода. В неё во время процессии кладутся кусочки варёного мяса, а в чашу в виде лебедя – подарки молодожёнам – бисер, кольца, серёжки, деньги, ткани.

Поминальная чаша – тяпши, украшенная орнаментом, устрашающим злых духов, предназначена для того, чтобы пускать её по кругу. Каждый участник скорбной трапезы должен отхлебнуть из неё араки – алкогольного напитка, изготовленного из конского молока.

Несколько видов чаш предназначаются для вымаливания у богов удачи на охоте. Например, весной в аяк-чашу в виде глухаря, шаман наливает замороженную с осени кровь, окропляя ячменным пивом землю и воду – хозяину тайги и хозяину воды. Затем добытчики дичи угощаются под звуки бубна и песни шамана, обращенные к духу охоты: «В прошлом году ты нам давал хорошую добычу. Но её маленько не хватило нашему народу. Сжался, не скупись, подари нам больше глухарей». В канун открытия охоты на уток, процедура повторяется, а чашу, украшенную изображением утки, пускают по воде. Нечто подобное происходит всякий раз, когда охотники отправляются добывать белку, медведя, соболя или курана.

Верхом на раскованной лошади

Несколько чаш, бубнов, туесов, а также национальную одежду и головные уборы, изготовленных своими руками, старый шаман Ма-

кар Кастараков передал в Бийский краеведческий музей имени Виталия Бианки. Так что даже фотографировать его пришлось в домашней одежде. Но он намерен вновь восстановить всё необходимое для проведения ритуалов.

Ведь его нередко приглашают на национальные праздники, как в крае, так и в Республике Алтай и даже в Москве.

Он прожил сложную жизнь. Родившись в Турацком районе Горного Алтая, ещё мальцом, по велению рода, стал шаманом. Но судьба уготовила ему и другие испытания. После окончания сельхозтехникума, а затем и института Макара Кастаракова не раз отрывали от рода – руководил совхозами и предприятиями общепита в Алтайском крае и в Киргизии. В анкетах писал, что он – «внук шамана», за что не раз подвергался гонениям. Однако власти прощали слабости, удивляясь прозорливости и пророческим предсказаниям Макара Кастаракова.

Например, задолго до свержения Никиты Хрущёва, на совещании районного актива молодой председатель колхоза заявил, что Первый секретарь ЦК будет в 1964 году снят с должностей его же соратниками, а в Турочакском районе к тому времени из двенадцати хозяйств останется только три, из восьми леспромхозов – два, а частникам вновь разрешат держать домашнюю скотину. За крамольные заявления его сняли с работы, Кастараков смог устроиться только пчеловодом. Спустя годы с той же трибуны была зачитана стенограмма выступления Макара Васильевича, точь-в-точь совпавшая с реальными событиями.

Имеются также свидетельства удивительно верных предсказаний Макара Кастаракова о распаде СССР и образовании независимых государств, новом пути России – тогда в это никто не хотел верить.

Прогноз старого шамана событий обозримого будущего таков: «Духи говорят, что катаклизмы минуют Алтай. В крае будем жить бед-

но, но более-менее спокойно. Только душевного покоя нет. Потому что Россия это – единый организм. Но где бы плохо ни было, всегда страну спасали сибиряки. Опять пострадает простой народ. Россия окажется верхом на раскованной лошади.

Что же делать? Оставаться собой. Жить по совести. Работать от души. Наводить порядок. Приходит пора заняться землей. Нельзя к ней по-вражески относиться. Холить и любить её надо. Так говорят духи!»

КУМАНДИНЦЫ – ПОТОМКИ ПОЛОВЦЕВ?

Мария Емекова.

85-летняя Мария ЕМЕКОВА несколько последних десятилетий проживает в Шатаболе. Однако такого названия села она сроду не слыживала. Деревню, сколько она себя помнит, всегда называли Шатобал, а Шатабол – это официальная версия. Каждый второй житель данного населённого пункта носит фамилию Шатобаловых – от главы администрации села, до директора школы, – но проживают они, ежели сверять с документами, – в Шатаболе.

Впрочем, Мария Павловна не вызывает никакого удивления и по поводу русского имени-отчества: «Мы же – крещёные. Как батюшка нарек по святцам, так и называемся». Также кумандинцев называли или называют татарами, кыргизами, инородцами, алтайцами, и, естественно, русскими – в ту пору, когда в трудах и лишениях известная партия «ковала» советского человека, которому не пристало знать свой род и племя.

Тем не менее, 109 жителей Шатобала-Шатабола – кумандинцы. Им, между прочим, обидно, что, пожалуй, самый известный кумандинец Ви-

Семья Шатобаловых.

талий Сафронов, вождь коммунистов Алтая и бывший депутат Госдумы почему-то стесняется своей национальности.

Современная наука относит кумандинцев к алтайцам, хотя некоторые учёные и чиновники это оспаривают. И всё же телеуты, теленгиты, телёсы, тубалары, челканцы, кумандинцы составляют алтайский народ. Среди них различают северных и южных алтайцев – кумандинцы относятся к первым.

Прежде их ещё звали черневыми (таёжными или ясашными) татарами, а сами себя они называли татар-кижи. Ныне в Алтайском крае кумандинцы проживают в основном в Солтонском и Красногорском районах, городе Бийске, а также на территориях Турочакского района Республики Алтай и Таштагольского – в Кузбассе.

Рост самосознания

По переписи 1926 года кумандинцев насчитывалось 6327 человек. В последующие годы большинство из них записывались «русскими», отчего и итоги переписи нельзя считать достоверными. Например, согласно переписи населения, проведённой в 1989 году насчитывалось около 700-800 кумандинцев, а в начале XXI века – уже до двух с половиной тысяч. Некоторые чиновники отмечают, что резкий рост «национального самосознания» связан, в первую очередь с предоставляемыми в последние годы кумандинцам льготами.

В 1999-2001 годы приняты федеральные законы, согласно которым кумандинцы причислены к коренным малочисленным народам России. Их на-

звания: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в РФ», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «О территориях традиционного пользования коренными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока». Эти документы гарантируют права на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, защиту исконной среды их обитания и традиционного образа жизни. В стране была принята специальная программа, рассчитанная на четыре года, вплоть до 2000 года, направленная на реализацию этих прав. Потом исполняли новую 10-летнюю программу. Например, в 2001 году кумандинцам, проживающим в Алтайском крае, причиталось 470 тысяч рублей. По мнению некоторых из них, имеется перекося в использовании средств на капитальное строительство. Да, возведение жилья и объектов сельского соцкультбыта – это хорошо, но они не решают проблем восстановления культуры и традиций народа. За последние годы из разных источников удалось оснастить оборудованием Шатабольский фельдшерско-акушерский пункт на сумму 35 тысяч рублей, приобрести автобус и УАЗик для администрации села, изыскать на ремонт клуба 20 тысяч рублей.

Немусульманские татары

...Мария Емекова хорошо помнит русского попа Кузьму – маленькой часто ходила в церковь с матерью. Рассказывает, что отец Кузьма хорошо понимал и говорил по-кумандински. Её отдавали замуж по православному обычаю (хотя были у Марии товарки, за которых накануне замужества платили калым). Но не может забыть старая кумандинка, как сбрасывали с церкви колокол, рушили церковь, издевались над отцом Кузьмой.

Хоть и довелось Марии Павловне ходить в школу всего две недели, отложилось в памяти, что русская учительница велела ребятам носить крестик. Прижимала руки к груди и говорила им: «Тут бога носите!»

Потом много лет исподтишка на большие церковные праздники ходили на то место, где когда-то стояла церковь. И сейчас, пока ещё силы позволяют, Мария Емекова посещает церковь, расположенную неподалёку, в райцентре Солтон.

Самое удивительное, что алтайские племена из всех тюрков до XVIII века серьёзно не вняли никакой из религий. Ни пресловутому исламу, ни буддизму, ни ламаизму, ни христианству – официальной конфессии царской России. Маленький, но независимый и свободолюбивый народ не молился никакому богу! Ни Христу, ни пророку Магомету, ни Будде!

Путешественники прошлых веков называли этих атеистов немусульманскими татарами. Русские миссионеры приложили много сил, чтобы привести их в лоно Христово, но власти в начале прошлого века пресекли как православие, так и зарождающуюся алтайскую религию, носящую название бурханизм. Да, пожалуй, только на Алтае и у тунгусов многие века теплился культ шаманизма.

Аборигены Алтая

Учёные утверждают, что алтайцы обосновались на Алтае в шестом веке нашей эры, а русские появились здесь только спустя целое тысячелетие. Но полтора века назад кумандинцы мало чем отличались от тех, кто приехал в эти таёжные места «из Расеи»: сеяли хлеб, держали скот. Отец Марии Емековой, например, особенно гордился парой бегунков – рысистых лошадей. Также занимались рыболовством и охотой. Словом, несколько поколений кумандинцев ещё до революции жило в этих местах осёдло. Семья Марии Емековой, к примеру, имела деревянный дом – никаких юрт не знала, хотя случалось, что бедные кумандинские семьи проживали в землянках. То, что в Горном Алтае рядом с домами стоят юрты, в которых семьи живут летом – такое видят только по телевизору. У кумандинцев это не принято.

В советское время традиции небольшого горного народа и вовсе почти пресеклись. Трудились на колхозных полях и фермах, молодёжь стала забывать язык и обычаи предков.

А традиции были богатыми! Недаром тюркские племена, проживавшие в Алтайских горах, в Салаире и Горной Шории, а также у их подножия со всех сторон окружены великими народами. На северо-востоке – Китай и Монголия, на юге и западе – равнинная Россия. Инородцы – так называли в России аборигенные народы, вобрали в себя как культуру экзотического Востока, так и славян.

Половцы, союзники русских

Если заглянуть поглубже в историю нынешних алтайцев, то, по свидетельству исследователя Алтая Василия Радлова, «многие из родов не являются исконно алтайскими». Среди них есть выходцы из Средней Азии, переселенцы из Монголии, «енисейские кыргызы», пришлые сойоны и даже представители юга России. К последним ряд российских учёных относят кумандинцев, в древних летописях именуемых половцами. Учёные О. Прицак и Л. Потапов считают, что слово «куман» адекватно названию половцев (кипчаков). Знаменитый русский историк Василий Ключевский утверждает, что куманы занимали с середины VI века территорию от Тянь-Шаня до Дуная, а после монгольского нашествия вошли в состав многих народов.

О половцах (куманах, кипчаках) многие из нас помнят ещё из курса школьной истории по знаменитому походу князя Игоря Святославича против половецких ханов, датируемому 1185 годом. В первом бою русские князья разбили половцев, но углубившись в степи потерпели поражение и были пленены. Об этой трагедии повествуется в «Слове о полку Игореве».

Энциклопедии утверждают, что половецкая земля тысячу лет назад простиралась от Волги до Дуная. Что этот тюркоязычный народ занимался скотоводством и ремёслами. И ещё почти два века держал в страхе зарождающуюся Русь. Наиболее опасными были нападения в конце XI века. Они прекратились только после поражений от русских князей в ходе сражений 1103-1116 годов. Но во второй половине XII века вновь возобновились, до той поры, пока не были покорены монголо-татарами в XIII веке. Однако накануне этого, как свидетельствуют летописи, они выступали против монголов совместно с русскими княжескими дружинами, например, в известной битве на реке Калке.

Интересно то, что часть половцев осела с тех пор на территории нынешней Венгрии – о чём свидетельствует и современное название провинции – Дешт-и-Кипчак. Другая часть народа каким-то невообразимым образом оказалась на юге Сибири. В этом, впрочем, нет ничего удивительного – раскопки знаменитых Пазырыкских курганов Горного Алтая показали, что здесь жили скифы – прежде обитавшие, также как и половцы, в южно-русских степях.

Обрусевшие инородцы

Спустя много-много веков, в 1861 году исследователь Алтая Василий Радлов вот что писал о кумандинцах в книге «Из Сибири»: «...Они заня-

Николай Шатобалов.

ты почти исключительно земледелием, но землю обрабатывают мотыгой. Пшеницы они сеют мало, больше – рожь и ячмень. Из ячменя делают талкан (поджаренную муку), а из пшеницы и ржи – маленькие хлебцы (тартмак). Занимаются они рыболовством, ловят хариуса, щуку, тайменя, и ускуча. Охотятся только на мелкую дичь, в основном на белку и огненную куницу.

Кумандинцы сеют лён и коноплю и сами изготавливают полотно, получают со своих овец шерсть, выделывают из него грубое сукно и красят его. Единственный товар, который они продают русским, – охотничьи трофеи. Меня уверили, что мужчины за зиму отстреливают здесь 30-50 белок и 3-4 огненные куницы.

Одежда кумандинцев очень проста. У мужчин она почти русская: длинная рубаха из белого или синего полотна, штаны из того же материала, короткий суконный кафтан с шалевым воротником из белой материи с синим кантом или из синей материи с красным кантом и высокие кожаные сапоги, которые женщины шьют сами. Женщины носят белые, синие или красные полотняные рубахи с широкой каймой по низу и вышитым жемчугом воротом. Поверх рубахи надевается кафтан длиной до колена, отделанный широким пёстрым воротником и пуговицами. В уши они продевают серьги с большими подвесками. Замужние женщины носят головные платки, из-под которых свисают две длинные косы, украшенные жемчужными нитями. Девушки имеют косы убранными наверх, без украшений, а кроме того, прикрывают голову платками. Мужчины постригаются совершенно на манер русских крестьян.

Дома выстроены из брёвен, с небольшими сенями и чуланом. В жилой комнате всегда два окна – застеклённых или обтянутых прозрачной плёнкой из коровьего желудка. Есть печь, а вдоль стен тянется широкая скамья. Кроме того стоит несколько ирбитских сундучков».

Словом, задолго до основного потока русских, осваивавших Сибирь, кумандинцы успели сильно обрусеть. А ведь этот народ, не желая быть двоеданцем, отверг притязания Китая и примкнул в России.

Сейчас возрождением народного самосознания занимаются Кумандинский национальный сельсовет в Шатаболе, национальные общественные организации, общины, ассоциации: «Чилгай» – в Красногорском, «Возрождение кумандинского народа», «Единство» и «Исток» – в Бийске, научно-исследовательская лаборатория при Бийском педуниверситете. Аборигены Алтая действительно достойны того, чтобы их традиции сохранились в веках.

МАЙМАНЫ – ДРЕВНИЙ НАРОД!

Род

Бардин – из рода майманов, известного алтайского сеока. Несколько лет назад был ага-зайсаном – руководителем старейшин всех 40 алтайских родов.

Вот что он рассказал мне о себе и своём народе:

«Судьба моя обычная. Четыре десятка лет работал в сельском хозяйстве. Из них четверть века был директором совхоза.

В 1999 году построил в ограде собственного дома в Чемале Алтайский культурный центр – юрту из дерева. Это – своего рода музей, где собраны многие экспонаты, рассказывающие о жизни и обычаях жителей Алтайских гор. Здесь, как в любом алтайском жилище есть очаг, мужская (слева от входа) и женская половины, посуда, утварь, предметы быта моих предков и многое другое. Вот шаманский бубен, женское седло, оружие, капканы, символы власти зайсана, комуз (национальный музыкальный инструмент, на котором любит играть моя внучка), охотничьи дудки. А это – шкура снежного барса. Он в 1967 году задрал много овец в хозяйстве, которым я руководил, за что был уничтожен.

Есть и другие уникальные экспонаты. Среди них – таинственный тетраэдр, который недавно был найден моими собратьями майманами во льдах Белухи. Этот ажурный рукотворный предмет, вероятно, пролежал в горах

*Александр Бардин в национальном костюме,
с плетью и в шапке из шкуры рыси –
символами власти ага-зайсана.*

много веков. Он изготовлен из проволоки или тонких кусочков светлого металла методом пайки или ковки, и представляет из себя объёмный пятиугольник.

Тетраэдр символизирует пять пространств, измерений. Современные учёные считают, что человек живёт в трёх измерениях, но гипотетически их должно быть больше.

Рядом с «ледовым пятиугольником» хранится знамя рода майманов. Оно имеет три цвета: красный – цвет огня, жёлтый – солнца, синий – неба. Эти цвета как бы напоминают о

том, что есть прошедшее, настоящее и будущее. Знамя также украшают стилизованные изображения собаки и берёзы – животного и дерева, которые священны для алтайцев. Имеется у нашего рода и свой герб. Все эти предметы не предназначаются для широкого доступа, их запрещено фотографировать.

Каждый член рода должен знать прошлое своего рода. Как минимум, шесть предыдущих поколений – как по материнской, так и по отцовской линии. Я, например, знаю своих предков до 15-го колена. Эти познания имеют важное значение в обыденной жизни, предотвращают внутриродовые браки.

Обычай

Зайсаны алтайских племен попросили покровительства российской императрицы в 1756 году. В договоре было указано, что алтайцы никогда не станут воевать с русскими – в этом наши предки поклялись перед потомками. Данное условие никогда не нарушалось. А вот договоренности о том, чтобы не завозить алтайцам водку и не вмешиваться во внутриведомственные дела инородцев, к сожалению, игнорируются уже более двух веков.

Племена, населявшие российский Алтай, раньше не косили сено, им было запрещено рвать цветы. Потому что, по их представлениям, растения – живые существа. Для отопления использовали валежник, сухие ветки деревьев. Если надо было срубить дерево, следовало произносить: «Бог природы, разреши мне дерево срубить. Мне надо дом построить, у меня дети, жена мерзнут». А молитва охотников звучала так: «Бог природы, разреши мне марала убить. Мне нужно детей накормить». В горах не кричали, чтобы не нарушить тишину птичьих гнездовий и звериных логовищ. У природы не брали лишнего, а если брали, за это благодарили. Жили в гармонии с окружающим миром.

На поясе носили вышитый мешочек, в котором хранились пуговицы его детей, а также другие характерные предметы. Например, пули – если в доме мальчики, пуговицы – если девочки.

Алтайская культура родилась в юрте.

Каждый звук, извлекаемый из комуза внучкой ага-зайсана, является словом.

ный продукт) и аракой – некрепким спиртным напитком, изготовленным из молока. Причём в отличие от русских традиций (пей до дна) у алтайцев на дне чашки обязательно должна оставаться влага. Хозяин пригубляет араку, немного поворачивает чашку, передаёт её по кругу старейшему (седому) в застолье, следит, чтобы сосуд с угощением пополнялся. Ритуал во многом похож на японское чаепитие.

Кстати, в центре алтайской культуры уже побывали японцы, корейцы. Они утверждают, что их прародиной является Алтай.

Гипотезы

Во время всемирного потопа население планеты могло спастись лишь в горах. Возможно, одним из таких пристанищ от страшной трагедии были Алтайские горы.

Немало сторонников имеет и гипотеза о распространении народов с территории Алтая. Ведь современный Алтай – широкое географическое понятие, включающее в себя огромные территории России, Казахстана, Китая и Монголии. Гора Белуха, венчающая Алтайские горы, расположена в России.

О высокой культуре населявших эту землю людей говорят раскопки Пазырыкских курганов, в которых обнаружены искусные украшения и предметы быта, датированные IV-VI веками до нашей эры.

В 1993 году на высокогорном плато Укок археологи вскрыли сохранившуюся в ледяной земле мумию «принцессы Кадын», у которой на теле сохранилась даже татуировка. По поверьям алтайцев, она является их пра-родительницей.

Немногие знают, что на том же горном плато ещё в 70-х годах прошлого века был обнаружен древний пятиметровый крест. А совсем недавно стало известно, что в Алтайских горах сохранился и 50-метровый крест.

Недаром же несколько веков странники едва ли не со всего мира искали и ищут в Горном Алтае легендарную страну Беловодье – рай на Земле. Некоторые учёные полагают, что наличие здесь символов веры, появившихся ещё до Рождества Христова, является подтверждением гипотезы о том, что первыми православными людьми на планете были племена, когда-то жившие на Алтае.

Если внимательно присмотреться к географической карте мира, то можно увидеть, что величайшие реки планеты: Амур, Лена, Енисей, Обь, Сыр-Дарья, Аму-Дарья, Меконг, Янцзы, Ганг, Хуанхэ берут начало с горных территорий, расположенных в диаметре около трёх тысяч километров. Когда-то в древности эта местность, охватывающая современную территорию Алтае-Саянской, Гималайской и иных горных систем, называлась Священным Алтаем. По оценке ряда учёных, российский Алтай является центром евроазиатского континента, центром планеты. А это означает, что здесь особая энергетика, а у здешних мест – особое предназначение.

Поэтому так важно сегодня сохранить всё то, что на современном языке называется социоприродной средой Алтая.

Широкое развитие в Горном Алтае туризма наряду с улучшением дорог, инфраструктуры (только в Чемальском районе сейчас насчитывается несколько десятков туристических баз) несёт и отрицательные последствия. Это и чрезмерная экологическая нагрузка на природу, особенно на берега Катунь и Чемала, и распространение иной культуры, морали.

Этот удивительный горный край, имеющий богатейшую историю, не очень ясное настоящее и, полагаю, достойное будущее, надо обязательно сохранить для потомков! Такой великой задаче и служит созданный Александром Бардиным Центр алтайской культуры!

КАМНЕРЕЗЫ

У одного большого скульптора спросили, как он работает над своими произведениями?

– Я беру камень, – ответил тот, – и отсекаю всё лишнее...

Нельзя писать о прошлом Алтая, да и о сегодняшнем дне его, не вспомнив о Колывани, о Колывано-Воскресенских заводах и рудниках. На всей территории восточнее Урала, – в Сибири и на Дальнем Востоке, – не было региона, где механическое производство развивалось бы так бурно, как здесь. Именно на Алтае, в далёкой глухомани в конце первой четверти XVIII века зародилась сибирская промышленность. Отсюда по горным дорогам, подобным узорам ревневской яшмы, пошли в столицу обозы, гружённые алтайской медью, а позднее – серебром и золотом, а ещё позднее – произведениями искусных умельцев – колыванских мастеров резьбы по камню.

Рассказывают историю: русский мужик Иван пришёл первым в эти места. Чем приглянулась ему округа, неизвестно. То ли шустрой речонкой, что берёт начало у величественной Синюхи, то ли лесом да тучными землями. А может, поразили его здешние скалы, где камень сверкает очаровательным блеском. Скупые на высокие слова сибиряки и сейчас, кстати, зовут эту скалу неподалёку от Колывани, – Очаровательной.

В богатую эту землю первым вбил кол Иван. Так и повелось с тех пор: старожилы именуют населённый пункт попросту – Колыван, а на картах и в книгах он отмечен, как Колывань.

В начале XVIII века государству требовалось всё больше и больше металла. Решено было поискать его в Сибири. И вот (по разным данным – в 1718, 1721 или 1723 году) люди уральского промышленника Акинфия Демидова в междуречье Чарыша и Алея обнаружили богатые залежи медной руды. На реках Локтёвка и Белая началось строительство первых медеплавильных заводов. Однако через несколько десятилетий запасы руд и леса для выжигания древесного угля, используемого для выплавки металла, стали истощаться. Были построены сереброплавильные заводы в Барнауле, Павловске и других местах, куда приписные крестьяне на лошадях доставляли руду и уголь. В 1789 году Колыванский завод закрылся.

Было решено «... его разломать и устроить на том месте, согласно плану и смете, означенную мельницу (*камнерезную фабрику – А.М.*) в два этажа, что и поручено ... выполнить служащему Вяткину, знающему механическое

мастерство, каменную же кладку поручено произвести локтевскому унтер-шихтмейстеру Девяткину под наблюдением шихтмейстера Стрижкова».

Так появился в России третий камнерезный завод – после Петергофского и Екатеринбургского центров художественной обработки камня.

13 августа 1802 года сквозь режки (так колыванцы называют шлюзы плотины) ринулась вода, приводя в движение хитроумное приспособление первой в мире механической шлифовальной фабрики, придуманное её управляющим Филиппом Васильевичем Стрижковым.

В заводском музее на стенах – портреты потомственных камнерезов Акуловых, Поднебесновых, Дороховых, Владимировых... Каких только нет здесь экспонатов! Коллекции камней: яшма и кварцит самых различных оттенков, обсидиан, орлец, родонит, авантюрин... Шкатулки, кубки, вазы, чаши, сувениры, ювелирные изделия...

Каменных дел мастера создали неповторимые ценности, которые специалисты ставят в один ряд с египетскими пирамидами, творчеством зодчих Растрелли, Воронихина, Росси...

Изделия колыванских камнерезов хранятся в музеях Москвы, Парижа, Лондона. Особой, заслуженной славой пользуются крупные чаши и вазы из яшмы и порфира. В Эрмитаже находится колыванская «Царица ваз» – чаша из ревневской яшмы, диаметр которой в поперечни-

Царица ваз в Эрмитаже.

ке достигает пяти, высота – двух с половиной метров, вес – около одиннадцати тонн. Четырнадцать лет ушло на заготовку камня и изготовление величественной чаши. Тысячи людей резцами и долотцами, наждаком и другими приспособлениями делали её.

Мастерская художника Валентина Тимофеевича Гуляева. Здесь, сначала в эскизах, а затем в опытных образцах рождается продукция камнерезного завода. Гуляев протягивает маленький, ошлифованный с одной стороны камешек.

– Это на что похоже? – спрашивает его внимательный, чуть усталый взгляд. В центре кварцевой пластинки нежное розовое пятно, окруженное зеленою.

– Да это же лесная поляна, – осеняет меня.

Художник снимает с полки пластинки, протирает их влажной тряпочкой. Говорит:

– Это – закат. Смотри: вечерние солнечные краски, поле, и даже тропинка видна. А вот – морской прибор. Или полюбуйся: на этой пластинке чем не жар-птица?!

Изготовление мозаики.

Потом мы вместе листали альбомы с эскизами, смотрели опытные образцы. Здесь кубки, призы из яшмы с серебряной филигранью, которые камнерезы готовили к Олимпиаде-80. Шкатулка «Алтайский сундучок», вазы – спецзаказ московского магазина «Русский сувенир», светильники, сувениры. В работе и готовыми довелось увидеть основную продукцию завода – облицовочные плиты, гранитные вальцы для химического производства, доводочные круги типа «Арканзас», пепельницы, карандашницы, шкатулки, запонки, броши...

Поистине, не оскудело ни мастерство колыванских камнерезов, ни богатство алтайских каменоломен – Ревневской, Коргонской, Белорецкой, Воскресенской, Бурановской...

Рабочее место ювелира Веры Сапрыкиной похоже на институтскую лабораторию – светлый удобный столик, неоновая лампа, букет цветов. Она изготавливает броши. За годы работы освоила много операций. Вот и сейчас она готовит основание броши – касты, филигрань, скрепляет их. Не знаю, может быть, случайно на её столике горят гвоздики, но рисунок филиграни броши удивительно похож на лепестки этого цветка. Доверяют Вере самые ответственные задания – изготовление опытных образцов по эскизам.

С двухэтажного корпуса шлифовально-художественного цеха, где работает Вера Сапрыкина, начинался камнерезный завод. Здесь трудились

предки нынешних мастеров, деды мастера смены Владимира Петрова, с которым я познакомился у проходной... Довелось побеседовать со многими рабочими и специалистами. Ходил я домой к ветерану завода Алексею Ефимовичу Поднебеснову посмотреть пластинку орской яшмы, по которой мчится огненный конь под золотым седлом. А главный инженер предприятия, в прошлом геолог, Борис Пчелинцев показывал мне удивительную коллекцию камней. Ещё я листал документы и архивы завода вместе с заведующая музеем А.И. Сапрыкиной, которая работает здесь без малого тридцать лет.

Любят, уважают, нет, даже благоговеют перед камнем в Кольвани, помнят традиции своего завода, посёлка.

Кольванский камнерезный завод.

Мозаичное панно «Звёздный конь», автор А. Дербенёв, исполнитель К. Крыхтин. Белорецкий кварцит, яшма. 2003 год.

Искусство кольванских умельцев расколдовало секреты камня, создало единственную школу мастеров резьбы на крупных поверхностях цветного камня. Нынешние камнерезы из Кольвани нашли свой художественный стиль – сочетание узорчатых алтайских камней с металлом и филигранью.

Большое будущее у камнерезного цеха. Он мог бы изготавливать декоративные изделия для театров, дворцов и спортивных сооружений, исполнять спецзаказы – мемориалы, пьедесталы памятников.

«Остаётся пожелать до поддержания фабрики на высотах основных её задач, чтобы дальнейшая её деятельность... возможно более соответствовала запасам двух богатейших каменоломен – Ревневской и Коргонской...». Эти строки – из книги, выпущенной в Барнауле в 1902 году, к столетию Колыванского камнерезного завода.

Когда молчит история, говорят камни! А заставить их заговорить могут лишь только мастера, такие как камнерезы из Колывани.

ПАЛАС ИЗ КОЛОНИИ КАРРАС

Тот самый палас, на котором в канун дуэли сидел Михаил Лермонтов.

В одном из алтайских музеев хранится вещь, которая имеет отношение к последнему дню Михаила Лермонтова, погибшего на дуэли в 1841 году.

К Ивану Беккеру, создателю Музея истории медицины Алтая, главврачу больницы № 2 города Рубцовска, как-то пришёл пожилой человек. Он назвался Константином Гейном, выходцем из ростовских немцев. Рассказал, что в 1943 году был выслан в Алтайский край, где после войны более 30 лет работал зоотехником в совхозе «Рубцовский».

Посетитель пришёл за советом. Дело в том, что Константин Гейн собирался уезжать к родственникам в Германию, но в России его держали неотложные и важные дела. Он выразил желание отдать в музей картины и ещё кое-какие принадлежащие ему вещи, которые запрещены к вывозу за рубеж.

Едва Беккер перешагнул порог дома Гейна, тот неожиданно остановил его: «Стойте здесь! Вы даже не знаете, на что вы наступили!» Гость удивился: на полу лежал старый, потёртый палас. Но хозяин уверял, что именно на этом паласе сидел великий русский поэт Михаил Лермонтов, причём в самый канун его гибели.

Иван Беккер.

Беккер не поверил: мало ли каких сказок он наслушался, занимаясь краеведением и музейными делами. Хозяин посадил его за стол и поведал удивительную историю.

Прежде всего он показал документы, подтверждавшие прямое родство с Иоганном Рошке, его прапрадедом. Предок рассказчика перебрался на Кавказ из Пруссии или Касселя, владел гостиницей и рестораном в немецкой колонии Каррас (в литературе она именуется также «Шотландкой», или «коллонкой»). Затем это имущество наследовала его дочь Анна Рошке. В их ресторане не раз останавливались потрапезничать молодые русские офицеры, в том числе и Михаил Лермонтов.

Спустя какое-то время после этой встречи Иван Беккер попал на Кавказ. Он посетил места, где бывал великий русский поэт, – Пятигорск, Железноводск и бывшую немецкую колонию Каррас, которая сейчас называется селом Иноземцево.

Иван Беккер убедился, что уехавший к тому времени в Германию загадочный собеседник говорил правду. На доме, которым когда-то владели предки Константина Гейна, имеется мемориальная доска с барельефом Лермонтова и упоминанием о том, что поэт останавливался здесь, а в последний день своей жизни отправился отсюда к месту дуэли.

Экспонаты этого дома, а также музея в Железноводске, публикации о судьбе великого русского поэта – всё совпадало с рассказом Константина Гейна о последнем посещении Лермонтовым ресторана Рошке. Действительно, поэт провёл значительную часть дня 27 (15-го по старому стилю) июля 1841 года в немецкой колонии. Об этом свидетельствуют и публикации друзей, родственников, исследователей

Константин Гейн – потомок Рошке.

Мемориальная доска на здании, которым когда-то владели немецкие колонисты.

(князей Васильчикова и Трубецкого, а также Глебова и Столыпина), на месте поединка было ещё несколько лиц в качестве зрителей, прятавшихся за кустами и ожидавших счастливой развязки.

Князь Александр Васильчиков, например, был уверен, что дуэль кончится пустыми выстрелами, после которых противники подадут друг другу руки и поедут ужинать.

Один из друзей поэта Николай Раевский вспоминал: «Мы пир готовили, шампанского накупили, чтоб примирение отпраздновать. Так решили, что Мартынов уж никак не попадет. А Михаил Юрьевич и совсем целить не станет. Значит, и кончится ничем».

Павел Висковатый в книге «М.Ю. Лермонтов» подчёркивал, что «...в конце дня намеревались отпраздновать у Версилиных. После чего всей «бандой» намеревались поглядеть издали на фейерверк, который князь Голицын должен был дать».

В Каррасе, куда Лермонтов прибыл к завтраку, он встретил направляющуюся в Железноводск родственницу Екатерину Быховец, которой он доводился внучатым племянником и звал кузиной.

Позднее она вспоминала: «На половине дороги, в колонке, мы пили кофе и завтракали... Пошли в рощу, и все там гуляли. Я всё ходила с ним

под руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами, коса моя распутилась, и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман...

Он при всех был весел, шутил. А когда мы были вдвоём, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне и в голову не приходило...

Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит (по-французски): «Кузина, душенька, счастливей этого часа не будет больше в моей жизни». Я ещё над ним смеялась. Так мы и отправились. Это было в пять часов. А в восемь пришли сказать, что он убит».

Золотой ободок для волос, который Лермонтов обещал вернуть Екатерине Быховец на следующий день, нашли повреждённым, облитым кровью в боковом кармане убитого.

Так немецкая колония, в которой останавливался поэт перед дуэлью, стала последним местом его земного общения с друзьями.

Н. Гуровский в очерке «Из дневника поездки по России», описывая Каррас так: «...На половине пути лежит немецкая колония, называемая Шотландкой; она крестообразно пересечена двумя улицами. На самой середине, под навесом, стоят пушка и боевой ящик. Так что, если вздумалось заглянуть сюда черкесам, как-то и было, то одной пушкой по всем направлениям можно их засыпать картечью... В колонии вы найдёте дешёвый и вкусный обед».

А Николай Раевский (в пересказе В. Шелиховской) в книге «М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников», рассказывая о времяпрепровождении, подчёркивал: «...Обыкновенно мы езжали в Шотландку, немецкую колонию в семи верстах от Пятигорска по дороге на Железноводск. Там нас с распростёртыми объятиями встречала немка Анна Ивановна, у которой было нечто вроде ресторана».

З а в е д е н и е
Рошке славилось среди посетителей не только прекрасными блюдами, но и двумя милень-

Домик Рошке, где перед дуэлью останавливался поэт.

кими прислужницами Милле и Гретхен, которые, как шутили офицеры, «угрожали погибелью русской армии».

А паласы в ту пору использовались немкой, содержательницей ресторана, по-особенному: их не клали на пол, не просто вешали на стену, а опускали со стены на скамьи для посетителей.

Один из них подарен рубцовскому музею Константином Гейном. Ещё один, точно такой же, хранится в Лермонтовском музее. Кроме того, как рассказывал теперь уже покойный даритель, его предки долго хранили рукопись стиха Лермонтова, якобы посвящённую и подаренную Иоганну Рошке. Однако эта страничка бесценного поэтического текста, вероятно, была утеряна в период массовой депортации немцев в годы Великой Отечественной войны.

Но кое-что его потомки всё же сумели сохранить. Со времен Иоганна Рошке в семье Гейна хранились шкатулка для женских украшений и футляра для кольца известнейшего в России мастера-ювелира. Эти экспонаты Константин Гейн также подарил Музею истории медицины Алтая, созданному неустанными трудами Ивана Беккера.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ

21 (8 по старому стилю) марта 1861 года император Александр II написал «Манифест о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». Так, одним росчерком пера было освобождено более 22 миллионов русских крестьян.

В Алтайском горном округе Томской губернии не было крепостных, однако его территория была большим владением царской династии, где уже почти полтора века добывались цветные и драгоценные металлы. И строй тут был особенный – не крепостной, а горнозаводской. Крестьяне горного округа числились преимущественно приписными, то есть были приписаны к серебро-и-медеплавильным заводам и рудникам, отработывая определённое число дней в году на выжиге древесного угля, гужевых и вспомогательных работах.

По Манифесту принудительный, «обязательный труд» мастеровых работников и приписных крестьян был отменен. На них распространялись права свободных сельских обывателей. В течение трёх лет крестьяне пе-

Картина Альфонса Мухи «Отмена крепостного права на Руси».

реводились с «издельной горнозаводской повинности» на оброк, то есть, обязаны были платить по шесть рублей с ревизской души, в том числе 4 рубля 50 копеек – в пользу императорского Кабинета и полтора рубля – в казну. Кроме того, крестьяне уплачивали уездные и общественные сборы, несли казенные повинности. За приписными крестьянами закреплялись в пользование усадебные и полевые земли. Мастеровые должны были освобождаться от обязательных работ в течение двух лет.

Как свидетельствовал побывавший на Алтае в 1876 году известный немецкий путешественник Альфред Брем, в 1861 году «царское имение насчитывало 145 тысяч 639 крестьянских душ и 25 тысяч 267 горнорабочих на рудниках и заводах. 12626 горнорабочих немедленно отправились домой в свои деревни и снова стали крестьянами. Другие остались и нанялись на ту же работу, что и прежде, потому что им, кроме оговоренной платы, были предоставлены занимавшийся ими до сих пор дом и земля при нём в полную собственность. Кроме того, им предоставлялась ещё одна десятая земли под покос, за неё взималась арендная плата в 22 $\frac{3}{4}$ копейки в год. Постепенно удалось пригласить и обучить и других горнорабочих, однако ещё ныне повсюду ощущаются последствия единовременной потери стольких рабочих рук».

Накануне проведения реформы на Алтае распространялись слухи о предстоящем освобождении. По мнению авторитетного исследователя, «Алтайский горный округ кануна реформы представлял особой для Кабинета и правительства опасный очаг волнений». А в ходе практического осуществления реформы недовольство вызывали отсрочка окончательной отмены горнозаводской барщины и выколачивание недоимок. Кроме того, стало известно, что кабинетское начальство готовило втихую проект насаждения в округе так называемых «горных общин» – нечто вроде советской коллективизации, который не был осуществлён.

По оценке современных историков, Манифест содействовал переходу от дешёвого обязательного труда к дорогому вольнонаемному, что отразилось на свертывании горнозаводской деятельности на Алтае, снижении, а к 1893 году – прекращении переработки металлических руд. Немаловажно и то, что прежде здесь искусственно сдерживалось развитие частной промышленности, в которой Кабинет видел конкурента на собственных землях.

Удивительный краеведческий факт: на Алтае всё же было несколько крепостных крестьян!

История эта связана с посёлком Гордеевский теперешнего Троицкого района. Видимо, единственную в Колывано-Воскресенском горном округе попытку создания помещичьей усадьбы предпринимал дворянин Афанасий Фёдорович Гордеев, служивший на Барнаульском заводе. Прежде он был управляющим Ирбинского завода Красноярского уезда. Там в 1765 году произошли волнения рабочих, которых он заставлял работать по 18-19 часов, присваивал часть их жалованья, посылал мастеровых, их жен и детей под видом помочей убирать для себя хлеб и сено, избивал работников палкой и плетью. Жалобы подтвердились, но 1 июля 1769 года Канцелярия горного начальства приказала бить мастеровых челобитчиков «батожем нещадно», а Гордеева перевели в Барнаул.

22 марта 1770 года берггешворен (горный чин соответствует армейскому поручику) обратился в Канцелярию Колывано-Воскресенского округа с просьбой отвести ему землю для хлебопашества и покосы для содержания скота, а также выделить для строительства лес, поскольку он решил поселить деревней своих дворовых людей. Место он отыскал сам, на Большой Речке, между впадающими в неё справа Шершнихи, а слева Ельцовки, в 82 верстах от Барнаула. В посёлке Барнаульского завода ему принадлежали 7 дворовых, 14 мужских душ, число которых он намеревался пополнить. По приказу начальника Колывано-Воскресенских заводов генерал-поручика

Андрея Ирмана Белоярская земская изба выделила 27 мая 1770 года Гордееву землю для поселения дворовых. По 15 десятин на каждую из 100 душ.

Но дело неожиданно застопорилось, потому что горное начальство не хотело создавать прецедент, а Гордеев не смог купить новых крестьян. В итоге, землю отвели лишь на 14 крестьян – 210 десятин. Новосёлы начали обустраиваться, но помещику было не до поселения, он был занят на производстве. Наконец, в июне 1778 года гиттенфервальтер (аналог армейского капитана) просил начальника Колывано-Воскресенских заводов освободить его от посылки на Змеиногорский рудник «за слабым здоровьем и болезненным припадком». И вообще, с декабря того же года – уволить его с заводской службы, позволить жить в заведённой его людьми деревне «коя ещё в настоящий порядок не приведена».

Просьбу удовлетворили, оставив Гордеева в чине обер-гиттенфервальтера. Однако хозяин вскоре после отставки умер. На дворовых, вероятно, нашлись наследники, и Гордеева заимка опустела. В 1781 году в это поселение разрешили селиться 11 приписным ревизским мужским душам из соседних деревень. В 1792 году здесь насчитывалось семь дворов, в 1882 году – 58 дворов. Так что к моменту освобождения от крепостного права это была обычная приписная деревня. В переписи 1926 года Гордеевка (Большаки), имевшая церковь, уже значилась селом. В 2009 году в посёлке Гордеевский числилось 1213 жителей.

ДОМ ОКАЯННЫЙ

Из истории тюремного дела на Алтае

Фёдор Достоевский, хорошо знавший тюремные нравы, поскольку отбывал наказание в Омске и Семипалатинске, и, кстати, трижды посещал Алтай, называл казематы «домом окаянным».

Недавно я случайно узнал, что какой-то томский краевед несколько лет назад прислал в краевое управление исполнения наказаний (ГУИН) шесть школьных тетрадок, в которых попытался рассказать историю алтайских тюрем. К счастью, исследование сохранилось, передано на хранение в музей ГУИН. Мне удалось заполнить данный текст. Его автор – Василий Поляков, бывший сотрудник тюремного ведомства по материалам архивов Томской губернии, в которую долго входил Колывано-Воскресенский (Ал-

тайский) округ, написал рукопись «Из прошлого алтайских тюрем». Кроме того, в 2004 году ГУИН края выпустило второй том книги «Государством призванные», посвящённой 125-летию уголовно-исправительной системы. Подобные работы, как правило, предназначены для корпоративного использования, рассказывают о людях, обеспечивающих содержание заключённых и, к сожалению, неполно освещают жизнь и события тюремной жизни. Тем не менее с привлечением других источников, я попытался составить общее представление о существовании «домов окаянных» на Алтае.

Известно, что среди тех русских людей, которые в числе первых в начале XVII века пришли на Алтай, было немало «беглых людишек». Это – каторжники, бежавшие с этапов, крестьяне, совершившие побег от помещиков, старoverы, искавшие уединения для исполнения древних церковных ритуалов. Здесь, в глухих местах, они находили укрытие от преследований властей. Однако с развитием на Алтае горно-промышленного дела возрастала нужда в рабочих руках, беглых людей стали разыскивать, привлекать к добыче и переработке руд. Работа на рудниках и медеплавильных заводах мало чем отличалась от каторги. Самым большим наказанием, например, за побег с горнорудных работ, было направление на тяжёлый участок под землей или на заводе.

С 1755 года на Алтай начинают ссылать преступников, осуждённых за тяжкие уголовные преступления. Часть из них отправляли на тяжёлые заводские и рудничные работы, остальных зачисляли в крестьяне и селили в деревнях. Так, например, возникло село Красноярское в Усть-Каменогорской волости Бийского округа.

На колодников-арестантов накладывались клейма: сперва был орёл, а с 1705 года пятнали буквами «В» (вор), «У» (убивец), «Л» (лжец), после «тать», затем, с 1754 по 1846 год, заменено на «вор», с 1846 по 1863 год – «кат» (убийца) – на лбу и щеках. С 1822 года обривали полголовы нищим, ссыльным и каторжным.

Но через семь лет, в 1762 было издано законение о прекращении ссылки на Кольванские заводы колодников, поскольку Алтай был царским поместьем. Их велели расселять на дистанциях от Тобольска к Иркутску. Впрочем, позже этот царский указ иногда нарушался и на Алтай ссылались пугачёвцы, «поляки» и несколько декабристов.

Весной 1774 года в составе отряда пугачёвцев, направлявшегося освобождать Сибирь, попали в плен и были препровождены в Змеиногорскую крепость четыре участника восстания – Иван Юрин, Максим Рынков, Иван

Бывший Никольский монастырь.

Голованов и Андрей Чапов. 3 мая следующего года к ним присоединился Иван Скоркин, беглый солдат и квартирьер армией Пугачёва, наказание которому продиктовала лично императрица Екатерина: «...из военной службы его исключить, а послать на Колывано-Воскресенские заводы в работу вечно».

Вслед за ним в июне и июле 1775 года в Змеиногорскую крепость доставили ещё 12 крупных руководителей крестьянских войск армии Емельяна Пугачёва.

Сохранилось большинство их имен: Г. Филинков, А. Тюрин, И. Кузнецов, Мартын Андреев, Филипп Мартынов, Ф. Григорьев, С. Богомолов, И. Никитин, Родион Лошкарёв, Семён Пономарёв... Их определили в «тягчайшую» горную работу под караулом. Трудились пугачевцы по 15 часов в сутки в ручных и ножных кандалах. На пропитание получали около килограмма муки и сто граммов крупы – даже соль не была положена. Кроме шубы и зипуна, варежек и голиц на руки, чарков на ноги, каторжники получали в год всего лишь одну пару белья, одну верхнюю рубаху и брюки.

15 сентября 1775 года 14 пугачёвцев совершили побег с помощью рудокопов, стражи тюрьмы и крепости. Цель заговора была в том, чтоб уйти

в степи, поднять там восстание и вернуться в Змеиногорскую крепость и уничтожить ненавистное горное начальство.

Первых пойманных беглецов доставили в ту же тюрьму 19 сентября, последних – в декабре, уже по снегу. 12 беглецов было поймано. Известно имя одного из беглецов, которому, якобы, удалось скрыться – Иван Смольников.

Пособников побега и беглецов жестоко наказали, режим содержания каторжан ещё сильнее ужесточился.

В 1951 году при разборке Змеёвой горы на снос была обнаружена подземная тюрьма-могила с уцелевшими на стенах шестью цепями с шестью истлевшими нарами и лежавшими на полу кандалами. У пещеры найден скелет человека, прикованного к тачке. Значит, содержались там не только четыре яицких казака-пугачёвца. Кто? Осталось неизвестным.

И всё же тюремного содержания преступников в современном понимании на Алтае в ту пору ещё не было. Типовой план тюрьмы появился лишь в 1821 году, до того арестанты содержались в «порубе» – земляной темнице, или в «остроге» – огороженной частоколом охраняемой территории.

На Алтае каторга, ссылка, крепость, арестантская рота заменялись тяжёлой горнорудной работой. Им нередко предшествовали телесные наказания. Например, 26 сентября 1775 года Кольвано-Воскресенское начальство рассматривало дело о поимке дезертиров, участников групповых побегов. С Томского железодельного завода «убег» Пантелей Таушев с тремя товарищами. Канцелярия постановила: «Оных работников за побег ... наказать плетью, Усольцева за четвёртый – троекратно, Таушева за вторичный – дважды...»

Пойманные преступники подчас поступали и в распоряжение поручителя, который гарантировал «несбег и постоянное житие».

В 2002 году в селе Тигирек Краснощековского района местный житель Александр Карыпов нашёл в речке Воскресенке кандалы, что говорит о том, что преступников, возможно, использовали для работ и в казачьих станицах. Этот экспонат оказался у меня, а я передал его в краевой краеведческий музей.

В 1776 году вновь было запрещено отправлять колодников на Кольвано-Воскресенские заводы, а ещё через три года – присылать сюда ссыльных. Но в XIX веке этот царский указ несколько раз нарушался. На Алтай были направлены военнопленные французы, участники войны 1812 года. Известны имена трёх из них: Александр Венсан, Луи Альбер и Пётр

Камбэ. Через полвека сюда выслали так называемых поляков, участников восстания 1863 года на территории современной Белоруссии. Вот откуда около Змеиногорска появилось село Варшава. 24 политических ссыльных поляков и несколько мещан были обвинены в серии пожаров в Барнауле 24-28 августа 1864 года. Они по решению суда были высланы из заводского поселения, хотя комиссия так и не установила истинных виновников пожаров.

Позже изредка на Алтай ссылались революционеры. Например, Соломон Чудновский, Василий Штильке, некоторые другие. Но они, как правило, только приносили пользу местному обществу, нередко получая всяческую поддержку алтайского горного начальства.

Так что тюрьмой народов дореволюционный Алтай назвать никак нельзя. По крайней мере, той вакханалии, которая происходила в тюремном ведомстве в XX веке, не было. Символично даже то, что на месте сгоревшей тюрьмы на средства барнаульцев был построен Народный дом, одно из самых красивых и востребованных в городе зданий (ныне – помещение краевой филармонии).

Первые «официальные» тюрьмы появились: в Бийске – в 1806 году, в Барнауле – с 1822 года. Позднее вышло узаконение, предприсывавшее иметь каталажки в уездных городах. Появились тюрьмы в Змеиногорске, Камне-на-Оби, Славгороде. Это были как приспособленные, так и типовые здания. В Барнауле, например, «дом окаянный» размещался в Острожном переулке (ныне – угол Комсомольского проспекта и улицы Льва Толстого) и на Сибирском проспекте, позднее в нём расположилось культпросветучилище.

О том, кто, и за какие провинности содержался в этих «тюремных замках» (именно так именовали в ту пору тюрьмы) в 1897 году даёт представление рукопись Василия Полякова. Всего в неволе находилось: подсудимых 117 человек, из них восемь женщин, срочных (осуждённых) – 536 (42 женщины), пересыльных – 139 (женщин 14), детей – 16.

Что они совершили? 342 человека – кражи, два – ростовничество, два – мошенничество, четыре – подлог, три – растрату, 12 – вымогательство, два – фальшивомонетчество, 21 – тайное винокурение, семь – беспатентную торговлю вином, 24 – убийство, 29 – грабежи, один – отравление, 47 – за нанесение увечий, восемь – истязания, два – изнасилование, один – растление, 18 – нанесение побоев, 14 – драки, два – присвоение власти, 46 – сопротивление власти, два – бродяжничество... Всего – 799 человек.

По оценке краеведа Полякова, некоторый рост преступности зависел от значительного роста сельского и городского населения Алтая в конце XIX века. «Расейские» принесли с собой привычки и обычаи винокурения, пьянства, разврата, воровства и более тяжких преступлений.

Ежедневная пища арестантов во всех тюрьмах состояла из двух с четвертью фунтов ржаного хлеба, половины фунта мяса в горячем приварке из щей или кашицы и одной десятой ведра кваса. Мясо в постные дни заменялось рыбой. В праздничные, церковные и торжественные дни пища улучшалась за счёт средств, которые собирались в кружки в местных соборах, а также продуктов пожертвователей. В целом пища была хорошей, а вот помещения – тесноваты. Арестантам и осуждённым предоставлялась возможность пользоваться тюремной библиотекой и услугами врача. В тюрьме были также «школа грамотности», церковь или часовня, сапожная, пимокатная, столярная мастерские, кузня и переплётная. Арестанты и осуждённые занимались также колкой дров, строительными и ассенизационными делами, благоустройством населённых пунктов.

Одежда и обувь включали полушубок и сапоги (на три года), брюки, куртки и рубахи заменялись каждые четыре месяца или через год.

Надзор за преступниками был, вероятно, не очень жёстким. По итогам 1903 года в Томской губернии было допущено наибольшее количество побегов среди всех российских территорий – 87, две пятых из них приходилось на алтайские тюрьмы. Но производственные показатели здесь считались одними из лучших в империи: невольники заработали свыше 36 тысяч рублей, при ежедневных расходах на содержание одного человека в три-четыре копейки.

В заключении

Известно, что в первый, романтический период всякой революции проявляется забота о тех, кто страдал от прежней власти. Распахиваются ворота тюрем, у которых восторженно встречают освобождённых узников. Так было на Алтае в 1917 году, почти все арестанты и заключённые были выпущены на свободу. Новые власти объявили об отмене смертной казни, запрет действовал до августа 1918 года. Но в кровавой мясорубке гражданской войны никакие декреты-запреты уже не работали. Ко времени прихода к власти Колчака массовые расстрелы уже стали повседневностью. Наличие большого количества оружия на руках, отсутствие судопроизводства, суровость кар, вводимых противоборствующими сторонами, в том числе против мирного насе-

ления обострили отношения людей.

В Барнауле обычным местом приведения в исполнение смертных приговоров были Нагорное кладбище и территория нынешней станции Прися-

Караульные.

гино, где трупы даже не закапывали в землю, просто сбрасывали в реку.

В Сибири, к 20 «старым» концентрационным лагерям (в них поочередно содержались сначала германо-австрийские военнопленные, затем – противники совдепа, белой власти и опять – Советов) прибавился ещё 21 лагерь, да четыре строилось. В них содержалось 914.178 – почти миллион (!) человек. Кроме того, в сибирских тюрьмах, по состоянию на конец 1918 года томилось 75 тысяч человек.

Были концлагеря в Барнауле, Бийске, Змеиногорске, причём в Змеиногорске он сооружался режимом Сибирского правительства, затем Колчака, а использовали его Советы. Лагерь, построенный в Барнауле для германских военнопленных, по рассказам старожилов, находился на пустыре, у Волчьей гривы, там, где сейчас площадь Сахарова (по другим данным – у нынешнего главпочтамта). В Барнаульской тюрьме на Сибирском проспекте, рассчитанной на 175 заключённых, содержались 517 мужчин, 83 женщины, 9 детей; в Бийской тюрьме на 120 человек томилось свыше 400. В переполненных тюрьмах, пересылках, лагерях и арестантских эшелонах свирепствовали эпидемии.

Карательные меры распространялись не только на политических противников. Уже 11 ноября 1919 года в Советской России вводится наказание для нарушителей трудовой дисциплины в виде шести месяцев концлагерей.

После окончания гражданской войны и повстанческих восстаний, до 1928 года, как правило, сроки заключения были небольшими. Но с началом коллективизации карательные меры ужесточались, репрессии становились всё более массовыми.

На Алтае, где крестьяне жили относительно зажиточно, в «кулаки» и «подкулачники» нередко записывали тех, у кого были хотя бы одна лошадь и плуг.

В первой половине 30-х годов в крае использовали труд осуждённых для сооружения Чуйского тракта. Словно грибы после дождя, вдоль будущей трассы на расстоянии 15-20 километров друг от друга выросли «командировки» – рассчитанные на 300-400 заключённых концентрационные лагеря. Местные старожилы утверждают, что на каждый километр Чуйского тракта приходится по двенадцать-пятнадцать мёртвых зёков, которых, как рассказывают, закапывали в асфальт, чтобы получать за них до конца месяца продуктовый паёк.

Страшная волна репрессий прокатилась по только что образованному Алтайскому краю в 1937-1938 годах. В 1937 году, согласно новейшим исследованиям, репрессировали 14946 человек; в 1938 – 9290.

А всего в 1919-1965 годы на Алтае были подвергнуты политическим репрессиям 45722 человека, из них осудили 42464, в том числе с применением высшей меры наказания – 15727 человек.

В начале 1938 года в четырёх тюрьмах края, рассчитанных на 1100 с небольшим человек, содержалось почти 11 тысяч заключённых. В Бийской тюрьме фактическая наполняемость превышала лимит в 17 раз! Причём периодически группы заключённых направляли в лагеря за пределы края и спешно отстреливали. Случалось, даже без сверки анкетных данных, что приводило к ужасным непоправимым последствиям. Так, в Бийске вместо приговорённых к расстрелу Тарабукина и Соколова расстреляли других людей – их однофамильцев.

Ещё перед Второй мировой войной Алтай стал местом ссылки. В апреле 1940 года сюда направили эшелон «административно высланных» поляков. А 5-10 июля 1940 года по приказу Лаврентия Берии переселили из Мурманской области и Карело-Финской АССР 1743 человека – «граждан инациональностей», к которым были причислены не только финны, шведы и норвежцы, но и китайцы, немцы, греки и корейцы. В тот же период на Алтай были направлены группы депортированных из Эстонии и Западной Белоруссии.

Уже в первый день войны появилась директива НКВД и прокурора СССР о запрете до окончания военных действий освобождения из тюрем, лагерей и колоний контрреволюционеров после отбытия ими сроков наказания. Впрочем, в соответствии с указами Президиума Верховного Совета

На посту.

СССР от 12 июля и от 24 ноября 1941 года из мест лишения свободы досрочно освободили 25 процентов заключённых от общего числа с направлением их в Красную армию. Не подлежали освобождению лишь «политические» – осуждённые за государственные преступления. По подсчётам алтайских исследователей, число бывших зеков, отправленных на фронт в первый год войны, составляло около шести тысяч человек.

Всего в конце 1941 года на Алтае насчитывалось 10 исправительно-трудовых колоний (ИТК), несколько отделений и пунктов. Они располагались в Барнауле (посёлки Куета, Осипенко), Бийске, Рубцовске, Славгороде, на станции Алтайская, в сёлах Аламбай и Боровлянка Сорокинского (ныне Заринский) района, Песьянка – Троицкого, Сентелек – Чарышского, Кызыл-Озёк – Майминского районов, в посёлке Кировский (Чистюньское отделение Сиблага) Топчихинского района.

Начиная с сентября 1941 года, в край стали прибывать эшелоны с представителями депортированных народов: 27,2 тысячи немцев Поволжья (всего за годы войны сюда сослали до 95 тысяч немцев), 25 тысяч калмыков (поэта Давида Кугультинова привезли в Бийск в «телячьём» вагоне прямо с фронта), ингушей, дашнаков... Их использовали для выполнения самого неквалифицированного, тяжёлого труда.

В январе 1942 года Госкомитет обороны принял решение о «трудармии» – хотя такой термин никогда официально не употреблялся. В документах эти формирования значились как «рабочие колонны» или «строительные батальоны». В состав 34 строительных батальонов включили около 35 тысяч человек. Условия жизни и труда у них мало чем отличались от лагерных. Им предстояло принять десятки эвакуированных из западных районов страны заводов, и разместить их на Алтае.

А 15 июля 1942 года был создан Алтайлаг для строительства 118-километровой железной дороги от Кулунды до посёлка Малиновое Озеро Михайловского района, где разворачивалось производство соды – стратегического сырья для авиационных заводов. Среди зэков, переброшенных сюда с Дальнего Востока, оказался и известный советский поэт Николай Заболоцкий. А

в Кош-Агачском районе Горного Алтая в ужасных условиях заключённые добывали вольфрам на Калбакташском полиметаллическом руднике.

В конце декабря 1945 года на Алтай прибыли первые группы военнопленных японцев. Около 14 тысяч их находилось здесь около трёх лет, до 1948 года включительно. Работали в основном на лесозаготовках и в строительстве, а также на Алтайском тракторном заводе, Алтайсельмаше и ряде других промышленных предприятий. Напоминанием о маленьких, неутомимых японцах сейчас остались лишь здания на «красной линии» и Западном посёлке краевого центра, множество объектов, построенных их руками в других населённых пунктах края, да 2,5 тысячи могил, к которым приезжают родственники умерших.

Спустя пять лет после окончания войны в Алтайском крае всё ещё состояли на учёте в 160 спецкомендатурах 129378 спецпоселенцев. Среди них: 90993 немцев, 17612 калмыков, 15873 дашнаков, 4.080 выходцев из Молдавии, 36 крымских татар, 8 чеченцев, 7 ингушей, 3 карачаевца, 3 балкарца, 2 болгарина, 5 фольксдойч, 727 кулаков, 26 власовцев, 3 ОУНовца.

В России так уже повелось, что со сменой властителя или к юбилею случаются послабления тем, кто совершил преступления. Летом 1953 года, после смерти Сталина, большая часть осуждённых в крае, была освобождена. Закрылись некоторые лагеря, например, Чистюньский в Топчихинском районе.

Более пяти тысяч заключённых вышли за ворота алтайских тюрем после 14 августа 1959 года. Среди освобождённых было немало тех, кто понёс серьёзные наказания за небольшие правонарушения.

Так, народным судом Центрального района Барнаула 27 июня 1957 года была осуждена к пяти годам заключения работница Рыбторга Т. за кражу пяти куриц у соседей.

31 марта того же года Октябрьский суд приговорил к пяти годам лишения свободы Г., за то, что тот украл старые валенки.

В ту пору было принято брать преступников на поруки. Но эксперимент поры хрущёвской «оттепели» не удался: нередко выпущенные на свободу снова принимались за своё. Вновь широко «в целях трудового перевоспитания» стали использовать заключённых на «стройках народного хозяйства». Работали они и на ударных комсомольских стройках, промпредприятиях, например, в литейке Рубцовского завода запчастей.

Во второй половине 60-х–первой половине 80-х тюремная жизнь была более-менее спокойной, если не считать нескольких эпизодов побегов. На-

пример, побег из КПЗ в Тюменцево и в Бийской воспитательной колонии, а также бунт в ЛТУ № 1 (на «шинке») в 1979 году.

Бурными событиями отмечена история алтайских тюрем эпохи перестройки. Аномально «урожайным» на дерзкие деяния оказался 1989 год. Это – побег 21 мая из следственного изолятора Горно-Алтайска четырёх осуждённых; захват 24 июня двумя зэками заложницы в Рубцовской ИТК № 9; захват двух женщин в качестве заложников 6 июля четырьмя осуждёнными в Змеиногорске; побег 2 августа 1989 года из Новоалтайской колонии четырёх осуждённых и другие эпизоды.

В начале XXI века на территории края дислоцировались 17 учреждений уголовно-исполнительной системы.

ТАХИ

Может быть, лошадь Пржевальского найдёт приют и на Алтае – месте, откуда она расселилась по всему миру.

Алтай имеет прямое отношение к сохранению единственной в мире дикой лошади – лошади Пржевальского.

Открыл, но не видел

Китайские летописи гласят: «Вот страна за Жуан-Тонг – дикая местность. Там охотился император с тремя тысячами человек, которые окружали и сгоняли диких лошадей. За 1-2 дня было выловлено 200-300 лошадей...»

В старину охотиться на диких лошадей мог лишь император, поскольку народы Центральной Азии считали их священными. В горах Алтая и Тянь-Шаня сохранились рисунки древних людей – петроглифы, на которых изображались дикие лошади. Но постепенно человек теснил их, и уже в XIX веке районом её обитания стала лишь небольшая приграничная область Монголии, России и Китая.

В 1879 году, свыше 130 лет назад, в самой труднодоступной и суровой части Джунгарской пустыни Гоби, у границы Монголии и Китая дикую лошадь открыл выдающийся русский путешественник и естествоиспытатель Николай Пржевальский.

Николай Пржевальский (1839-1888) – почётный член Петербургской академии наук, генерал-майор. Руководил экспедицией в Уссурийский край и четырьмя экспедициями в Центральную Азию. Впервые описал природу многих районов Центральной Азии, открыл ряд хребтов, котловин и озёр. Собрал ценные коллекции растений и животных; впервые описал дикого верблюда, дикую лошадь Пржевальского, медведя-пищухода.

Именно открыл, но не ловил, и даже не видел её живой. Кажется, он и не ставил перед собой таких задач. Николай Михайлович отмечал в записках: «Мне никогда не удавалось даже заметить диких лошадей, далеко на горизонте я видел лишь тучи пыли, которые они поднимали».

Что за неведома зверюшка?

Местные жители знали Пржевальского не только как путешественника, но и как заядлого охотника и коллекционера. И, ожидая вознаграждения, иногда приносили ему трофеи. Вот и в этот раз начальник одной из погранзастав привёз ему убитую лошадь, добытую знакомым охотником. Знаменитый путешественник, внимательно осмотрев трофей, понял, что размером и статью животное похоже как на лошадь, так и на кулана – азиатского осла. Он отправил шкуру и череп в Петербург в Зоологический музей Императорской академии наук. Подарок Пржевальского поначалу экспонировался с надписью «Тарпан».

Между прочим, в декабре того же 1879 года, на Херсонщине были убиты последние тарпаны – европейские дикие лошади, обитавшие в природе. Ныне их принято считать вымершим предком современной лошади, подвидом лошади Пржевальского.

Ещё через два года, в 1981 году, известный зоолог Иван Поляков, тщательно изучивший джунгарскую находку, объявил об открытии ранее неиз-

вестного вида дикой лошади. По мнению эксперта, окраска шкуры и строение черепа животного существенно отличались от домашних лошадей, тарпанов и ослов. Да и внешне дикая лошадь выглядела иначе: невысокая в холке, с короткой головой и тёмным «чубчиком» или «ремнём» – щетиистой полоской шириной до трёх сантиметров от головы до хвоста. Сам «чубчик» был стоячим, в отличие от длинных висячих грив американских мустангов – одичавших домашних лошадей. Масть джунгарской дикарки – преимущественно саврасая, мышастая и каурая, при этом «чубчик» и хвост – чёрно-бурые, а передняя часть морды – белая. Несмотря на свой небольшой рост, лошадь очень сильная. Из драк с домашними лошадьми дикие жеребцы всегда выходят победителями, а кобылы легко справлялись с волками.

Животное получило название лошадь Пржевальского. Много позже выяснилось, что она вовсе не «бабушка», а скорее «тётя» домашних лошадей, даже монгольских, которые существовали рядом.

Не углубляясь в тонкости генетики, можно сказать, что у них разное количество хромосом: у лошадей из Джунгарии – 66, а у домашних лошадей 64. Генетические исследования позволили твёрдо отнести лошадь Пржевальского к отдельному виду животных.

Лассо у водополя

Сведения об открытии диких животных очень заинтересовали европейских ученых-зоологов и конезаводчиков. Уже через несколько лет после обнаружения лошадей Пржевальского были предприняты попытки поймать их живыми.

Создатель и хозяин заповедно-акклиматизационного парка Аскания-Нова на юге Украины барон Фридрих Фальцфейн через Якова Шишмарёва, русского консула в Урге (ныне Улан-Батор, столица Монголии) попросил помочь в поиске и отлове диковинок ссыльного народника Дмитрия Клеменца, который хорошо известен жителям нашего края, как крупный исследователь Алтая. А учёный в свою очередь обратился к известному бийскому купцу Николаю Ассанову. Наш земляк нанял двух бийских охотников – Власова и Захарова, и весной 1898 года отправился с ними по Чуйскому тракту в Монгольский Алтай. Им удалось поймать у водополя четырёх новорождённых жеребят. Но, к сожалению, у охотников не было опыта обращения с этими экзотическими животными: их по ошибке напоили не кобыльим, а овечьим молоком, и молодняк погиб.

Николай Ассанов, бийский купец. Являясь купеческим старшиной в китайском городе Кобдо (ныне город Ховд, столица Ховдского аймака Западной Монголии), закупал шкурки сурка, а также овечью и верблюжью шерсть, сбывая их в Англию, Германию и даже в Америку. Там сурка перекрашивали «под норку», а шерсть использовали для ткачества.

На рубеже XIX-XX веков он полтора года держал у себя в Бийске на подворье двух молоденьких лошадок, которых приобрёл князь Эспер Ухтомский и в 1901 году преподнёс в дар императору Николаю II.

В том же году Николаю Ассанову, единственному из сибирских купцов, было присвоено звание члена-корреспондента Императорской академии наук.

После революции имущество Асанова было национализировано. Глава семьи, похоронив четырёх из пяти детей, умер от тифа в богадельне в 1921 году. Его жена скончалась в 1959 году. Рассказывают, что она часто заходила в свой бывший дом, когда в нём располагался горком партии, просила беречь здание. Сейчас в здесь располагается один из корпусов краеведческого музея.

Ассановы оставили в Бийске немало легенд. Считается, что в их особняке где-то скрыт клад, а также – будто бы он имел подземный ход до реки Бии.

Кстати говоря, автор этих строк переписывается с потомком Ассановых – москвичкой Елена Кричевцевой.

Особняк Ассановых.

Тем временем, летом того же года Дмитрию Клеменцу удаётся купить в Джунгарской Гоби у торгоутского (западно-монгольского) князя (вана) двух гибридных жеребят, происходящих от домашней лошади и дикого жеребца.

Весной 1899 года охотники Николая Ассанова поймали ещё шесть молодых кобыл и одного жеребчика, из которых пять кобылок осенью были отправлены в Бийск. Туда же доставили и гибридных лошадей торгоутского вана. В Бийске их ждал Евгений Бихнер, учёный хранитель Зоологического музея Академии наук, весной 1900 года с большими трудностями доставивший жеребят в Асканию-Нова. Это и были первые лошади Пржевальского, прибывшие в Европу.

Узнав о появлении диких лошадей в Аскании-Нова, известный торговец животными в Гамбурге Карл Гагенбек в 1901 году отправил в Бийск представителей своей фирмы, которые уговорили Николая Ассанова продать им 28 редчайших животных. На следующий год они же купили ещё 11 жеребят. Этих лошадей Карл Гагенбек предлагал различным зоопаркам мира.

Барон Фридрих Фальцфейн.

С 1898 по 1904 годы Николай Ассанов по поручению Дмитрия Клеменца и договоренности с Фридрихом Фальцфейном, а также имея договор с участием представителей Императорской академии наук, отправил в Европу в общей сложности с территории теперешней Монголии 53 диких жеребенка. Они-то и составили ту основную группу животных, от которых ведут своё происхождение все ныне живущие в зоопарках мира лошади Пржевальского.

Однако специалисты утверждают, что только три пары лошадей, включая стадо в Аскании-Нова, дали потомство для всех нынешних потомков. А начало сохранению уникальных животных было положено нашим земляком, бийчанином Николаем Ассановым.

К естественной среде обитания

В дикой природе лошадь Пржевальского видели в последний раз в Джунгарской Гоби в 1968 году. Многие десятилетия мечтой зоологов было вернуть этих животных в естественную среду обитания. И вот с 1992 года лошади Пржевальского, под наблюдением учёных, живут на воле в монгольском национальном парке Хустан-Нуру, и в китайском – Тахин-Тал. В 2005 году здесь в табунах насчитывалось около двухсот голов. В начале XXI века были выпущены на волю лошади Пржевальского и в казахстанские степи. Несколько лет обсуждается вариант акклиматизации 15 диких лошадей в Оренбуржье. Не мешало бы рассмотреть этот проект и на Алтае – месте, откуда лошади Пржевальского были распространены по всему миру.

Лошадь Пржевальского занесена в Красную книгу. На монгольском языке это животное называется «тахи». Если не считать экспериментов по реинтродукции, насчитывающих чуть более десяти лет, единственный доживший до наших дней вид диких лошадей сегодня существует только в неволе. На 1 января 1971 года в зоопарках и заповедниках всего мира насчитывалось 182 лошади Пржевальского. В наше время, по различным оценкам зоологов, в мире насчитывается от одной до двух с половиной тысяч голов лошадей Пржевальского. Для них характерны гаремные табуны во главе с взрослым жеребцом и 4-5 взрослыми кобылами с несколькими жеребятами. Молодые образуют холостяковые табуны, состоящие из молодых жеребцов.

Попыткой возвращения и восстановления вида в мире дикой природы с некоторой натяжкой можно считать и эксперимент по выпуску этих животных в украинскую «зону отчуждения» Чернобыльской катастрофы. Источники информации сообщают, что у них не фиксируется никаких генетических отклонений и прочих мутаций. По результатам учёта 2004 года в зоне отчуждения насчитали 60 лошадей Пржевальского. Хотя, как говорят, росту численности мешают браконьеры.

На полувольном содержании живут дикие животные в украинском заповеднике Аскания-Нова. Здесь группа лошадей Пржевальского в годы Второй мировой войны вообще прекратила своё существование. Поэтому после войны всё пришлось начинать сначала. Но к тому времени около сотни последних диких лошадей, прежде обнаруживаемых на границе Китая и Монголии, были уже отловлены и помещены в зверинцы. Это вызвало

среди учёных обеспокоенность, а некоторые из них поспешили заявить об исчезновении дикой лошади в природе.

В 1957 году в Асканию-Нова привезли знаменитую Орлицу III. Это была последняя лошадь Пржевальского, которую удалось отловить в природе. Правительство Монголии подарило её Клименту Ворошилову. Орлица III стала родоначальницей целой династии. Через полвека численность этих животных в Аскании-Нова, где периодически «приливают новую кровь», составила около ста особей – свыше семи процентов мировой популяции.

Но в большинстве зоопарков содержится лишь по паре лошадей, которые зачастую оказываются родственниками. Из-за кровосмешения это чревато их превращением в маленьких кудлатеньких кургузеньких существ. Зоологи столкнулись с проблемой внутривидового вырождения лошади Пржевальского, отмечая признаки так называемой инбредной депрессии – понижения жизнеспособности популяции из-за близкородственного скрещивания и содержание в неволе. Тем не менее, если в 1960 году животные содержались лишь в 17 зоопарках мира, то к 1987 году они находились уже в 107 зоопарках 23 стран мира.

Но и в природных условиях диким лошадям сегодня трудно выжить. Ведь человек освоил все укромные уголки естественного ландшафта. Приходится смириться с тем, сохранить этот вид можно только под охраной человека.

НЕНАГЛЯДНЫЙ ГЛЯДЕНЬ

История нескольких поколений немцев Кулундинской степи глазами очевидцев. О судьбе колониетских посёлков свидетельствуют инспектор переселенческого отдела, заместитель наркома, писатель, бывший трудармеец и директор школы.

Сто лет назад большие группы немцев и других иностранцев, наряду с русскими, стали новосёлами алтайских степей. Они жили здесь и прежде, руководствуясь указами XVIII века, изданными Петром I и Екатериной II, которые предоставляли им освобождение от налогов на землю и воинских обязанностей, частичное самоуправление, возможность сохранения языка,

Тополя, посаженные первыми переселенцами.

культуры и вероисповедания. Кстати, подобные льготы имели и алтайцы, которых также не забирала в армию и которым льготировали налоги.

В ходе столыпинской реформы немцы рискнули осваивать совершенно безводные и безлесные участки Кулундинской степи. Их привлекало то, что за это каждой семье прирезалась дополнительно земля: вместо традиционных 8-10 десятин здесь можно было получить до 30, и даже больше.

Так, в 1908 году на территории нынешнего Благовещенского района возникло сразу несколько посёлков, имевших одно название – Глядень. Их так звали и сейчас зовут по номерам: № 1, № 2, № 3 и № 4. Только вместо исчезнувшего Глядена-2 так сейчас именуют бывшую деревню Ивановку.

Заинтересовавшись их историей, я обнаружил несколько любопытных публикаций, встретился с интересными людьми.

В 1911 году безвестный инспектор переселенческого отдела, посетивший только что возникшие колонистские посёлки, с удивлением отмечал: «У немцев мы видели лучший скот, лучшие урожаи, лучшее зерно, лучшее сено. У них свои инструктора полеводства, огородничества, скотоводства. Их грамотность позволяет осмысленно ориентироваться в новых условиях... При неудачах не жалуются на климат, а выясняют причины неудач. Наиболее культурную зажиточную часть Кулундинской степи представля-

ют немцы, особенно немцы-меннониты (*ветвь протестантизма – А.М.*) Уже сам вид их посёлков был привлекательным. Всюду – чистота, прибранность, порядок. Дома выведены в одну линию. В палисадниках, деревнях много насаждений».

В 1927 году алтайский поэт-фельетонист и общественный деятель Порфирий Казанский также совершил поездку по немецким посёлкам. Спустя три года дорожные заметки «У кулундинских немцев» он опубликовал в издании «Алтайский сборник». Вот фрагменты этой давней публикации: «...Кулунда ... за Леньками становится совершенно безлесной. Но вот впереди, на чуть приподнятом горизонте, вырисовываются несколько необычно мощных колков, каких и до Леньков не было. Это оказываются искусственные насаждения Глядена, или, вернее, Гляденов, так как всех немецких посёлков, составляющих Гляденскую колонию, четыре.

Впереди крупных насаждений открываются совсем молодые, не закрывающие расположенных между ними строений. Это – лежащий верстах в двух перед Гляденом смешанный русско-немецкий посёлок Ивановка, первый опыт такого рода. До сих пор немцы неизменно селились строго отдельно от русских.

После Ивановки дорога приводит в Гляден номер первый. На въезде в посёлок по правую руку расположен кооператив, разукрашенный

Типичная усадьба в Глядене.

Маслобойный станок.

плакатами на немецком языке, а по левую – дом, с виду напоминающий помещичью усадьбу, а никак не жилище крестьянина, хотя бы и немца. Дальше мелькают между тополями поразительно однообразного вида постройки. Все они очень низенькие, саманные, с очень пологими двускатными дерновыми крышами. Стены неизменно выбелены, а у земли обведены неширокой серой полосой...

Гляден номер первый образует один из углов большого четырёхугольника; по остальным его углам лежат остальные три посёлка. Номер второй, в который нам нужно было

попасть, лежит по диагонали от номера первого. Внутренность четырёхугольника занята пашнями...

Гляден номер второй выглядит далеко хуже номера первого, главным образом из-за жалкого вида растительности. Его тополя так же двумя четверными рядами протянувшиеся по широчайшей улице, низкорослы, чахлы, местами сохнут, а кой-где и посохли. Встречные гляденцы одеты скорее, как городские мещане, чем как крестьяне. Нам указывают Гардера, стоящего как раз перед своей усадьбой. Это интеллигентной внешности старик с постриженной седой бородой, в старом рабочем пиджаке с рваными локтями, председатель машинного товарищества.

Первое, что бросается в глаза, это оригинальное устройство входной двери. Гардер, как и другие немцы-колонисты, с которыми нам пришлось беседовать, говорит по-русски вполне литературным языком, с оборотами речи скорее книжными, чем разговорными. Ни малейшего влияния крестьянского говора в их русской речи незаметно...

Посёлки невелики. Самый крупный из них – номер первый, в котором меньше сотни домов. В Глядене-втором всего 26 дворов. Школа и кооператив находятся в Глядене первом. В номере втором организована избачитальня, по словам Гардера, усердно посещаемая.

Сельское хозяйство гляденцев, как и у русских крестьян, почти исклю-

чительно зерновое, если не считать приусадебных огородов. Система полеводства почти одинакова с крестьянской, то есть довольно неопределённая, по существу – переходная от залежной к трёхполью. Выделялись немецкие пашни только более тщательной обработкой земли, почему и давали урожаи несколько выше, чем крестьянские. Но в сравнительно бедняцком Глядене втором с 1926 г. образовалось машинное товарищество, которое приобрело в рассрочку трактор и некоторые другие машины. Годовой опыт его работу оказался настолько положительным, что к моменту нашего приезда это товарищество перешло на устав товарищества по совместной обработке земли. Устав регламентирует не только совместное производство хлеба, но и его распределение и потребление: на руки членам товарищества выдаётся только продовольствие, остальной же урожай остаётся в амбаре для продажи его или посева.

Религиозность среди колонистов до сих пор значительна и в старшем поколении непререкаема. Младшее поколение начинает относиться к религии безразличнее, но открытого похода против неё пока нет. Семья у коло-

Рига, в которой крестьяне хранили и обмолачивали зерно. Она крыта некрашеным железом ещё революции, которое не ржавеет.

нистов держится прочно. Столь обычных сейчас среди русского населения разводов и семейных разрывов не замечается вовсе.

Переночевав у Гардера, нам хотелось бы присмотреться поближе к жизни Глядена первого, в котором, по словам Гардера, сгруппированы, главным образом, зажиточные колонисты. Каждый домохозяин Глядена первого развёл на задах своей усадьбы по полдесятины тополей, которые уже выглядят вполне взрослыми деревьями. Благодаря этому, жители Глядена первого обеспечены лесом на необходимые постройки и поделки. Строятся же здесь исключительно из самана, – единственный деревянный дом в посёлке – школа. «Зато, – пояснил Дик, – за двенадцать лет у нас не было ни одного пожара». За чаем мы узнали от Дика, что жители Глядена первого всё ещё предпочитают чисто индивидуальное хозяйство. Во всём большом сравнительно посёлке только девять дворов составили машинное товарищество.

Итак, немцы-колонисты сумели пронести через полтора столетия, через своё переселение из Херсонщины в Кулунду свою обособленность от русских, свой язык, религию, домашний обиход, семью и почти всю свою внешнюю культуру, переняв от русских (не к чести для себя) только экстенсивную систему хлебопашества, да скверную привычку обходиться без сарая при хранении машин и экипажей. В этой же своей племенной замкнутости, видимо, надеялись их дающие тон зажиточные лидеры отсидеться и от влияния революции. Но это оказалось не так просто. Классовая сущность революции – раскрепощение от кулаков и объединение бедноты пробралась и сюда и начала уже пробивать солидную брешь в самодовольной косности и отчуждённости немецкого колониста. Солидарность колонии перед окружающими русскими крестьянами трещит по швам и начинает заменяться классовой солидарностью трудящихся бедняков и середняков обеих наций против зажиточной верхушки, безразлично – русской или немецкой».

Такими увидел Порфирий Казанский немецкие посёлки в самый канун коллективизации. Но уже через несколько лет картина резко изменилась. Из-за принудительного обобществления крестьянских хозяйств и гонений на религиозной почве многие из них попытались эмигрировать в Германию. Во второй половине 1929 года немцы срочно продавали имущество, скот, инвентарь, продовольствие. В Славгороде цена лошади упала до трёх рублей, хотя её реальная стоимость была около 100 рублей. Таким образом, 63,6 процента немецких хозяйств к осени 1929 года самоликвидировались, их члены массово направились в Москву и на Дальний Восток, чтобы затем отбыть за рубеж. Только в Славгородском округе, по данным исследовате-

ля Владимира Бруля, намеревалось покинуть СССР 8.214 человек, или четверть немецкого населения округа. Среди них зажиточных было 29 процентов, середняков – 56,4 и бедняков – 14,6 процента. Но выпустили всего около семи тысяч че-

Лобогрейка.

ловек со всей страны. Тысячам немцев было отказано в отъезде. Их арестовывали, пытали, насильно заставляя возвращаться в те места, откуда они прибыли. Люди, не имевшие никаких средств к существованию, вынуждены были вернуться ни с чем. Их положение усугублялось ещё и тем, что лиц, у которых не было никакого хозяйства, даже в колхоз не принимали. Так же как и кулаков.

Удивительно смелый доклад подготовил заместитель наркома просвещения РСФСР Вильгельм Курц по итогам деловой поездки в Омский и Славгородский округа Сибири в апреле-мае 1930 года: «...Немецкий район, представлял собой совершенно исключительное зрелище, напоминающее отступление большой армии при значительной потере скота. Повсюду на полях валяются трупы лошадей, коров, телят, которые производят отталкивающее зрелище, впечатление большого народного бедствия: сёла в значительной степени опустевшие, с развалившимися или нежилыми домами, причём нигде не видно обычной для немецкого села деловой жизни крестьянства, подготавливающегося к весенней посевной кампании, как к новому хозяйственному году...»

Спустя более полувека после этих событий, в 1988 году бывший трудармеец Василий Гардер с помощью общественности опубликовал крохотным тиражом воспоминания «Взгляды в прошлое». Перед войной он успел поработать в гляденском колхозе, окончил летное училище, повоював с фашистами, но даже фронтовые заслуги не спасли его от репрессий. Судя по воспоминаниям односельчан, он был однофамильцем того Гардера, в доме которого ночевал Порфирий Казанский. А вот упоминаемый в воспоминаниях Николай Дик – тот самый, что угощал поэта чаем.

Касаясь создания колхозов, Василий Гардер подчёркивал: «...Когда встал вопрос об организации сельхозартели в их посёлке, сельчане не соглашались на её организацию. Без лишних разговоров постепенно поодиночке покинули собрание. Уполномоченные из райкома, ради получения большого процента кооперированных крестьян, начали насильственно заставлять вступать в артели с лежащим пистолетом на столе. Планового, добровольного, справедливого создания коллективных хозяйств не получалось...

В 1930 и 1931 годах во всех посёлках организовали коллективные хозяйства. В Гляденском сельсовете, в посёлке № 1, в доме бывшего зажиточного крестьянина Николая Дика при помощи районо начала работать школа колхозной молодёжи по программе 7-летнего образования. Все предметы преподавались на немецком языке до 1937-1938 годов.

В конце 30-х годов колхоз «Морген рот» стал вырисовываться как центр гляденских посёлков. Это был административный центр, здесь был сельсовет, магазин промышленных товаров, в то время как в других посёлках были ларьки, где продавали соль, мыло, керосин, спички. Все меньше становилось недовольных колхозным строем. Активнее и сознательнее стали выполнять работу. Появилось кино.

В одну из зимних ночей, ближе к весне 1938 года по всему колхозу «Электрик» поднялась тревога. Районная милиция подняла на ноги колхозников, приказала готовиться к отправке. Некоторые из них стали спрашивать: зачем, что, как, куда? Ответ милиции был прост: «Быстрее собирайтесь, а то...». И показывали револьверы. Бригадирам было указано приготовить подводы для отправки людей в район. Плач, шум, крик. В это утро в посёлке недосчитались 18 трудоспособных мужчин. Они выбыли из колхоза без суда и следствия. Увезли людей и из других населённых пунктов. Учителя, что работали в школе, были репрессированы в 1939 году, позже они были реабилитированы. Весь актив Гляденского сельсовета, который поставил на ноги колхозы, начал укреплять хозяйство, был репрессирован».

Ну а дальше – война. Необоснованное обвинение в адрес советских немцев в пособничестве фашизму. Почти всё мужское население Гляденей, молодых женщин и девушек забрали в трудармию, где было хуже, чем в лагерях. У тех, кто остался в посёлках, в памяти сохранились непосильная работа и голод. Рассказывают, что были случаи людоедства.

10 послевоенных лет каждый шаг членов немецких колхозов также отслеживался комендатурой. К тому времени колхозы объединились в один – имени XXI съезда КПСС. В 70-80-х годах прошлого века это было одно

Александр Черников собирал экспонаты музея четверть века.

жилов. Населённые пункты, основанные немцами в степи по-прежнему радуют глаз чистыми, широкими улицами. Дома в основном большие, есть и в два уровня. Но всё же не поворачивается язык назвать их зажиточными, подчас за красивыми фасадами видна нищета.

Директор средней школы Александр Черников живёт в Глядене-1 четверть века. Когда его перевели сюда, его семья была четвертой русской среди сотен немецких. Он, русский человек, вместе с такими же энтузиастами, создал музей посёлка. А к 90-летию основания сел Глядень издал брошюрку «Уголок России», в которой попытался уместить историю освоения безлюдной степи трудолюбивыми немецкими колонистами. И в музее почти каждый экспонат указывает на национальную принадлежность: сельхозорудия, швейные машинки, предметы быта.

Но ни безмолвные музейные экспонаты, ни старожилы, ни, тем более, новосёлы, наверное, не ответят, почему эта земля потеряла лучших в мире сельских хозяев – немецких меннонитов? Кто возьмётся дать прогноз: обретет ли она вновь трудолюбивых работников, не пожелавших стать её хозяевами?

из самых крепких хозяйств Благовещенского района. В домах – полное благоустройство, большинство выращенной продукции перерабатывалось на месте, что давало дополнительную прибыль.

Но в конце 80-90-х годах многие коренные жители Гляденей уехали в Германию. Формальная причина – воссоединение семей. Но реальными называли разрушение крепкого хозяйства, нерешённость национального и многих других вопросов.

В начале XXI века в этих сёлах осталось не более 15 процентов старо-

ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ НАД СЕЛОМ ОРЛОВО

Пётр Столыпин. Восковая фигура из Антропологического музея в Санкт-Петербурге.

В августе 1910 года Кулундинскую степь посетил российский премьер Пётр Столыпин. Благодарные жители села Орлово (ныне в Немецком районе) в честь этого события вскоре воздвигли обелиск.

Через 95 лет памятник возвратил на прежнее место уроженец села, лауреат Демидовской премии Алтая Иван Беккер. За эти годы монумент дважды переносили на могилы партизан, из него пытались сделать символ юбилея большевистской революции. Но теперь он вновь возвышается в центре села, которое посещал российский реформатор.

Просьбы и просьбищи

История появления этого памятного знака связана с освоением степного Алтая. В 1906 году меннониту (представитель ветви протестантизма) Якову Реймеру, проживавшему в ту пору в европейской части России, довелось встретиться с Петром Столыпиным, который активно агитировал крестьян осваивать свободные земли в Сибири. Тогда Пётр Аркадьевич заявил: «Если вы переселитесь, я обязательно приеду и посмотрю, как вы устроитесь на новом месте».

Прошло несколько лет и Орловский волостной старшина Яков Реймер

В этой карете приехал высокий гость в Орлово, а потом в ней любили фотографироваться и кататься сельские лихачи.

встречал в алтайской степи хлебом-солью российского премьера. 29 августа 1910 года его односельчане застелили центральную улицу дорожками и коврами. Соседний посёлок Лесной выделил высокому гостю карету – у немцев она называлась «дрожки с тентом». В кортеже были также и тачанки-рессорки.

Александр Кривошеин.

Для встречи с премьером Петром Столыпиным и главноуправляющим землеустройством и земледелием Александром Кривошеиным на улицах Орлова собрались тысячи людей со всей округи. А делегаты 53 переселенческих колониальных посёлков чинно разместились в только что выстроенном помещении волостного правления.

Хроники сохранили, что приветствовал высоких гостей местный проповедник Вибе. Потом премьер-министр выразил в своей речи восхищение по поводу успешного развития меннонитских колоний за столь короткий промежуток времени. А Яков Реймер, пользуясь случаем, попросил визитёров оказать помощь волости в строительстве больницы и почтового отделения. Крестьяне, подчёркивая трудности реализации выращенной продукции, также подняли вопрос о строительстве железной дороги. Глава правительства отметил: «Это уже не просьба, а просьбища... Но посмотрим...»

Однако уже через год после поездки в Орлово за казенный счёт были возведены здания больницы и почты. А железная дорога Татарская-Славгород, позволявшая без перевалки доставлять зерно из Кулунды в Европу, появилась в 1916 году, уже после трагической гибели Столыпина.

Знак памяти! Или беспамятства?

Убийство в 1911 году Петра Аркадьевича потрясло многих. В Славгороде, который появился на карте России благодаря Столыпину, была построена в его честь часовня, главная улица поименована Столыпинской. А жители села Орлово по инициативе проповедников вскладчину собрали средства, заказали и выкупили в Томске гранитный обелиск в мастерской Д. Кочерженко. Шесть каменных блоков доставили на лошадях по зимней дороге. Летом 1912 года монумент был установлен.

Вот как рассказывалось о данном событии книге В. Воцинина «На сибирском просторе», изданной в 1912 году. «На северо-восточном

въезде в деревню Орлово стоит памятник, увенчанный позолоченным двуглавым орлом и огороженный чугунной решеткой. Кругом цветник, чисто посыпанные песком дорожки, а на постаменте плита с надписью: «1910 года 12 августа. В память господину Председателю Совета Министров П.А. Столыпину и главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В. Кривошеину, посетившим Орловскую волость. На сем месте были встречены с хлебом-солью дорогие гости Волостным Старшиной Я.А. Реймером с тысячами переселенцев».

Мемориал был данью уважения алтайских крестьян выдающемуся государственному деятелю и реформатору России. Но, по сведениям Ивана Шеленберга, уже в 1918 году он был разрушен, гранитные глыбы от него какое-то время ещё валялись на машинном дворе. А в 1920 году обелиск перенесли в село Усть-Суетка на братскую могилу красных партизан. Причём, уже тогда были утеряны два нижних блока, составлявшие постамент. Дело в том, что это были самые тяжёлые гранитные глыбы, а перевозили обелиск летом, на телегах.

Как рассказывал Ивану Беккеру его отец, часть этих оставшихся в Орлово блоков были сколоты и употреблялись хозяйками как гнетки (груз) при квашении капусты и засолке огурцов. А крупные фрагменты

*Обелиск в честь высоких гостей.
Снимки 1912 и 2005 годов.*

этих камней впоследствии оказались в насыпи асфальтированной дороги у околицы Орлова.

Обелиск на партизанской могиле, естественно, потерял венчавшего его двуглавого орла. Вероятно, в ту же пору была сбита и надпись, напоминавшая о визите на Алтай российского премьера. Но так и не появились имена партизан, упокоенных под гранитными кубами.

Так что о предназначении памятника нужно было спрашивать пропагандистов. Впрочем, наиболее прозорливые догадывались о его высоком предназначении по звезде, которая сменила двуглавого орла на вершине обелиска.

Но на том приключения памятника не кончились. Спустя ещё почти полвека кому-то пришла мысль снова передвинуть его. На этот раз – в посёлок под названием Владимир Ильич (ныне в Суетском районе). Теперь обелиск «царского сатрапа» должен был почему-то символизировать 50-летний юбилей революции большевиков. Однако в том же юбилейном 1967 году жители села Усть-Суетка, как рассказывают, обратились лично к Леониду Ильичу Брежневу, лидеру коммунистов СССР с жалобой на умыкновение памятника павшим партизанам. Из Москвы тотчас же поступило грозное указание возратить злополучный обелиск на место. Что и было исполнено в 1968 году.

Но, раздраженный председатель колхоза заявил тогда авторам письма в ЦК КПСС: «Памятник я вам верну, но село – ликвидирую». Так и получилось. Более трёх с половиной десятилетий обелиск стоял в голой степи, на территории заказника. Эти долгие годы отмечены лишь одним событием. В 70-х годах прошлого века странным и величественным монументом заинтересовался журналист благовещенской районной газеты Михаил Шишкин, ныне проживающий в посёлке Степное Озеро. Он нашёл стариков, которые поведали о том, что первоначально обелиск был возведён в честь высоких царских чиновников. Потом заинтересовал школьников, вместе с которыми, наконец, восстановил инициалы погибших партизан. Но в пору застоя не нашлось стойких партийцев, которые бы добились их увековечения на безымянном монументе, сохранявшем очертания устремленной в небо часовенки.

«В честь господина председателя...»

14 июля 2005 года к обелиску в степи подъехали несколько автомашин, в том числе грузовая, и подъёмный кран. Группа людей аккуратно, но сно-

Яков Реймер и Иван Беккер – люди, благодаря которым на Алтае увековечено имя российского премьера.

ровисто демонтировала его, благоустроила площадку плиткой и мраморными столбиками, в центре захоронения водрузила мраморную же глыбу с закреплённой на ней табличкой с именами погибших партизан.

То, что должны были сделать их однополчане или односельчане многие десятилетия назад, взял на себя Иван Беккер, главный врач одной из рубцовских клиник. Нет, он не имеет никакого отношения к погибшим повстанцам. Это просто дань человеческой памяти. Мемориал на месте захоронения партизан изготовили по его инициативе в исправительной колонии Рубцовска УБ 14/9, руководит которой полковник Костенко.

А гранитные блоки старого обелиска наконец-то вновь оказались в

Так выглядит монумент, который установил 14 июля 2005 года Иван Беккер на могиле партизан в Суетском районе.

селе Орлово. 22 октября 2005 года у возрождённого монумента собрались его жители и гости. Нечасто крестьяне выражают свои мысли высоким стилем, но в этот раз искренне говорили о поистине исторической миссии, которую исполнил уроженец села Орлово Иван Беккер. Ему от души помогали работник райпо Немецкого

района Александр Фишер, кузнецы Владимир Кондратьев и Андрей Рош, реставрировавшие оградку, автокрановщик Дмитрий Буценко, водители, грузчики, бетонщики, заключённые рубцовской колонии.

Почти через столетие обелиск вновь обрёл почти первоначанный вид – двуглавого орла и постамент пришлось реконструировать по сохранившимся фотографиям. Чуть смещено и место, где первоначально возвышался обелиск. Просто, за прошедшие годы существенно изменился генплан села. Сейчас на той точке, где он когда-то располагался, находятся хозяйственные задворки сельской околицы.

А вот на нескольких десятках метров, в самом центре, у Дома культуры теперь будет три, пожалуй, самых знаковых места. Причём, они и расположены по прямой линии: первый в селе колодец, глубина которого достигала 45 метров, столыпинский обелиск и памятник Ленину. Местных жителей не смущает близкое соседство двух разных имён, оказавших существенное влияние на судьбы страны. Они считают, что эти исторические личности как бы символизируют ушедший век.

... А над селом Орлово теперь возвышается двуглавый орёл!

Переселенческий центр

Спустя ещё пять лет, в августе 2010 года в Славгороде был открыт бюст основателю города, а также состоялась всероссийская научно-практическая конференция «Роль аграрных реформ Петра Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока». Её участники отмечали, что благодаря столыпинской реформе на рубеже XIX-XX веков Сибирь получила мощный до тех пор импульс развития. Прежде всего, произошёл невиданный демографический скачок. С 1907 по 1914 год в Алтайский округ Томской губернии переселилось более 730 тысяч человек, а это около 40 процентов всех столыпинских мигрантов, пересекших Уральский хребет.

Между прочим, потомки сибирских переселенцев, которым в 1941 году было по 30-40 лет, отстояли Москву,

Всего же за годы столыпинских реформ возникло, по разным данным, от 700 до тысячи переселенческих посёлков и полторы тысячи хуторов.

В регионе существенно изменилась система земледелия. Площадь посевов на Алтае увеличилась на 85 процентов. Фактически в годы столыпинских реформ в Сибири начался технологический переворот в сельском хозяйстве. Так, объём ежегодных закупок сельхозтехники с 1905 по 1913 год вырос в 2-3 раза, да и уровень технической обеспеченности сельского

Открытие бюста Петра Столыпина в Славгороде.

хозяйства Сибири к 1910 году превзошёл общероссийский. На одно крестьянское хозяйство здесь приходилось в два раза больше, чем в европейской России, жаток, молотилок, сенокосилок, жнеек.

С 1906 по 1912 год продажа сельскохозяйственных машин и семян выросла в Сибири в 17 раз (в европейской России с 1900 по 1913 год – лишь в четыре раза). А число агрономов в Томском переселенческом районе увеличилось почти в 30 раз!

О развитии экспорта сибирских продуктов говорит тот факт, что стоимость его, особенно сливочного масла, в два раза превышала стоимость всей ежегодной добычи золота в Сибири.

Такое успешное развитие хозяйства Сибири можно объяснить комплексным и системным характером проводимой реформы.

По сути дела, благодаря Столыпину Алтай стал переселенческим центром страны. А трудолюбие и самоотверженность его жителей, включая новосёлов, придали нашему региону высокий статус житницы Сибири.

Мужество государственного деятеля

В ходе поездки по Сибири Столыпин познакомился с крестьянской общиной, которая, как он выяснил, существенно отличалась от европейской. Пётр Аркадьевич, вероятно, понял, что Сибирь с её масштабами можно было освоить только сообща. И нашёл в себе смелость признать право на существование

общины там, где она является лучшим способом использования земли.

Такой подход выгодно отличается от печальной практики последующих десятилетий, когда сначала насильственно обобществили хозяйства, а затем также по указке сверху попытались в одночасье разрушить.

Об этом мы говорили в кулуарах конференции с Константином Могилевским, исполнительным директором Фонда изучения наследия Столыпина. Он утверждает, что Пётр Аркадьевич общину не разрушал. Не только в Сибири, но и в европейской части России – нигде. Да, Столыпин негативно отзывался об общине, считая, что она давит на крестьянина. Называл её «анахронизмом, который существует до сих пор только вследствие беспочвенной сентиментальности». Но при этом акты, издаваемые столыпинским правительством, не предполагали ни в какой мере упразднение общины. Речь шла о предоставлении людям возможности выбора формы хозяйствования. Если человек хотел, он мог покинуть общину, выделиться на хутор. Или уехать в Сибирь. Хотя, конечно, в российской практике бывало всякое...

Ещё одним мужественным шагом Столыпина является то, что он, побывав на Алтае, не стал ломать установившийся здесь порядок владения землёй. С первой половины XVIII века Алтайский округ Томской губернии был владением царской династии, здесь никогда не было помещиков, частной собственности на землю. Так вот: человек, главным пунктом реформ которого была частная собственность на землю, вынужден был сделать исключение.

Это так не похоже на действия государственных деятелей Советского Союза, которые, даже зная о пагубности тех или иных идей, насильно продолжали повсеместно их внедрять! Достаточно вспомнить такие масштабные большевистские эксперименты, как, например, коллективизация или повсеместное, вплоть до северных территорий, внедрение кукурузы в период правления Никиты Хрущёва.

Параллели пересекаются

Большинство выступавших на «столыпинской» конференции справедливо отмечали, что начало комплексного освоения Сибири при Столыпине органично перекликается с теми задачами, которые стоят перед страной и её регионами на сегодняшнем этапе.

Начинается новое освоение Сибирского региона. 5 июля 2010 года утверждена Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. Алтайский край представлен в этом документе мегапроектом,

получившим название «Комплексное развитие Алтайского Приобья».

По инициативе руководства нашего края также разработан проект федерального закона «Об особо значимых аграрных территориях Российской Федерации». Придание Алтаю этого статуса позволило бы решать не только вопросы производителей сельхозпродукции, но было бы локомотивом для развития перерабатывающей промышленности и других отраслей.

По мнению участников конференции, это обеспечило бы стабильность на внутреннем рынке продовольствия и повысило продовольственную безопасность России.

Бурная дискуссия, в которой активно участвовал и народный артист России Валерий Золотухин, возникла на заседании секции, обсуждавшей тему: «Земля как духовно-нравственная категория». Один из её модераторов, ректор Алтайской государственной академии культуры и искусств Анатолий Кондыков, подводя итоги работы секции, отметил, что Столыпин употреблял термин «землеустройство» вовсе не для обозначения технологического приёма выделенной земли, а для устройства жизни человека на земле. Об этом же размышляли великие русские писатели, страдала душа Василия Шукшина, который мучился вопросом: «Что с нами происходит?»

Нельзя отчуждать человека от земли! Это грозит не только её обнищанием, но и нравственным опустошением человека, превращением его в перекасти-поле.

БУНТУЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ

Дорожный анилаг.

Грановка – небольшой населённый пункт в нынешнем Романовском районе имеет необыкновенную историю. Около двух лет, с весны 1911 до весны 1913 года, здесь проходили крупнейшие в истории России крестьянские волнения, вошедшие в историю как «Мормышанский бунт», усмирением которого пришлось за-

ниматься губернатору, правительству и лично императору Николаю II. Перипетии этой борьбы отразились и в названии села...

Тяжба у межи

Аграрная реформа Петра Столыпина подчас сопровождалась противоречием интересов старожилов и новосёлов, ошибками чиновников. В данном случае получилось именно так. У крестьянской общины села Мормыши Романовской волости было отрезано, вероятно, для перераспределения между новосёлами около шести тысяч десятин казённой земли в урочище Маяки. Причём старожилы пользовались этой пашней давно – от 50 до 100 лет.

В итоге земельный надел оказался значительно меньше среднего по Алтайскому округу Томской губернии – всего лишь по 9,7 десятины на каждую мужскую душу. Сельской общине предложили брать землю в Маяках в аренду. Однако крестьяне категорически отказались и попытались воспользоваться этой землей самовольно.

В одну из ночей весны 1911 года группа крестьян во главе с Петром Воеводиным (впоследствии он стал большевиком, погиб в Гражданскую войну), вооружившись чем попало, пробралась на участки. Они напали на землеустроителей, пытавшихся остановить самовольную распашку земли, выдернули все вехи и распахали большую часть урочища Маяки.

Вскоре 12 участников ночного нападения были арестованы и отправлены в Барнаульский замок (тюрьму). Но это не испугало крестьян. Они провели два схода – 21 января 1912 года и в марте 1912 года, на которых рассмотрели тексты жалоб в Петербург, и, несмотря на давление властей, отказались принять официальный проект надела.

21 апреля 1912 года крестьяне вновь произвели самовольную распашку более 300 десятин спорных земель. Прибывшие в село уездный исправник, пристав и крестьянский начальник, которых в Мормышах отродясь не видывали, безуспешно пытались помешать самовольной распашке и арестовать виновных. Как говорилось в полицейском донесении, «состоявшая из 93-х человек толпа подчиниться отказалась». Вмешательство исправника произвело на крестьян обратное воздействие – они выехали в Маяки семьями, взяв с собой имущество и скот. Крестьяне договорились, что в случае выдворения их силой, они оставят на участке всё с собой взятое, а затем предъявят администрации иск. 23 апреля на всей пашне площадью шесть тысяч десятин работало около тысячи мормышанцев. Они безропотно исполняли требование о переписи

всех работающих, но категорически отказывались идти под арест и прекращать работу.

Полиция запросила солдатской помощи, но, очевидно, оценив обстановку, власти не решились применить военную силу, ограничившись передачей дела в суд.

Здание сельского Совета, пожалуй, самое знаковое.

... И лично государь-император

События в Мормышках неоднократно обсуждались «на самом верху». 24 апреля 1912 года состоялось экстренное заседание Совета министров России, посвященное решению только этой проблемы. После доклада министра внутренних дел Александра Макарова выступил томский губернатор Пётр Гран, который с тревогой подчеркивал, что волнения могут перекинуться на другие селения. Он также отмечал, что успокоение мормышанцев «невозможно без применения принудительных мер». Члены Совета министров высказались за то, чтобы «изыскать все способы спокойного улажения обсуждаемого дела». Было решено обратиться к императору с предложением удовлетворить требования мормышанцев в форме «монаршего милосердия», но только в отношении части Маяков. Министру внутренних дел Александру Макарову было предложено приостановить исполнительные меры до решения Сената.

Через два дня, 26 апреля 1912 года, состоялось новое заседание Совета министров России, вызванное серьёзной озабоченностью властей из-за опасности возникновения новых беспорядков в Барнаульском уезде. Сюда были направлены три казачьи сотни. Но при этом местным властям было предложено все проблемы с крестьянами по землеустройству решать «возможно мирно».

Соответствующий доклад о рассмотрении «Мормышанского бунта» был представлен Николаю II председателем правительства Владимиром Коковцевым 2 мая.

А томский губернатор Пётр Гран в начале мая 1912 года совершил поездку по наиболее беспокойным местностям Алтайского округа губернии, в том числе посетил и перманентно бунтующие Мормышы.

Потом ещё дважды царское правительство вынуждено было возвращаться к решению вопроса о спорных территориях в Мормышях – 20 июля и 4 октября 1912 года. Деликатность ситуации состояла также в том, что алтайские земли принадлежали императорскому Кабинету, и подобные вопросы относились к компетенции министерства императорского двора, напрямую подчинённому царю, а не Совету министров или его Переселенческому управлению. Совет министров вновь вынужден был ограничиться рекомендацией «просить царя соизволения на прирезку крестьянам Мормышей 2330 десятин» в случае, если министр двора «признает сие справедливым».

23 октября 1912 года заключение правительства вновь было доложено царю, и на него, наконец получено согласие.

Умиротворение с удовлетворением

Однако на этом «мормышанское дело» не закончилось. Власти не топились решать проблему, рассчитывая на успокоение крестьян. Месяц шёл за месяцем, однако ничего существенного по разрешению конфликта не предпринималось. С его начала прошло уже почти два года, приближалась весна 1913 года, грозя новым бунтом. Было известно, что и в этот раз крестьяне собирались поступить как прежде.

К тому времени Кабинет передал все шесть тысяч спорных десятин Переселенческому управлению, чтобы крестьяне имели дело только с ним. После колебаний руководитель Переселенческого управления Александр Кривошеин (который, кстати, в августе 1910 года вместе с премьером Петром Столыпиным посещал Алтай) дал согласие на передачу жителям Мормышей 3670 десятин урочища Маяки, исключая 2230 десятин, предназначавшиеся переселенцам. В решении Переселенческого управления по Мормышам подчёркивалось, что «другие домогательства удовлетворены не будут». И как бы в подтверждение этого в сёлах Усть-Мосиха и Ключки (сейчас в Ребрихинском районе), Шарчино (Тюменцевский район), Рогози-ха (Павловский район), Среднекраюшкино (Первомайский) «за подстрекательство» было арестовано 60 человек.

28 марта 1913 года после двухлетней тяжбы «милость царя» была оглашена жителям Мормышей в присутствии томского губернатора Пе-

тра Грана, начальника Алтайского округа Василия Михайлова, сопровождающих их персон и введённых в село солдат. Внешне акция прошла спокойно. Одна петербургская газета написала, будто бы действие сопровождалось «единодушным, нескончаемым «ура». Но начальство не верило в умиротворение крестьян. Ещё три месяца в Мормышах были расквартированы солдаты. С их помощью за это время удалось произвести заселение переселенцами тех самых 3670 десятин, которую отрезали у мормышан.

Грановка – губернаторское село?

Так был создан новый переселенческий посёлок, названный по фамилии томского губернатора Петра Грана – Грановкой.

О самом губернаторе сохранились сведения, что в том же 1913 году Пётр Карлович был назначен на должность начальника Главного тюремного управления России, которую занимал до 1917 года. В сборнике «Незабытые могилы», представляющем собой фундаментальный свод некрологов из эмигрантских газет, Пётр Гран не отмечен. Это наводит на мысль о том, что его жизнь, скорее всего, окончилась в России.

Грановка существует поныне, относится к Грано-Маяковскому сельсовету Романовского района.

Несколько лет назад мне довелось побывать в этом небольшом селе, насчитывающем 190 дворов. Я интересовался у руководства сельсовета и жителей, знают ли они происхождение названия их населённого пункта. В

Улицы Грановки немногочисленны.

ответ мне говорили, что, мол, село получило имя от слова «грани». Никто не упомянул, что название происходит от фамилии крупного царского чиновника.

Как ни странно, целый ряд населённых пунктов Алтайского края

На местном почтовом отделении можно не только получить отправления, но и купить кое-какой товар.

имеет «царское» происхождение. Они сохранили свои имена даже в коммунистическую пору, когда подобные названия заменялись иными, идеологически выверенными. Странно, но как ни в чём не бывало су-

ществует, например, районный центр Романово, который берёт начало от фамилии русских царей Романовых. Имена императорских особ и цесаревичей прочитываются в названиях алтайских сёл Павловск, Петропавловское. Только одних Петровок в крае – три, Николаевок – шесть, Ивановок – семь, Александровок – восемь, Михайловок – десять. В Чарышском районе имеется даже две Алексеевки, а Екатериновка и Екатерининское значатся в Кулундинском, Славгородском и Третьяковском районах. Пожалуй, самые «благородные» в этом смысле – Кулундинский и Благовещенский районы, массово заселяемые столетие назад немецкими колонистами – по названиям здешних сёл можно изучать генеалогию русских царей.

Сохранилось в крае и немало «церковных» названий. В этом смысле показательна история нынешнего райцентра Троицкое. За годы советской власти его несколько раз пытались переименовать. Хотя, как свидетельствуют документы, название пошло не от престольного праздника Троицы, а от фамилии первопоселенца сына священника Троицкого – больного туберкулёзом человека, подыскавшего здоровое место. Тем не менее в 1925 году на заседании Троицкого сельсовета предложили дать селу имя некоего Кириченко, в 1927 году переименовали в Красиное – в память об умершем во Франции полпреде СССР, в 1939 – в посёлок Ленинск, чуть позже – в посёлок имени Чкалова. Но ни одно из них не прижилось, поныне село именуется Троицкое.

От престольных праздников пошли названия Никольский, Никольское, Покровка, Благовещенка, Воздвиженка, Вознесенка и давно исчезнувшие Успенка и посёлок Крещенский, который существовал до 1931 года в Крутихинском районе. Ещё есть Белоцерковка – в Кулундинском районе, Иконниково – в Смоленском, Поповичи – в Целинном, Воскресенка – в Заринском, несколько Георгиевок, Новогорьевское и так далее.

Удивительно, что сохранились «несоветские», «иностранные» сёла. Такие, как Вавилон, Варшава, Канны или Орлеан.

Возможно, следующие поколения будут также поражаться откровенно советскими названиями некоторых населённых пунктов. Напоминанием о минувшем остаются III Интернационал, IV Конгресс Коминтерна, Пролетарская крепость, Факел социализма, Серп и Молот, Ленинское, Кировский, Им. Владимира Ильича, Им. Калинина, Им. Фрунзе, Куйбышево, Свердловское, Комсомольский и Красноармейский...

ОБЩЕСТВО НА ДОВЕРИИ

*История алтайской кооперации знала примеры и персоны,
поучительные для всего мира*

Опыт глубинки

Будучи в командировке в Красногорском районе, я зашёл в районный краеведческий музей. И знаете, кого там застал? Делегацию организаторов кредитной кооперации из России и США. Гостям было что посмотреть в музее. Ведь именно здесь в начале прошлого века работал один из легендарных алтайских кооператоров Аггей Антонов.

Директор ассоциации кредитных союзов Алтайского края Валерий Касакин пояснил мне, что накануне в Горном Алтае проходил сибирский форум кредитных союзов. А затем участники форума решили ознакомиться с историей и современным состоянием кредитных кооперативов Красногорского района и города Бийска. К примеру, побывали в кооперативе «Доверие», образованном в феврале 2004 года, в котором состоит четыреста пайщиков.

Ну а в Красногорском музее заезжие посетители, особенно американцы были немало удивлены, я бы даже сказал – шокированы тем, что узнали. Вот что сказал мне на диктофон директор всемирного совета кредитных союзов Брайн Бранч: «Интересно то, что кооперация ещё до революции

*Руководители кооперативных организаций США и России
в Красногорском музее.*

активно развивалось в этом дальнем уголке Сибири. К сожалению, мы не знали об этом. И очень хорошо, что краеведы и администрации не только популяризируют опыт одного из основоположников кооперативного движения в России Аггея Ан-

тонова, но и продолжают развивать кооперацию». А президент лиги кредитных союзов штата Луизиана, член совета директоров всемирного совета Энн Кохран добавила, что в США кооперативное движение появилось значительно позже, чем в России, в период «великой депрессии». И потом, в конце 90-х годов прошлого века, эмигрантам из СССР и России вновь пригодился этот опыт.

Директор российской лиги кредитных союзов Вадим Кулиничев так охарактеризовал сегодняшнее состояние этого вида кооперации в стране:

– Российская лига кредитных союзов включает в себя 186 кооперативов в разных регионах России, начиная с Дальнего Востока, и заканчивая Санкт-Петербургом и Республикой Карелия. Численность пайщиков составляет более 400 тысяч человек, аккумулировано средств на сумму почти восемь миллиарда рублей. Это те деньги, которые люди в другом случае хранили бы у себя дома: под матрасом, в чулках, под подушкой или в банке. Кооператив, в отличие от банков, – принципиально иная организация. Его создают сами люди, для решения собственных задач. И управляют кооперативом сами пайщики. Причём, каждый из них в отличие от большинства других форм собственности, имеет свой голос. В кооперативе аккумулируются средства жителей того населённого пункта, муниципального образования, в котором его члены сами же проживают или работают. И выдают займы только пайщикам, а не людям с улицы. А членом кооператива можно стать, как правило, по рекомендации действующих членов.

Ассоциация кредитных союзов Алтая – один из активных членов лиги кредитных союзов России. Валерий Касаткин, директор ассоциации, является председателем совета лиги кредитных союзов России. И это неспроста, потому что алтайская организация, объединившая 38 кооперативов – самая многочисленная в стране.

Алтайская «антоновщина»

Аггей Антонов.

Один из основоположников кооперативного движения Аггей Антонов несколько десятилетий был забыт. И всё же правда восторжествовала. О нём вспомнили в современной «Истории Алтая»: «Нередко масштабы и результаты деятельности кооперативов в производственной и культурно-просветительской областях определяли энергия, инициатива и гражданские качества их руководителей. Показательна в этом отношении деятельность одной из наиболее ярких фигур кооперативного движения на Алтае Аггея Ефимовича Антонова».

Он родился в декабре 1868 года в сибирской крестьянской семье. С молодости занялся торговлей. В селе Старая Барда (сейчас – райцентр Красногорское) в 1907 году создал Старобардинскую маслоартель, объединившую 350 человек. К 1915 году артель насчитывала уже более 1000 членов. 1910 году им был организован кооператив «Ссудосберегательное товарищество» с 25-рублёвыми паями, в которое вошло 400 человек. Под руководством Аггея Антонова были созданы многочисленные кооперативы по производству сливочного, подсолнечного, конопляного масла, мыловаренные заводы, слесарные и клёпочные мастерские.

28 декабря 1912 года усилиями кооператоров во главе с Аггеем Антоновым была пущена электростанция. Она имела турбину английской фирмы «Френцисс» мощностью 95 лошадиных сил. В домах кооператоров загорелось 700 электрических ламп мощностью от 10 до 50 свечей. Оплачивалась невиданная услуга с лампочки – по 3-4 рубля в год.

Большевистская газета «Правда» 28 ноября 1912 года, за месяц до пуска первой сельской электростанции в Сибири, сообщала о предстоящем событии так: «В Томской губернии, в Бийском уезде, в селе Старобардинском в каждой избе будет скоро электрическое освещение. Выстро-

Кооперативная артельная лавка в Старой Барде.

ено уже здание с машинами, приводимыми в движение водой. Это устроила Старо-бардинская маслодельная артель, в которую входят все жители села».

Аггею Антонову удалось осуществить ещё одну идею. Поскольку устав маслоар-

телей обязывал её членов содействовать «удовлетворению культурно-просветительских нужд и духовных потребностей артельщиков», была развёрнута подписка на строительство Народного дома. Служащие кооператива пожертвовали на его возведение месячное жалование. Зимой 1914 года Народный дом был открыт. При нём действовали кинематограф, оркестр, театр, библиотека.

Вот как описывал увиденное в Старой Барде инструктор «Закупсбыта» Лебедев: «...Вечером, при наступлении темноты, село кажется маленьким городком с прекрасно освещёнными домиками... Народный дом представляет из себя одноэтажное деревянное здание. Архитектура его такова, что он сможет послужить украшением не только села, но и города».

В 1916 году по ходатайству Аггея Ефимовича перед членами маслоартели, он сложил с себя полномочия её доверенного управителя (председателя). И организовал новый кооператив: общество потребителей «Гражданин», а также возглавил Старо-Бардинское культурно-просветительное общество.

К сожалению, после революции одного из зачинателей кооперативного движения неоднократно репрессировали: арестовывали, приговаривали к расстрелу, он сидел в Соловецком лагере. Мольбы о пощаде его многочисленных заступников оставались без ответа. После освобождения Аггей Антонов перебрался в Маслянинский район Новосибирской области. Жил у младшей дочери Марии, работал счетоводом в колхозе. Умер в 1948 году в возрасте 80 лет.

Алтай – законодатель мод

Крестьянство юга Сибири было хорошо знакомо с артельной кооперацией. Всем миром жили, сообща принимали решения, с «помочами» строили дома, вместе строили и «молочную» экономику. Так возникли знаменитые Сибирский союз масляных артелей и Алтайский союз кооператоров.

До появления изобретённых в 1879 году сепараторов на Алтае, как и везде, вырабатывалось топлёное масло, а также производилось сливочное масло в ручных маслобойках. Они удовлетворяли в основном семейные потребности крестьянских хозяйств. Сепаратор же стимулировал появление маслоартелей, а вслед за тем – мощное развитие молочного животноводства.

Достаточно сказать, что одна только Старобардинская маслоартель вырабатывала до 57 тысяч пудов масла в год. Завод отнюдь не был кустарным: паровой подогрев, пастеризация, холодильники для сливок, водопровод, а мастер был приглашен аж из Прибалтики с оплатой ему 1100 рублей годового жалования. В итоге, масло получалось отменного качества, а потому и шло на экспорт, в Англию, Германию, Данию, Китай и Турцию.

Рассказывает такую историю: по словам старожилов села Новошипунново, местный маслодел чем-то досадил работникам молококанки. И они решили проучить его. Когда мастер отлучился, высыпали в бочку с маслом добрую пригоршню извести. Мастер недосмотрел, прикрыл известь свежим маслом. Бочку закрыли, отправили в Усть-Пристань. А рекламация пришла из Англии...

Статданные железнодорожной станции Челябинск, через которую проходили поезда из Сибири, констатируют, что в 1908 году Сибирским союзом

Бочки с алтайским маслом отправляются за рубеж.

масляных артелей было отправлено 3310 тысяч пудов масла в Центральную Россию и 3123 тысячи пудов за границу. А ведь был ещё речной

транспорт. Летом еженедельно до трёх пароходов, гружёных бочонками с маслом, отправлялись из барнаульского и каменского портов.

В Барнауле до Первой мировой войны действовало до двух десятков иностранных компаний, закупавших масло, а также предоставлявших крестьянам технику, оборудование и сельхозинвентарь. Среди них было немало датских фирм: «Линд», «Сибирская компания», «Лунд и Петерсон», а также американских и английских. Но и алтайские купцы и производители пустили корни в европах, имея собственные представительства, тесня местных производителей.

Итак, столетие назад Алтай стал законодателем мод в мировом молочном производстве. Датчане скупали наше масло и перепродавали его как новозеландское и австралийское втридорога, под громкими элитными марками.

И если на Алтае пуд масла стоил в 1913 году от восьми до шестнадцати рублей, в Вологде – от тринадцати до восемнадцати, то в Лондоне – от пятнадцати до двадцати.

Как сыр в масле?

Алтайское масло ещё называлось «цветочным» – оно имело аромат предгорного разнотравья. Ведь развитию отрасли способствовали прекрасные природно-климатические условия для производства высококачественного сливочного масла. Оно производилось двух сортов: «Голштинское» и «Парижское».

Принято считать, что первый на Алтае маслодельный завод открыл в 1896 году петербургский купец Сарров в селе Чистюнька Барнаульского уезда (ныне в Топчихинском районе). Через шесть лет, в 1902 году маслозаводов на Алтае насчитывалось уже 262, в 1903-м – 337, а в 1912 году – 780 (по другим данным – 1323). Чаще всего владельцами маслозаводов были крестьянские кооперативы. Они производили продукции на сумму 13 миллионов рублей.

Легенда о том, что в Сибири тележные ступицы смазывают не дёгтем, а сливочным маслом, не была сказкой. Историки говорят о «масляной лихорадке», похожей на американскую «золотую». И вправду, что ещё могло расти быстрее, чем кооперативные молоканки?!

Основа масло– и сыроделия – высокоразвитое животноводство. К 1914 году на каждые сто жителей Алтая приходилось 72 головы крупного рогатого скота, в то время как в европейской части России – 23,6, в Англии –

58, в США – 62. Без сомнения, Алтай до революции занимал лидирующее положение в мире по развитию животноводства. В годы советской власти он существенно сдал позиции, особенно по продуктивности молока. Почему так случилось – отдельная тема. Например, в Голландии надаивают от одной коровы 20 тысяч килограммов молока, а в Алтайском крае – две-три тысячи.

Первые сыроварни на Алтае появились в 1900-м году, но пик сыроварения, как и изготовления сливочного масла, пришёлся на период НЭПа. Самыми «сырными» районами были территории предгорий, где разнотравье давало удивительное молоко.

С 1913 года сыры алтайских производителей становятся победителями самых престижных конкурсов и ярмарок мира.

Для потребителей Великобритании выпускали сорта «Чеддер» и «Гауд» в традиционных цилиндрах высотой в 50 сантиметров и сроком созревания 3-4 месяца. Швейцарский сыр вызревал целых восемь месяцев и экспортировался в форме приплюснутого цилиндра диаметром в один метр. Голландский сыр делали в форме головки. Появились и местные сорта сыра.

До Первой мировой войны алтайские масло и сыр имели сбыт не только в округе, Сибири, но по всей России и за рубежом. Достаточно сказать, что сливочное масло вывозилось ежегодно в количестве 8-16 тысяч тонн в бочонках ёмкостью 3,5 пуда по Оби до Новониколаевска, далее железной дорогой, в белых вагонах-холодильниках в Ригу, а затем в Лондон, Копенгаген и другие города.

В 1910 году российский премьер Пётр Столыпин отмечал, что сибирское масло дает золота больше, чем вся сибирская золотопромышленность.

Объёмы производства масла и сыра сократились из-за транспортно-сбытовых проблем в годы войн и революций, затем несколько выросли в период НЭПа, но пресеклись во время коллективизации. С начала 30-х годов прошлого века кооперация была огосударствлена.

А ведь ещё в конце 1928 года потребительская кооперация в Славгородском округе объединяла 79 процентов крестьянских хозяйств, в Рубцовском – 90 процентов. Сельскохозяйственная кооперация в Каменском округе охватывала 56,4 процента, в Барнаульском – 58 процентов крестьянских дворов. Особенно быстро развивалась маслодельная кооперация, которая объединяла в 1928 году в Рубцовском округе – 84,7 процента, в Каменском – 78 процентов крестьянских хозяйств. Все эти добровольные сельские

Так вызревает сыр.

объединения в период коллективизации были ликвидированы.

Официальное обоснование этого безумия звучало так: «величайший экономический кризис в капиталистических странах, начавшийся в 1929 году, вызвал оже-

сточённую кампанию против советских товаров, и в частности масла». Советские газеты писали, что якобы в Англии эта кампания сопровождалась анекдотическими выступлениями о «большевистской заразе», к(ото)рая находится на советской земле».

На самом деле кооперация не вписывалась в планы Сталина, направленные на коллективизацию, способствующую лёгкому изъятию у крестьян выращенной и переработанной сельскохозяйственной продукции.

Уже в 1933 году «в порядке самообложения» с каждой личной коровы колхозник должен был сдать 400 литров молока, с каждой курицы, включая петухов, 200 яиц. Но переработать многое из того, что отбиралось у крестьян, было уже негде: многие кооперативные предприятия к тому времени уничтожили. Откуда ж взяться маслу и сыру?

Масло – и сыроделие ушло на периферию экономической жизни. К примеру, в 1990 году, объём экспорта этой продукции в крае уменьшился в 70 раз.

Но подвижники пытались сохранять традиции и опыт. В 1931 году алтайский сыродел завода в селе Алтайском Дмитрий Граников освоил новую технологию производства нового твёрдого сыра, получившего название «Советский». Досужие люди подсчитали, что за полвека, к 1981 году, на Алтае было выработано около 150 тысяч тонн этого сорта сыра, край занимал первое место в стране по его производству.

Сегодня в крае свыше полусотни сыродельных заводов, несколько десятков маслодельных предприятий. Многие из них, к сожалению, технологически устарели, нуждаются в реконструкции. Но осталось хорошее

сырьё, которое рано или поздно будет востребовано для производства качественного сыра и масла.

Хочется верить, что неизбежно возродится и широкое кооперативное движение, поскольку оно исключает эксплуатацию членов организации и предполагает их равенство. Где вклад каждого абсолютно равен, так же как и доход. А у каждого пайщика – лишь один голос. И никаких тебе буржуйских контрольных пакетов акций!

Недаром немарксистские теоретики ставят знак равенства между кооперацией и социализмом? Чего ж у нас от сплошной коллективизации кинулись в другую крайность – к крайнему индивидуализму?! И как же индивидууму выжить в условиях глобализации и иных современных вызовов без объединения?! Другими словами, – без кооперации!

ПОЖАР ГАСИЛИ ВИНТОВОЧНЫМ ОГНЁМ

22 июля 1914 года, в Барнауле произошли самые крупные в Сибири волнения солдат-запасников, мобилизованных на Первую мировую войну.

Город – в руках ополченцев

Запасники требовали «кормовых» и пособий для своих семей, улучшения условий размещения и транспортировки, вежливого отношения к себе.

В телеграмме, направленной томским губернатором накануне трагических событий из Барнаула в адрес командующего Омским военным округом, сообщалось: *«Возбуждение между запасными растёт... (и они) отказываются выступать, требуя кормовых».*

Вот что сообщала о солдатском бунте газета «Жизнь Алтая» в номере 161 за 1914 год: *«...К тому времени в Барнауле собралось до 20 тысяч ополченцев. Военные власти не смогли разместить и накормить запасников, начались беспорядки и погромы, в частности, винно-водочных заводов, где была готовая продукция. Затем начался пожар. Горел винный склад купца Четина, а затем загорелись склады со спиртом, принадлежащие торговому дому братьев Ворсиных. Погибло много людей, были произведены аресты виновных».*

3-я Луговая улица. Начало XX века. (Из фондов АГКМ).

Город, в который прибыли мобилизованные, не вмещал их. Часть запасников провела несколько дней и ночей прямо на улицах. Плохо было организовано и их питание. Вместе с призывниками приехали из деревень прово-

жающие их члены семей, получилось большое скопление людей. Следует отметить, что накануне в стране был введён так называемый «сухой закон», а мающиеся от безделья, оторванные от привычной обстановки вчерашние крестьяне, желали разрядки.

К вечеру 22 июля город фактически находился в руках ополченцев. Власти были полностью дезорганизованы. Исправнику пришлось по согласованию с прокурором разрешить чинам полиции переодеваться в «частное платье», иначе «каждый момент грозила личная опасность». Полицейские не смели появляться на улицах. Чиновники разбежались из учреждений по домам. Полиция и воинский начальник спрятались.

Крестьяне, составлявшие большинство солдат, призванные из запаса, ловили и избивали стражей порядка. Особенно сильное возбуждение царило неподалёку от берега Оби, на 2-й и 3-й Луговых улицах, где располагались маслодельные конторы, склады сельхозмашин и орудий, в том числе датских, американских и других. Многие запасные и их родственники состояли в должниках этих фирм, сеть которых покрывала весь округ.

Огонь на винных складах

Очень привлекал будущих солдат и казенный винный склад Барнаула на 3-й Луговой улице. Отсюда, судя по всему, и начался погром. Спирт и водку пили прямо на складе, уносили с собой. Из двухэтажного винного склада за городом тащили водку и спирт. Люди шли, шатаясь, ползли, валялись в канавах, на полу и в коридоре винного завода.

Внезапно в подвале склада, где находился спирт, вспыхнул пожар, который вскоре распространился на несколько кварталов, унёс немало человеческих жизней.

Пожар на винных складах, по версии очевидца событий, будущего писателя-натуралиста Максима Зверева, произошёл потому, что *«кто-то вырвал кляп из бочки со спиртом, швырнул спичку. Большое здание запылало, заполненное людьми, потерявшими способность двигаться. Это было страшное зрелище»*.

Десятки людей, скорее всего, сгорели заживо. Застигнутые огнём на среднем этаже склада, выпрыгивали из окна на землю, залитую вином и заваленную осколками стёкол. Все усилия пожарных, пытавшихся погасить огонь, оказались тщетными, поскольку вода не способна загасить горящий спирт.

Немного погодя после начала пожара на винном складе загорелась расположенная рядом усадьба Четина. Уже сильно утомлённые пожарные не успели вовремя его предотвратить. Бросились спасать соседей Четина. Но в это время в толпе раздались крики: «Не давай, ребята, тушить! Пускай горит!» Эти вопли оказали мгновенное действие. Пожарных начали оттаскивать от насосов, забрасывать камнями и палками, посыпались угрозы физической расправы. Огнеборцы вынуждены были отступить.

Открытый грабёж

Между тем пламя охватило дома и постройки Кочанова и Трещаловой, конторы маслодельческих фирм и склады. Сгорели три улицы около пристани. Лишь одна пристань не пострадала, её отстояла администрация пароходства.

В разгорячённой толпе послышались призывы к разгрому и грабежу. К месту пожаров, охвативших около девяти часов вечера уже целые кварталы, стекались всё новые и новые толпы запасных и городских жителей. Разобрав оружие разбитых ими же оружейных магазинов, они стали громить дома, лавки, склады. Имущество, вытащенное из горящих помещений, подверглось разграблению. Поджоги и погромы стали происходить открыто, несмотря на вопли хозяев домов и магазинов.

Словом, происходило то, что газета «Жизнь Алтая» назвала «настоящим кошмаром». В грабеже принимали участие все: мужчины, женщины, дети.

Полицейский исправник Григорьев, полковник Плотников и начальник тюрьмы спешно сформировали из «здравомыслящих» запасных и жителей Барнаула несколько команд, попытались организовать усмирение. Несколь-

ко вооружённых команд во главе с офицерами подошли к месту массовых грабежей. На Луговых улицах, где горели склады и конторы, завязались настоящие сражения.

Залп по непокорным

Наконец, на улицах города показались солдаты. Они спешно приехали из Новониколаевска на пароходе «Илья Фуксман».

По воспоминаниям Максима Зверева, *«толпа перестала шуметь, но и не разбежалась. Офицер что-то скомандовал. Солдаты построились двумя шеренгами, перегородив улицу. Офицер и пристав оказались позади солдат».*

Как сейчас помню слова команды, сразу, без предупреждения:

– Первая шеренга с колена, вторая стоя, прямо по толпе – взво-од... пли!

Грянул залп! Вслед за ним сразу же защёлкали затворы винтовок.

– Пужают это! – крикнул кто-то. И голос утонул в общем вопле ужаса, когда увидели падающих убитых, раненых. Толпа бросилась врассыпную, я тоже кинулся бежать.

Потом рассказывали, что солдаты больше не стреляли. Они окружили выломанные двери и хватали выбегающих людей с награбленным. Казаки уведили их в тюрьму. Люди перестали выбегать, боясь быть схваченными. Но вдруг обвалился горящий потолок и завалил выход. Многие погибли в огне».

Однако в других местах грабёж по-прежнему продолжался. Некоторые мародёры оказывали сопротивление при задержании. Стрельба в Барнауле продолжалась до утра.

На осадном положении

Правительство страны объявило Барнаул на осадном положении, направило против бунтовщиков войска. Для поддержания порядка в городе было увеличено количество городских, привлекались солдаты из Новониколаевска, казаки.

Жуткая картина предстала взорам жителей города утром 23 июля. На улицах Барнаула полиция подобрала около 40 трупов грабителей. Немало их погибло в огне во время пожара в пассаже Смирнова (он располагался на углу улицы Пушкина и Московского (Ленинского) проспекта, позже был восстановлен, но сгорел снова в мае 1917 года), в котором, кроме магазина, размещались биржа и отделение Русского банка внешней торговли. Несколько трупов было обнаружено на парходных пристанях. Из числа за-

*Бывший торговый дом Поляковых, ныне магазин «Красный», пр. Ленина, 14.
Фото 30-х годов XX века.*

пасных 112 человек были убиты или погибли в огне, несколько сот ранены. В пламени погибли 45 больших зданий, в том числе 32 жилых дома, находившихся между набережной Барнаулки и Оби, и на 3-й Луговой улице, за исключением дома Козлова. Пострадали несколько маслоэкспортных контор, разных складов, пакгаузов, много мелких лавок на пристани. Кроме того, подверглись разграблению и частично пострадали от огня мануфактурный магазин Морозова, магазин № 2 Второва, несколько фруктовых и других лавок.

За участие в грабежах, а также сопротивление патрулям солдаты и полиция арестовали и препроводили в тюрьму 155 человек.

Вся жизнь в городе замерла. Хотя имеются сведения, что были попытки организовать новые волнения. Однако Максим Зверев утверждает, что «уже на другой день в городе воцарилось полное спокойствие. У воинского присутствия стояли огромные очереди новобранцев. Словно ничего не произошло. Оказывается, воинский начальник успел дать телеграмму в Новониколаевск, прежде чем нырнул «в подполье». Из Новониколаевска прискакали четыре десятка казаков с хорунжим и урядником. Мгновенно по городу разнеслось – «казаки приехали». Десятки тысяч смирились перед горсткой казаков».

Все магазины, лавки, конторы были закрыты. Городской голова Александр Лесневский запретил появляться без уважительных причин на ули-

Современный вид магазина «Красный».

цах после 9 часов вечера. В Барнаул в последующие дни было направлено подкрепление: воинский отряд из Томска в составе 80 человек, затем ещё три сотни казаков.

26 июля на винном складе всё ещё продолжался пожар. В двух цистернах выгорал спирт. Причём пока он пылал наверху, рабочие выкачивали его снизу, через краны. Здания склада были полностью разрушены, остались лишь обгорелые стены. Стеклопосуда сплавилась в слитки. В нижних помещениях после пожара обнаруживались обгоревшие части человеческих тел.

Посчитали – прослезились...

По сведениям томского краеведа Василия Полякова, власти опасались, что толпа, разбившая винный склад, может напасть на тюрьму, расположенную неподалёку. У тюрьмы не раз собирались большие толпы пьяных. Были выбиты стёкла окон административного здания. Трое неизвестных залезли на вышку и вели переговоры с арестантами. Но помощник смотрителя Филатов произвёл в них три выстрела, и они скрылись. Для усиления охраны тюрьмы прибыла воинская команда из 40 человек.

Наиболее крупные потери понесло акцизное ведомство. Пожар на винном складе обошёлся ему в полтора миллиона рублей. Далее следовали: Иван Смирнов, у которого был разграблен и пострадал от огня знаменитый пассаж – один миллион рублей; «Сибирская компания» (сгоревший склад

сельхозорудий) – 600 тысяч рублей; товарищество «Столь и К» (склад сельхозорудий и дом с имуществом) – 250 тысяч; товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли (сгорели дом, склады соли и кож) – 200 тысяч рублей; Михаил Вершинин (дом и магазин обуви, фуражек, шапок, материалов, мехового и суконного товара) – 120 тысяч рублей. Всего убытки от пожара и грабежей составили огромную по тем временам сумму – четыре миллиона 457 тысяч 350 рублей. Убытки только «Сибирской компании», иностранной фирмы, занимавшейся на Алтае закупкой сельхозпродукции, составили 200 тысяч рублей.

Лишь 29 июля жизнь барнаульцев вошла в спокойное русло.

Дурной пример заразителен

В те же дни волнения проходили и в Бийске. Там часть запасных откачалась прибыть в опорный пункт для отправки на фронт. Но властям удалось справиться. Томский губернатор наградил бийского исправника Полякова деньгами в сумме сто рублей «за особые труды по прекращению бывших в г. Бийске и уезде в 20-х числах июля беспорядков».

Выступления запасных солдат отмечены также в сёлах Кытмановском, Шелаболихе, Выдрихе, Павловском, Екатерининске, Новоалейске. В южную часть Алтайского округа была направлена карательная экспедиция Лопатина, которая, умирив запасных и крестьян, прошла по сёлам расстояние 622 вёрст.

Максим Зверев утверждал, что *«такие же разгромы призывниками винных лавок и магазинов произошли в Кузнецке и в Камне»*.

По неполным данным, в Томской губернии (Алтайский округ ещё три года являлся её составной частью) во время солдатских бунтов было убито 136 и ранено 33 участника волнений, также ранено 31 должностное лицо. К суду привлекли до 1400 человек, среди которых, кроме запасных солдат, были и не подлежавшие мобилизации крестьяне и горожане. Дела были переданы в военный суд. По приговорам судов многие крестьяне и запасные были расстреляны, сотни крестьян приговорены к каторге и заключены в тюрьму.

Следствие по делу о барнаульских беспорядках, случившихся 22 июля 1914 года, длилось долго. Судебный процесс начался лишь 27 октября 1915 года и продолжался более месяца. По делу проходили 200 человек.

Были осуждены: от четырёх до восьми лет – 15 человек; в исправительно-арестантские роты на сроки от одного месяца по четырёх лет – 82 человека; в тюрьму на сроки от одного месяца до трёх лет – 32 человека.

НА ТОЙ ДАЛЁКОЙ, НА ГЕРМАНСКОЙ...

Научный сотрудник Бийского краеведческого музея имени Бианки Константин ЯРОСЛАВЦЕВ проделал большую работу по сбору материалов об алтайских участниках Первой мировой войны, о чём и поведал в интервью.

Константин Ярославцев

Вторая Отечественная

– В молитве воинов, идущих в бой с врагами России, были такие слова: «Безбоязненно иду я положить живот свой за веру, царя и Отечество и за единомысленных братьев наших...»

Странно, но тема участия жителей Алтая, да и вообще россиян, в Первой мировой войне слабо изучена историками. Впрочем, это неудивительно, потому что до недавнего времени насаждалось мнение, что её солдаты воевали не за Родину, а за царя. Этой кровавой боине приклеили ярлык «империалистической», «германской».

Сегодня уже мало кто знает, что без малого сто лет назад она именовалась Великой войной и Второй Отечественной (после Отечественной войны 1812 года).

– Исторический отдел Бийского краеведческого музея имени Виталия Бианки несколько лет проводит работу по выявлению фамилий жителей города Бийска и Бийского уезда, участвовавших в Первой мировой войне. Также ведётся сбор материалов по участию в боевых действиях частей Сибирского казачьего войска и сибирских полков и дивизий регулярной армии, в составе которых воевали наши земляки.

– Полагаю, в этой работе вы столкнулись с немалыми трудностями.

– Главными препятствиями стали недоступность уголовных дел репрессированных участников войны в архивных учреждениях края и страны. Безусловно, трудностью являются и платность услуг в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве. Ну и главное – потеряно время.

Несмотря на скудость источников...

– 18 июня 2009 года в Великобритании скончался 113-летний Генри Эллингэм, самый старый человек на планете и один из последних ветеранов Первой мировой войны...

– Несмотря на скудость источников, я могу утверждать, что наши земляки принимали участие во всех крупных операциях и сражениях той войны. Тысячи их, выполнив свой долг до конца, навсегда остались лежать на полях сражений в Галиции и Польше, в болотах Полесья и Прибалтики, в ущельях Карпат и Кавказа, в пустыне Персии. Многим суждено было томиться в плену, работая в

Солдаты Первой мировой.

рудниках и частных хозяйствах. Выявлены факты участия земляков в боях на территории Франции в составе частей Русского экспедиционного корпуса, а также в составе команд военных кораблей Императорского флота, в том числе за пределами территориальных вод Российской империи, и в составе первой отечественной бомбардировочной эскадры «Илья Муромец», на вооружении которой были одноимённые самолёты.

– Известно, что в годы Второй мировой войны Алтайский край дал фронту по разным оценкам до 500-600 тысяч человек. А сколько воинов было мобилизовано в 1914-1917 годах?

– За период
1914-1916 годов

Томская губерния, в которую до июня 1917 года входил Алтайский округ, пережила 20 воинских наборов мужского населения и дала армии около 600 тысяч человек. Более половины из них, то есть 300 тысяч, как свидетельствуют различные источники, приходилось на территорию, ныне входящую в Алтайский край.

О масштабах мобилизационной компании свидетельствует тот факт, что во время первого призыва только в Барнаул прибыло из уезда более 50 тысяч запасных нижних чинов. Они проходили переподготовку и обучение в Сибирских запасных стрелковых батальонах, дислоцировавшихся в Новониколаевске (ныне Новосибирск) и Томске. Отсюда в составе маршевых рот они направлялись в действующую армию на немецкий, австрийский и турецкий участки фронта.

В первую очередь ими пополняли и комплектовали сибирские части – стрелковые полки, артиллерийские дивизионы, стрелково-артиллерийские бригады, кавалерийскую дивизию и т.д. Однако попасть в действующую армию суждено было не всем. Значительное число солдат направлялось в Читу, в береговую охрану во Владивосток, на корабли Сибирской военной флотилии, в Петроград, в Финляндию и другие места, где боевых действий не было.

Имена, всплывшие из забвения

– Я знаю, что вам удалось установить немало имён жителей Бийска и Бийского уезда – участников Первой мировой войны?

*Моряк Сергей Кондратов,
уроженец Бийска.*

– В рядах гвардии бились с врагами Макар Карпов, Архип Мельчуков, Афанасий Панин, Степан Шихов, Алексей Лобысевич, Яков Маланьин, Василий Плещеков, Василий Горемыкин и другие. Матрос Сергей Кондратов в составе команды линейного корабля «Три Святителя» Черноморского флота участвовал в блокадных действиях у берегов Турции, в прикрытии минно-заградительных и набеговых операций лёгких сил флота, в Трапезундской операции (5 февраля – 18 апреля 1916 года). Врач Лев Свешников принимал участие в боях в составе 493-го пехотного Клинского полка на Румынском фронте в Бессарабской

*Бийчанин Яков Голдобин (справа),
фото сделано 1917 года, во Франции.*

губернии, старший врач Борис Денисов – в составе 244-го пехотного Красноставского полка. Прапорщик Дмитрий Кузнецов воевал в составе бомбардировочной эскадры «Илья Муромец».

Кому-то выпала доля воевать вдали от Родины. Унтер-офицер Яков Голдобин, рядовые Дий Прошунин, Лазарь Шипилов и Фёдор Ямщиков сражались в рядах Русского экспедиционного корпуса во Франции. Для французов русские солдаты и офицеры стали национальными героями. Ведь именно они несколько раз выручили союзников из тяжёлого положения, отбили у немцев два города и взяли укреплённый форт Бримон. Унтер-

офицер Фёдор Ефимов в составе 38-го стрелкового батальона воевал в Персии. Матросы Емельян Субботин и Иннокентий Черепанов участвовали в сражениях в составе команды крейсера «Аскольд». Перед войной крейсер входил в состав Сибирской военной флотилии и нёс службу на Дальнем Востоке. С началом боевых действий «Аскольд» вошёл в состав союзной эскадры, состоявшей из крейсеров ВМС Англии, Японии и императорского флота России. Основной задачей эскадры был поиск и уничтожение немецких крейсеров-рейдеров адмирала Шпее в Индийском океане и водах Юго-Восточной Азии. В этот период крейсер «Аскольд» захватил немецкий пароход водоизмещением 1917 тонн и уничтожил два небольших парусных судна. Осенью 1914 года крейсер был переведён в Средиземное море, где вошёл в состав англо-французской эскадры и участвовал в боевых действиях против Турции и Австро-Венгрии, обстреливая средиземноморское побережье Турции и Болгарии. 2 декабря 1914 года захватил в качестве трофея немецкий пароход «Хайфа» и по призовому праву передал его РОПиТ. 19 февраля 1915 года – 9 января 1916 года «Аскольд» участвовал в Дарданелльской операции. Союзное командование неоднократно отмечало крейсер за блестящую репутацию и точность стрельбы.

Бийчанин Иван Габал.

наши земляки в боях проявляли образцы храбрости и самопожертвования. Так, взвод под командованием унтер-офицера Ивана Габала из состава 1-го Усть-Двинского латышского стрелкового полка, находясь на передовой сторожевой заставе, отбил наступление немецкого батальона. Рота, под командованием подпоручика Дмитрия Сатунина, из состава 121-го пехотного Пензенского полка, в течение 19-20 апреля 1915 года отразила многочисленные атаки противника, чем обеспечила и прикрыла организованный отход полка. Дмитрий Сатунин, получив три ранения, не оставил роту, не покинул позицию. Казак 6-й сотни 9-го Сибирского казачьего полка Никита Спиглазов в ходе боя у местечка Лебедево в сентябре 1915 года попал в плен к немцам, подвергся мучительным пыткам и умер, не выдав врагу военной тайны. Командующий Омским военным округом генерал Сухомлинов распорядился построить часовню на родине героя – в станице Чарышской. Однако из-за событий 1917 года и последовавшей затем Гражданской войны распоряжение не было выполнено.

– Немало алтайских воинов за подвиги было награждено. Но после революции большевики отменили награды, полученные на фронтах мировой войны.

– Родина достойно оценивала подвиги земляков. Георгиевского золотого оружия были удостоены капитан Михаил Ефанов и поручик Александр Князев, награждены

наши земляки в боях проявляли образцы храбрости и самопожертвования. Так, взвод под командованием унтер-офицера Ивана Габала из состава 1-го Усть-Двинского латышского стрелкового полка, находясь на передовой сторожевой заставе, отбил наступление немецкого батальона. Рота, под командованием подпоручика Дмитрия Сатунина,

В окопах.

орденом святого Станислава с мечами поручик Август Райбер и прапорщик Николай Страхов. Стали полными Георгиевскими кавалерами Иван Тузовский, прапорщик Александр Кайгородов, подпрапорщики Яков Калинин, Иван Габал, унтер-офицер Андрей Рой. Были отмечены Георгиевскими крестами Андрей Вендерский, Иван Терёшин, Алексей Казанцев, Иосиф Паутов, Демид Огнёв, Архип Лебедев, Иван Корнев, Дмитрий Михайлов, Илья Негирёв и многие другие.

– 11 ноября 1918 года Компьенским перемирием, означавшим капитуляцию Германии, завершилась Первая мировая война, продолжавшаяся четыре года и три месяца. В её огне погибло почти 10 миллионов человек, около 20 миллионов было ранено.

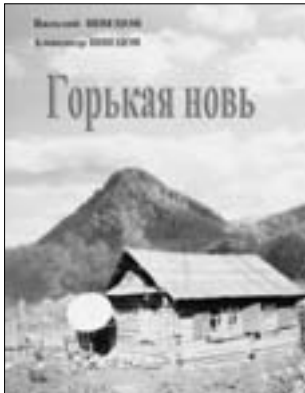
Не менее значительным итогом войны стала радикальная перекройка политической карты мира. Германия вынуждена была демобилизовать в одностороннем порядке свою армию, выдать победителям свою авиацию и флот, отказаться от колоний, а также от Эльзас-Лотарингии, польских провинций и ряда других территорий, обязалась выплатить гигантские репарации в счёт возмещения ущерба от войны. Её союзники, Австро-Венгрия и Турция, были расчленены. Болгария сохранилась как государство, но понесла значительные территориальные потери. В огне Первой мировой сгнули последние континентальные империи. В Азии распалась Османская империя, в Европе – Германская, Австро-Венгерская и Российская, которая вышла из войны по сепаратному («позорному», как его называл Ленин) Брестскому миру с потерей земель Западной Белоруссии, Западной Украины и выплатой кабальной контрибуции.

– Начавшаяся в России в 1918 году Гражданская война разделила бывших участников Первой мировой войны на белых и красных. Но это уже совсем другая история.

...Пользуясь случаем, хочу обратиться к читателям, в чьих семьях сохранились документы, воспоминания, письма, вещи наших земляков – участников Первой мировой войны: пожалуйста, поставьте об этом в известность Бийский краеведческий музей имени Бианки, адрес: 659325 Алтайский край, г. Бийск, ул. Советская,42, телефон: 8-3854-33-75-47.

ГОРЬКАЯ НОВЬ

«Не для журнала писано...»

Передо мной рукопись алтайского крестьянина Василия Швецова, родившегося в 1903 году в селе Тележиха теперешнего Солонешенского района. Он писал её в школьных тетрадках в 1967-1970 годах, зная, что при его жизни ТАКОЕ не может быть опубликовано. Недаром книгу предваряют авторские поэтические строчки:

*Не для журнала писано,
Спаси, Господь, от бед.
Для внуков и для правнуков,
О том, как жил их дед.*

Василий Швецов словно в воду смотрел – она попала в руки внука Александра, который и подготовил книгу «Горькая новь» к печати. Её рукопись, насколько я знаю, ходила в Барнауле в единственной распечатке, прочитать которую стремились многие, записываясь в очередь.

Появилась электронная версия. Я добыл её в конце ноября 2005 года у Галины Хлопковой, пресс-секретаря депутата Госдумы Николая Герасименко, прежде работавшей на краевом телевидении. Там же когда-то трудился кинооператором и внук автора рукописи Александр Швецов. Двадцать лет назад он был переведён на Омскую телестудию, потом несколько лет работал на студии телефильмов в Алма-Ате, затем дошла весть, что в 1992 году перебрался в Солонешное, где ныне занимается пчеловодством.

Рукопись Василия Швецова – очевидца и участника перемен в алтайской глубинке, снабжённая послесловием его внука, нашего современника, – потрясла. В начале книги, это – памятный, дотошный сельский бытописатель. Даже когда рассказывает о каком-нибудь просчёте своих земляков, автор делает это честно и одновременно – с любовью. Так прощают дедушки мелкие провинности внучатам.

Очень мало сохранилось искренних, достоверных воспоминаний наших земляков о периоде революции, гражданской войны и повстанческих бунтах вчерашних партизан, в которых бы непредвзято описывалось происходившее. «Горькая новь» представляется серьёзным открытием.

Василий Швецов, конечно же, не мог остаться в стороне от этих событий. Подростком вступил в комсомол, в 17 лет стал коммунистом. Но через годы, на исходе своей жизни, он сумел покаяться в том, что участвовал в братоубийственной войне.

К сожалению, рукопись обрывается описанием событий конца 1922 года, когда было подавлено повстанческое движение бывших красных партизан, восставших против продразверстки и ломки векового крестьянского уклада.

По словам Александра Швецова, до войны и после неё дед работал учителем русского языка и литературы, а также бухгалтером в Казахстане, Горном Алтае, Бийске, где и окончил свои дни в 1980 году. Тетрадки с воспоминаниями сохранили его дети Герман и Елена, которые и передали их для публикации Александру Швецову.

Самодостаточность

«... В селе было развито кустарное производство. По любой профессии свои мастера или даже несколько. Только сапожников было двенадцать. Слов нет, шили прочно и сапоги, и обутки мужские и женские, но только для работы в хозяйстве. А красиво и чисто отделанные, выходные мог шить только Королёв. Если сошьёт Абатуров Фёдор, то через неделю каблуки будут на боку. Многие в селе плотничали. Постоянно строились дома из лиственного кондового леса, которые и по сей день стоят, хотя уже почернели и покосились. Некоторые умелые плотники сами жили в немудрящих хатёнках. Например, Родион Шипунов и Василий Буйских по людям плотничали и столярничали, а сами жили на квартирах. А вот Михаил Подоксёнов поставил себе дом в четыре комнаты, крытый по-круглому. Он был хорошим столяром и всю отделку произвёл сам, на загляденье. Для строительства требовалось много пиломатериала: плах, тёса. Его тоже надо уметь готовить. Делались козлы, на них накатывали круглый лес. Один

Гора Маралий Шебень в Тележихе.

работник стоит вверху, другой внизу. Маховая пила нелёгкая, да и надо следить, чтобы рез не ушёл от шнуровой черты.

Первые поселенцы, да и какое-то время последующие, строили свои дома двухэтажными. В нижнем этаже полезными были кухня, а из неё двери в кладовую, откуда был запасный выход на улицу. В кухне могли жить старики. В большой русской печи готовилось всё на завтрак, обед, паужин, и ужин. Стряпались калачи и булки из пудовой деревянной квашни.

Продукты хранились рядом в кладовой. На усадьбе, которая занимала, как правило, полгектара, амбар с одним или двумя отделениями. У многих к нему пристраивался троестен-завозня, на берегу речки или поблизости баня, у некоторых овин для сушки снопов и гуменная крыша для молотыбы. Огород тут же, конюшня для жеребца отдельно, разные хлевки и навесы для скота, овец и птицы. Крылись дома по-круглому тёсом из лиственницы, полы настилались из кедровых плах, дома рубили строго из лиственницы, весь материал просушивался год, а то и более. Ограды у большинства городились наглухо из плах.

Последними, перед Советской властью, построили двухэтажные дома Таскаев, Абатуров, Зуев. Больше двухэтажных домов в Тележихе уже никто никогда не строил.

Задолго до переворота к нам в село приехал на жительство Михаил Иванович Малеев. Оказался он хорошим слесарем-жестянщиком, делал железные печки, паял самоварные трубы, чинил замки и т.д. А Иван Ефимович Тимофеев шорничал. Оголовленный им хомут, отделанный красным или зелёным сукном, сшитая с кистями шлея – всё это под бронзовым или никелевым набором блестело. От такой сбруи не оторвёшь глаз. А вот седельные деревянные и обтяжку сёдел делал только Иван Королёв. У Харламова Василия была мастерская по изготовлению колёс к телегам на любом ходу. Там всегда было помногу берёзовых корней и напиленных болванок – этот материал сушился на ободья и пальцы к колёсам.

Пимокатов в селе тоже предостаточно – более полутора десятков. Но из всех отличались работы Ивана Обанина да Селиверста Швецова. Сделанные ими пимы, хоть взрослые, хоть детские, как игрушки, и носили их по три года без подшивки. А если скатает Митька Паклин, то носили валенки только до Рождества. В селе имелось две шерсточесальные машины, которым хватало работы и зимой, и летом. Одна была у пимоката Павла Сыскова. Принимал он шерсть нетереблённой, сам обрабатывал её на теребахе, а потом из чесаной катал пимы. Хороший это был специалист,

усердный труженик. Плата была с фунта деньгами.

Гордились своей работой бондари. Андрей Гилёв когда-то делал бочата для маслозавода, а потом сменили его Павел Тоболов и Никита Менщиков. Заводу тогда этих бочат требовалось бесчисленное количество, их увозили с маслом, и они не возвращались. А разных размеров посуду мастерили Василий Буйских и Игнатий Черданцев. Такая посуда всегда требовалась и под соленья, и под воду в избе, и в бане, и на пашне. Нужны были сорокаведёрные кадки, разные лагунки и маслобойки. Деревянной посуды было гораздо больше, чем железной. Делали её из кедрового леса, обручи набивали железные и из черёмуховых прутьев.

Изощрялись в своём искусстве гончары. Многих научил изготавливать глиняную посуду охотник Королёв. Он делал изумительные по прочности и красоте изделия – кринки, горшки, корчаги, бокалы, чайные чашки с блюдцами, разные игрушки и свистки. Этим искусством в совершенстве владела и его жена. Освоил гончарное производство и портной Свиридов, а позднее Иван Дейкин. Но с увеличением ввоза стеклянной посуды в артельную лавку спрос на глиняную прекратился.

Зато интерес к портняжному мастерству никогда не иссякал. Мастерской не было, но пошивом занимались многие. Верхнюю одежду изготавливали Александр Свиридов и Андрей по фамилии Егорович.

Работы у них хватало, но заказы выполняли быстро. Мужское пальто изготавливали в три дня. Многие для своей семьи шили сами. В основном это делали руками, так как машинок не было. А надо сказать, не только нижняя одежда, но и пиджаки, и понитки носили холщёвые, особенно в рабочее время. Сшить рубашку из ситца и сатина стоило двадцать копеек, но чаще за труд брали продуктами.

Дед Василия Швецова Селивёрст Назарович, рабочий-пимокат, пришёл в Тележиху в 1867 году из Пермской губернии.

До девятисотого года открыл в селе торговлю смешанными товарами Морозов. Его могила на сельском кладбище – единственная, огороженная штакетником. Приходился он бийской крупной купчихе Морозовой каким-то родственником. Держали лавки ещё несколько односельчан. Ассортимент в купеческих лавках был самый разнообразный. Мужские пальто и пиджаки бобриковые и суконные стоили от 12 до 15 рублей, пальто женские, саки и полусаки плюшевые разных цветов – от 10 до 17 рублей.

Продавались разные шапки, фуражки, шляпы фетровые, сапоги, ботинки, калоши и даже валенки, расшитые красным и зелёным гарусом. Мануфактура: бобрлик, сукна, шёлковые полотна, сатины, ситец – от 8 до 15 копеек за аршин, а также галантерейные товары, крупы, мука, кондитерские, соль, спички, керосин, рыба кета, горбуша, сельдь солёная, железо скобяное и пр. Всё можно было купить, кроме водки, которую продавали две питейные лавки – одна в Солонешном, другая в Топольном. Перебоя в обеспечении товарами не было, между купцами была ярая конкуренция.

*Семья Швецовых: сидят Мария и Василий, стоят их дети Герман и Елена.
Фото 1940 года.*

Масло с хлебом

С 1900 года в Бийском уезде начали создаваться молочные артели.

Распространилась молва о молочной артели в селе Старая Барда, в котором дела шли очень хорошо. Работавший на старом, отживавшем свой век маслозаводишке Анатолий Иванович Бронников повёл среди молокосдатчиков агитацию об организации артели, где хозяевами будут сами сдатчики. Проявив личную инициативу, он вместе с Фёдором Михайловичем Добрыгиным поехал в Старую Барду, и там, на месте они всё изучили. Вернулись, созвали сельский сход, на котором и создали молочно-торговую артель. Избрали правление, в состав которого вошли пять человек. Доверенным (тогда не называли председателем) избрали Бронникова.

Было это в 1908 году. Тележихинская артель в Бийском уезде, была по счёту третьей. Вскоре решили строить новый маслозавод. Каждый молокосдатчик должен был привезти одну или две пригодные для постройки лесины. Когда полностью приготовили строительные материалы, наняли плотников. И вот в 1910 году на самом берегу речки Тележихи, у моста был поставлен новый завод с большим холодильным подвалом. Новое оборудование было приобретено через молсоюз и привезено из Бийска.

В первый же месяц работы новой артели доверенный, он же мастер, Анатолий Бронников отвёз масло в город и сдал его первым сортом по двадцать два рубля за пуд. Артельщиков, за вычетом всех расходов, рассчитали по рублю за пуд. Кроме того, было доставлено много товаров, которые стали отпускать в расчёт и в кредит под молоко.

Население, около четырёхсот дворов, срочно заказало пятисотлитровые бочки, наняло молокосборщиков, которые утром объезжали все три края села по одному разу, а вечером приходилось делать и по два объезда. Они же развозили обрат – по количеству сданного молока.

Молока было настолько много, что пришлось открывать отделения: в Верхнем Черновом, на устье Зайкова ключа, на горке в устье Третьего ключа, в посёлках Плотниковом, Язевском и Колбино – эти поселения к концу 60-х годов перестали существовать. Там молоко пропускали вручную на сепараторах и ежедневно по утрам сливки отправляли на завод.

Возили масло в Бийск два раза в месяц. Ежемесячно направляли не менее сорока подвод, двести сорок бочонков – это около двенадцати тонн. На этих же подводах везли из Бийска товар, который доверенный брал у купцов Осипова, Второва, Фирсова, Хакина и других. Если аккуратно рассчитывались за купленные товары, то купцы охотно отпускали и в кредит.

Также приобретали в молсоюзе всё, что необходимо для маслоделия: клёпку для изготовления бочат, соль, пергамент.

Молочно-торговую артель в Тележихе на общем собрании сдатчиков решили преобразовать в кооператив с вступительными и членскими взносами, чтобы иметь свой оборотный капитал. Фонд, созданный из паевого капитала, из месяца в месяц увеличивался. Прибыль ежегодно согласно общему решению делили на паи, но часть зачисляли в неделимый капитал, который опять-таки использовался в обороте. С каждым годом кооператив креп.

Производство масла и торговля не сокращались даже во время Первой мировой войны. Многих мужчин забрали на войну, но на экономике это сильно не отразилось. Деревня поднатужилась, для работы стали объединяться семьями, чаще стали делать помочи.

Серьёзным подспорьем для солдатских семей было выдаваемое им государственное пособие. То было время расцвета экономики села. Многие уже тогда приобрели различные сельхозмашины.

Но в октябре 1917 года, как говорят, отошла коту масленица.

Сдавшие масло подводы из города вернулись пустыми. С 1917 по 1924 год вся экономика Тележихи была парализована. При нэпе она немного воспрянула, но потом снова была подрублена под корень коллективизацией и уже никогда не поднималась выше того уровня, который был до Советской власти. Если бы не вмешивались правители в крестьянскую жизнь, то Россия была бы полной чашей.

Коммуния

С утра снова общее собрание. Вопрос один – создание коммуны. Из волюты поступило разъяснение – коммун в селе может быть организовано несколько. И снова представитель из уезда в своей несколько неграмотной и даже грубой речи доказывал пользу артельного труда перед единоличным. Говорил он очень долго и много, что товарищ Ленин решил создать везде коммуны. Речь докладчика перебивали, между некоторыми мужиками шла перебранка.

Даже на окрики милиционера никто не обращал внимания.

Не менее десяти часов галдело собрание, и, наконец постановили создать две коммуны и одну артель. Обсудили и положение, выбирали красных сватов, которые должны были ходить из двора во двор и агитировать «за коммуну». Всё это напоминало детскую игру. Но было не до игры, кам-

пания по организации коммун проходила в напряжённой обстановке. Всё смешалось – беспорядочность, беззаконие, несерьёзность. По прихотливому мановению одного, не знающего русского духа, не жалеющего русского мужика, плакал каждый крестьянский двор, и, надо полагать, не в одной Тележихе.

Село разделилось. В центре создали коммуны под названием «Будачиха». Под контору заняли нижний этаж народного дома. В коммуны вошло семьдесят хозяйств. Выбрали правление из пяти человек.

По настоянию волостных представителей председателем избрали Сидорова, хотя вновь испеченные коммунары пошли на это неохотно.

Сидоров с отцом и братом выгоняли дёготь и продавали его. На эти средства и жили. Вести хозяйство он не мог, не умел даже запрячь лошади. К тому же был совсем неграмотный.

В коммуны объединили лошадей, сбрую, сани и телеги. Всё это свезли на усадьбу Шеманаева. Коров согнали в пригон к Тоболову. Овцы до выгона на пастбище остались по домам. Хотели и кур с гусями объединить, но взбунтовались бабы. Один раз сделали подворный сбор яиц, председатель их забрал к себе, и ел, сколько хотел. Об этом узнали коммунарки и потребовали провести собрание, на котором председателя «всяко облаяли». Эти яйца стали первым яблоком раздора.

Ещё до обобществления основная масса скота была забита на мясо. На кухню были собраны чугушки, горшки, кринки, поварёшки, ложки и прочая утварь. Хозяйки часто проверяли, сохранены ли вещи, и если оказы-

вался разбитым горшок, то поднимался дикий скандал.

Организовали общественные пекарни у Шеманаева и Клопова, но хлеба пекли мало и отпускали его только для детей в ясли.

Подошла весна. Земельных на-

Советский плакат.

В. Сычков. Выходной день в колхозе. 1936 год.

делов выделено не было. Сеяли каждый на своей пашне остатками своих семян. Посевная площадь против прошлого сократилась наполовину. Сенокосные участки убирались по старому – каждый свой. Сватать в коммуну не переставали, но многие шутили, отвечали, что боятся потерять бабу, ведь в коммуне они «общие». К совместной работе прилежания у людей не было, каждый думал, что эта канитель ненадолго. Постоянно что-нибудь ломалось и рвалось, делалось всё тяп-ляп, кругом беспорядок и расхлябанность. Почти ежедневно происходили заседания и собрания, все – с криками и матом. По утрам длительные разрядки, даже в золотые дни. Когда единоличники в пять утра уже в работе, у коммунаров до одиннадцати шли разборки.

Председатель Сидоров призывал строить коммуну и свой опыт мечтал передать Китаю и Японии, когда там произойдет революция.

Коммунары считали, что он немного недоумца.

Пять месяцев провертелась эта карусель. Но смешнее, тошнее и горше всего оказались дни раздела коммуны. На дворах несколько дней продолжались крики и маты, бабы таскали друг друга за космы, мужики пускали в ход кулаки, дело доходило до стягов и оглобелей. Как-то ещё Бог спас, не дошло до смертоубийства.

Зачем и для чего был нужен этот эксперимент, чья «гениальная» голова его придумала, кому потребовалось упиваться людским горем и слезами? Виновных, естественно, нет.

Порушенье

Вода в речке чистая, прозрачная, от снегов и родников белая, словно серебряная, холодная – зубы ломит. Земля жирная, плодородная, урожай: сам – десять-пятнадцать, покосы с пышными душистыми пряными травами.

Село обычное, в триста хозяйств, таких многие тысячи разбросаны по нашей необъятной матушке Сибири. Живут каждый по-своему.

Работают тоже по-разному. У кого дома тёсом или железом крытые и ограды в заплотах, а у кого избушки под корьём, огороженные в три жерди. Скотинка у каждого тоже по-разному. Кто любил её и не ленился растить и кормить, у тех были десятки коровушек и лошадей. А у других и на плуг не хватало, и масло от одной коровёнки не копилось. Хлеб у большинства тоже был в достатке и ели его не оглядываясь. Был он и в излишке, хозяин вёз его на базар или продавал дома. Стряпали хозяйки и варили каждый день свежее. Многие находили свободное время и ловили на пироги рыбки, а хариусы там жирные, как монастырские монахи. Ездили в кедрач и накатывали ореха, чтобы самим на зиму хватило и продать можно было. Готовили впрок разные ягоды, травы, грибы. Солёные грибочки хороши на закуску с медовухой.

Хлебосольный жил народ. И переночевать пустят, и накормят, и в путь продуктов дадут. Свободно жили до переворота люди. Сходил раз в год на сборню мужик, отдал старосте подать в три ли, десять ли рублей – и опять до будущего года занимайся, чем хочешь.

Так жили многие поколения. Но разразился, словно гром небесный, ужасный перелом в их жизни. Дрались за Родину с немцем, потом за обещанные молочные реки и кисельные берега воевали с Колчаком за Советскую власть. Победили, но новая власть не принесла им такой жизни, какую хотели. Наложили на мужиков непомерную развёрстку хлеба, мяса, яиц, шерсти, да и самих стали гонять в хвост и в гриву. Не стерпели вчерашние партизаны насилие власти и восстали...»

ПОВСТАНЦЫ

Крестьяне Алтайской губернии первыми в России восстали в 1920 году против большевистской диктатуры.

(По материалам новейших исследований сибирских историков)

Партизаны – «политические бандиты»?

К концу 1919 года партизаны освободили от белогвардейцев города и села Алтая. Люди, уставшие от пятилетней бойни империалистической и гражданской войн, ждали мира. Но мира не было. Против установившейся большевистской власти первыми в России, задолго до антоновского восстания в Тамбовской губернии и кронштадтского мятежа, выступили с оружием в руках те, кто принёс ей победу в борьбе с белогвардейцами – алтайские партизаны, в основном из числа крестьян. Новый круг междоусобной резни, получившей тогда название «политический бандитизм» завершился только почти через три года «красным бандитизмом» – неприкрытыми репрессиями против покорённого, мирного населения.

По сути дела, гражданская война в Алтайской губернии продолжилась не до конца 1919-го, а до осени 1922 года. Только теперь власть, спровоцировавшая бойню перегибами периода «военного коммунизма», вступила в борьбу с теми, кто её породил. В результате в безымянных могилах поныне покоятся тысячи жителей Алтая, истреблённые их же земляками, а также карательными соединениями регулярной армии, воюющими с собственным народом.

Как же так случилось, что вчерашние соратники, боровшиеся за «народную власть» стали врагами для новых правителей, которым принесли победу на своих штыках? Ответы на эти вопросы дают исследования сибирских учёных, краеведов, архивистов, писателей, ставшие возможными после передачи архивов КПСС и карательных органов на государственное хранение, которые позволяют восстановить истинную картину драматических событий.

Победителей – судят!

Итак, уже в декабре 1919 года, сразу же после прихода "второй" советской власти, председатель Алтайского губернского революционного комитета Всеволод Аристов издаёт приказ о сдаче партизанами оружия: «У кого обнаружится оружие после 3-х дней с момента опубликования настоящего приказа, те будут рассматриваться как контрреволюционеры и наказываться вплоть до расстрела».

Экспонат музея барнаульской школы № 49, пистолет времен гражданской войны.

Вчерашние партизаны, только что освободившие Алтай от колчаковцев, недовольны. Обстановка беспокойная, за околицей сёл, в лесах и горах ещё скрываются белогвардейцы – как же можно расстаться с оружием, добытым в боях?! На фоне «неблагонадёжного» отношения к вчерашним освободителям, в конце 1919 – начале 1920 годов происходит расформирование партизанских отрядов, что крайне болезненно воспринимается в алтайских селениях. В то время, когда партизан представляют сдавать оружие, коммунисты и комсомольцы вооружаются.

По распоряжениям властей вместо избранных местных Советов организуются военно-революционные комитеты, во главу которых чаще всего назначают незнакомых местному населению, «пришлых» людей. Кто такие эти шифресы, данцисы, гольманы, позерны, аристовы, папардэ, гайлиты, которых на Алтае не знали в период революции и борьбы с белогвардейцами? Они, пришли «на всё готовое», не знают местных условий, кадров, готовы лишь к «насильственному проведению принципов коммунизма» и другим «крайностям революционного времени». Недаром, в сентябре-декабре 1920 года в губернии подвергнуто арестам 1494 члена местных Советов. Естественно, что в представлениях населения они выглядят как люди, совершившие коммунистический переворот и незаконно отстранившие избранную власть.

Алтайские большевики вынуждены из-за острого недостатка специалистов использовать буржуазных спецов в советских учреждениях и армии, что также подливает масла в огонь. Причём нередко их назначают вместо отстранённых героев революции и гражданской войны – командиров партизанских отрядов, председателей сельсоветов. А авторитетных руко-

Бюст Ефима Мамонтова на пр. Ленина в Барнауле.

водителей повстанческих формирований – Ефима Мамонтова, Григория Рогова, Ивана Третьяка, Ивана Новосёлова, Михаила Козыря и других под разными предлогами арестовывают. Бывший партизанский главком Ефим Мамонтов в служебной записке на имя председателя Сибревкома отмечал, что «нет ни одного места заключения в Алтайской губернии, где бы ни томились бывшие партизаны и их командиры». Он не принимал участия в восстаниях – был направлен на борьбу с белополяками, где большинство его соратников погибло. По возвращении на Алтай над Мамонтовым устанавливают надзор большевистских осведомителей, которые пытаются инсценировать контрреволюционный заговор под его руководством.

Кроме того, новые власти наступают на те же грабли, что и Колчак: объявляют мобилизацию унтер-офицеров и военнослужащих 1889-1890 годов рождения. Мужики, и без того уже навоевавшие вволю и намеревавшиеся заняться мирной жизнью, уклоняются от призыва. Против дезертиров вводятся драконовские меры, вплоть до расстрела.

Не дождались крестьяне и обещанной большевиками земли: землеустроительное дело запущено, сколько ни сей, ни расти хлеб – его силой забирают продотряды. Сельское хозяйство после нескольких лет безвластия, гражданской войны, реквизиций и конфискации, отсутствия мужских рабочих рук всё больше приходит в запустение. А тут ещё и всеобщая трудовая повинность, продразверстка, замененная в марте 1921 года продналогом, огосударствление кооперативов, запрет свободной торговли. Словом, в сознании крестьянина, мечтавшего о «земле и воле», новая власть ассоциируется с жёстким принуждением, узурпацией завоеваний революции, коммунистической диктатурой, авантюрной политикой «военного коммунизма», которую недаром Ленин вынужден заменить НЭПом. Инфляция, расстроенные хозяйственные связи, разрушение сложившего десятилетиями общинного управления, – всё это также «нагревает» атмосферу в алтайском селе.

В позе умолчания

Историки советской поры стыдливо обходили тему крестьянских восстаний. Если же касались её, то традиционно объясняли массовый характер восстаний трудящихся против советской власти тем, что в Сибири, на Алтае классовая борьба носила острый классовый характер из-за зажиточности местного крестьянства, высокого удельного веса кулачества и наличия остатков колчаковщины.

Фоторепродукция газеты «Алтайский коммунист» (1920 г.).

Советская власть!» – восстания были, преимущественно, не антисоветскими, а антикоммунистическими), а главными причинами назывались происки контрреволюции. Ещё в ходу были обвинения в политической неграмотности бедняков, что не помешало большевикам сделать их опорой в реализации аграрной политики, разрушении сельского уклада, и в агитации.

В годы революции, рвущиеся к власти политические партии, обещали, как правило, одно и то же. В нюансах обещаний основная масса населения не разбиралась. Поддержка большевиков осенью 1917 года на выборах в Учредительное собрание и в Барнаульскую городскую думу была минимальной. Партизанские отряды, сформированные почти исключительно из крестьян (где же гегемон-пролетариат?) не встали на

Вооруженные выступления против большевистской власти представлялись официозом как постыдная, «чёрная» страница истории.

Поэтому повстанческое движение велено было считать преимущественно кулацким по движущим силам (исследования последних лет показывают, что среди восставших были преимущественно бедняки и середняки), белогвардейско-эсеровским – по политическому руководству (как правило, отрядами повстанцев руководили командиры партизанских отрядов, прежде боровшиеся с белогвардейцами), ретставраторским – по целям (однако массовыми были лозунги «Долой коммунистов. Да здравствует Со-

Антибольшевистский плакат периода Гражданской войны.

защиту советской власти летом 1918 года, когда в Алтайской губернии установилась власть белых.

Но вскоре большевики сумели хорошо организовать пропаганду. Они предлагали прекратить войну, призывали отказываться идти в колчаковскую армию, однако умалчивали, что воевать всё же придется, но на их стороне. Партизаны оказались в ловушке: идти к Колчаку поздно – он, исповедующий лозунг «законность и порядок», не миловал колеблющихся и дезертиров, а большевики до поры до времени смотрели сквозь пальцы на вольности, мародерство, массовые репрессии, аполитичность партизан и их атаманов-командиров. Поэтому многие повстанцы вынуждены были выбирать тех, кто не расстреляет. Тем более что большевики предлагали компромисс: заявление о лояльности приравнилось к отпущению грехов. Словом, коммунисты умело использовали партизан вслепую для восстановления своей власти.

«Внутренние враги»

По подсчётам новосибирского учёного, доктора исторических наук Владимира Шишкина, число мятежников в Сибири, восставших против большевиков оценивается в 27-35 тысяч человек. Причём, значительная часть их была сосредоточена в Алтайской губернии.

Насильственная продразвёрстка – коммунистическая утопия, предполагавшая прямой товарообмен города и села, была одной из главных, но не единственной, причиной возмущения крестьянства.

По постановлению Совнаркома, подписанному Лениным 20 июля 1920 года, Алтайская губерния должна была сдать 31 миллион пудов хлеба и много другой продукции. Несмотря на репрессии властей к весне следующего года удалось изъять только 20 миллионов пудов. Продналог, пришедший весной 1921 года на смену продразверстке, оказался и вовсе непосильным: если в среднем по России он составил 12-15 процентов валового сбора, то на Алтайскую губернию было наложено аж 37 процентов. Регулярные части Красной армии, части особого назначения, комотряды, продотряды (в последних насчитывалось 5-6 тысяч человек), ревтрибуналы жестоко подавляли сопротивление крестьянства.

В итоге, уже к январю 1922 года губком РКП (б) рапортовал о невыполнении плана по изъятию зерна, масла, яиц, а через две недели ещё и выгреб сверх плана почти 90 тысяч пудов хлеба, в том числе и семена. Недаром вот как характеризовал ситуацию на большевистской партийной

Продотряд.

конференции Горного Алтая докладчик Васильев: «Продналог выкачал всё. Многие продавали своё имущество и за хлебом в продналог ехали за 200-300 вёрст, многие отправлялись на заработки».

Словом, не от хорошей жизни алтайские крестьяне, уставшие от войн и отличающиеся здоровым прагматизмом, защищались от произвола властей, обрекающих их на голодную смерть.

В степи и в горах

Хроника крестьянских восстаний, до недавнего времени именовавшихся «контрреволюционными бунтами» такова: сначала, в мае 1920 года вспыхнул мятеж бывших партизан из отряда Причумышья, или Причернского края (от слова «чернь» – тайга с преобладанием пихтача – территория нынешних Заринского и Залесовского районов) Григория Рогова. Затем в конце июня – начале июля произошло крупнейшее восстание в Степном Алтае. Мятеж охватил территории на стыке Змеиногорского, Славгородского и Семипалатинского уездов. Затем восстание стремительно распространилось на северном и северо-западном направлениях, охватив Каменский, и юго-западную часть Павлодарского уездов. Мятежники сформировали Народную повстанческую армию, имевшую 12 полков. По оценкам штаба 26-й советской дивизии, численность повстанческой армии достигала

18 тысяч человек. Ключевыми фигурами среди руководителей этого восстания стали бывший комиссар 1-го Алтайского полка партизанской армии Ефима Мамонтова Филипп Плотников, бедняк из Боровской волости (ныне Алейский район) и уроженец Павлодарского уезда есаул Дмитрий Шишкин.

Восстание в Степном Алтае близилось к подавлению, когда в Западной Сибири вспыхнуло ещё два крупных мятежа. Сначала в первых числах июля восстало население нескольких волостей Новониколаевского уезда Томской губернии с примыкавшими к ним волостями Каменского и Барнаульского уездов Алтая. Вслед за ним в середине июля – в районе Бухтармы (в ту пору входившей в состав Змеиногорского уезда Алтайской губернии). Численность отрядов Народной армии «колыванского» (по названию города Колывань Новосибирской области) и «бухтарминского» (ныне в Восточном Казахстане) восстания – около 5-6 тысяч человек.

Уже в начале 1921 года произошло Ишимско-Петропавловское восстание, составной частью которого на Алтае стало Сорокинское (ныне входит в черту города Заринска) восстание, начавшееся 19 января. Оно вновь охватило значительную территорию Причумышья, и возглавил его сподвижник Григория Рогова Иван Новосёлов. В мятеже участвовало около пяти тысяч крестьян. Повстанцам на первом этапе удалось разоружить кавалерийский красноармейский полк, но уже к концу января они были разгромлены регулярными войсками.

Мятежи переместились в горы. В июне 1921 года в Горном Алтае вспыхнуло восстание, получившее название «кайгородовщина». Начал его Федос Тырышкин – председатель Белоануйского сельсовета, бывший красный партизан. Он занял Усть-Кан, двинулся по Чуйскому тракту, к нему присоединился отряд Тужлея Ташкинова. К осени в горном крае насчитывалось свыше десятка повстанческих отрядов до трёх тысяч человек численностью.

«Было время, – вспоминал позднее секретарь Ойротского (Горно-Алтайского) укома РКП(б) Леонид Папардэ, – когда из всего уезда оставались свободными от банд не более шести волостей» (из 25).

«Роговщина»

Пожалуй, одной из самых противоречивых фигур для историков и поныне остаётся Григорий Рогов – бывший командир крупного партизанского отряда, в одночасье ставший «белогвардейцем». Принято считать,

Григорий Рогов.

что он поднял 2-го мая 1920 года первое в Сибири антибольшевистско-антисоветское восстание. Хотя в тот момент партизан был очень слаб, переболев тифом, и вряд ли мог возглавлять восстание.

Григорий Рогов, вернувшись домой с империалистической войны осенью 1917 года, работал в Барнауле, в земельном отделе местного совета. Революцию встретил равнодушно. Опасаясь преследований белогвардейцев, возвратился в родное село Жуланыха (ныне – в Заринском районе), затем ушёл в тайгу, и зимой 1918-1919 года создал партизанский отряд.

По воспоминаниям Елены Новосёловой, дочери его сподвижника Ивана Новосёлова, поначалу отряд нередко занимался грабежом зажиточных жителей, нападением на белогвардейские обозы.

Ныне документально установлены факты расстрела отрядом в мае 1919 года монахов монастыря в Жуланыхе, казни зажиточных жителей Зырянки и Тогула, разграбления и разрушения церквей в округе. Имеются и опубликованные сведения, что в походе на Кузнецк (Новокузнецк) отряд Рогова занимался массовыми убийствами мирных граждан и мародерством, хотя ряд историков это оспаривает.

Несмотря на то, что рядом с известным партизаном был большевик Матвей Ворожцов (партийная кличка Анатолий, позже – один из руководителей губчека), Рогов нередко проявлял независимость.

Большое влияние на Григория Фёдоровича оказывал командир одного из партизанских отрядов Иван Плотников, позднее возглавивший Сорокинское восстание. Его советские источники непременно называли «анархистом».

Но большевики прощали «партизанщину» – ведь крестьяне громили белогвардейцев, принося им власть. Недаром

Мемориальная доска Анатолия (на углу пр. Красноармейский – ул. Анатолия).

же Рогова не привлекли к ответственности за бандитизм, даже наоборот – разрешили управлять подконтрольными районами. Дело-то сделано: до прихода отряда в сёлах и городах были враги советской власти, после ухода – их не стало.

А вот когда Григорий Рогов выразил неудовольствие по поводу расформирования и разоружения отряда, справедливых притеснений крестьян: «комиссары закомиссарились на мягких стульях», уже 6 мая, через три дня после начала мятежа, Алтайское губбюро РКП(б) приняло решение называть известного партизана, свыше полутора лет боровшегося на народную власть, «белогвардейцем».

В числе руководителей антибольшевистских восстаний были красные партизаны, белогвардейцы и даже советские работники. Иван Новосёлов, например, воплощал в себе элементы «сибирской махновщины». Он подчас служил «и нашим, и вашим»: от борьбы с белогвардейцами и временного сотрудничества с большевиками в период борьбы за власть, до яростной борьбы с установившейся диктатурой под антикоммунистическими и анархистскими лозунгами.

Но вот такие, как Филипп Плотников – бывший комиссар 1-го Алейского полка партизанской армии Алтая Ефима Мамонтова, казалось бы, не вызывали никаких подозрений у «второй» советской власти. Но и он возглавил в июне 1920 года мятеж в Алейской степи. Его отряд объединял до 600 человек, в том числе немало дезертиров Красной армии. Соединившееся с повстанцами Степного Алтая (от Иртыша до Кулунды), восстание проходило под лозунгом «Советы без коммунистов!»

А волчихинские крестьяне даже выступали под красным знаменем – это подчёркивало, что они не против советской власти, а против узурпации власти большевиками.

Судьбу Плотникова, Рогова, Новосёлова разделили другие известные командиры партизанских соединений Алтая – Колесников, Чайников, Козырь, Романов-Богатырёв, Лубков.

Карающий меч пролетариата

Власти действовали против соотечественников как во вражеской стране, применяя порки, пытки, и расстрелы. В докладе на 6-й губернской партконференции РКП(б) было сказано так: «Губком, в целях скорейшей ликвидации бандитизма, свою политику к нему значительно изменил, направив

её в сторону беспощадного уничтожения всех бандитов, попадающих в плен (!) во время боёв с оружием в руках».

Подавление мятежей, за исключением роговского, который был первым по времени, было очень жестоким. Документы свидетельствуют, что, например, 13 июля 1920 года в бою за село Волчиха красноармейцы имели одного убитого и 12 раненых, а повстанцы – около 900 погибших. Последних хладнокровно зарубили бойцы 1-го кавалерийского дивизиона 87-й бригады ВОХР. А красноармейцы 226-го Петроградского полка 26-й дивизии за 13-17 июля 1920 года только в пяти сёлах Славгородского уезда убили около 1600 мятежников.

На подавление крестьянских восстаний в Алтайской губернии, как правило, бросали значительные силы Красной армии, части особого назначения (ЧОН). Например, против повстанцев Степного Алтая выступили три полка 26-й стрелковой дивизии, четыре бригады, курсанты военной школы, коммунистические отряды. Общее командование ими было поручено начальнику 26-й дивизии Яну Гайлиту. Боевые операции на территории губернии (за исключением Горного Алтая) длились, чаще всего, около недели: вооружённым до зубов войскам противостояли повстанческие соединения, имевшие дробовики, вилы, да самодельные пики.

У убитого в бою руководителя повстанческого движения в Горном Алтае Александра Кайгородова командир истребительного отряда ЧОН Иван Долгих отсёк голову, которую доставили в кастрюле со спиртом на заседание Алтайского губисполкома. Вероятно, и за это 1 мая 1922 года, в числе других семи ЧОНовцев, он был награждён орденом Красного Знамени.

Повстанцы гибли не только в боях. Сохранились свидетельства того, что во многих деревнях Славгородского уезда арестовывали и тут же расстреливали от тридцати до семидесяти человек. Примерно столько же подвергалось арестам, которых ревтрибуналы, как правило, приговаривали к расстрелу.

За период с 20 декабря 1920 по 1 марта 1921 года, по данным, которые приводил писатель-краевед Василий Гришаев, Алтайский губревтрибунал рассмотрел 523 дела на 1154 человека, из них 15 приговорил к расстрелу, более 800 – к лишению свободы на срок от двух месяцев до 20 лет, 300 – освободил. Это говорит отнюдь не о гуманности трибуналов, а о том, что «брали», как правило, невинных и уничтожали повстанцев «во внесудебном порядке».

Чаще всего власти действовали «кнутом». Но изредка использовали и «пряник»: сначала на захваченных повстанцами территориях приостанавливали взимание продналога, объявляли амнистию добровольно сдавшимся, затем меры ужесточали: вводили комендантский час, запрещали оказание помощи «бандитам», широко использовали практику расстрелов, конфискации имущества повстанцев, ссылки их семей.

Красноречиво говорит о методах борьбы с недовольными крестьянами ныне опубликованный «Доклад уполномоченного Алтайской губчека-пятёрки, командира сводного отряда 87-й бригады ВОХР Матвея Ворожцова» (Анатолия). В нём руководитель карательного отряда, имя которого носит одна из улиц Барнаула, предельно откровенно говорит о «работе по налаживанию твёрдой советской власти»: расстрелах «агитаторов», «зачинщиков» и «главарей» в сёлах Славгородского и Змеиногорского уездов, взятии заложников, конфискации имущества и скота у «семейств бандитов». «Всего было арестовано 290 человек, – гордо докладывал известный большевик. – Из них отправлено в Барнаул в губчека 102, передано ревтрибуналу 15, расстреляно злейших врагов советской власти 52, отпущено из-под ареста 121».

Финал – «красный бандитизм»

Разгром крестьянских мятежей усилил позиции большевиков. Выросло количество партийных ячеек, они повсеместно вооружились.

Оружие в руках большевиков появилось ещё в мае 1920 года, начале борьбы с «политическим бандитизмом», когда начали разоружать и расформировывать партизанские отряды. Через месяц, по решению IX съезда РКП(б) всех коммунистов и кандидатов стали обучать военному делу и приступили к формированию коммунистических отрядов частей особого назначения. 6 августа по решению губкома они были переведены на казарменное положение, а в сентябре, после введения в Алтайской губернии чрезвычайного положения, объединены в особые воинские подразделения. Все коммунисты от 17 до 55 лет «стали под ружьё». Например, на борьбу с «кайгородовщиной» было брошено до 90 процентов коммунистов Горного Алтая. К концу 1921 года в губернии имелось 10 мобильных большевистских частей – полков, батальонов, дивизионов и эскадронов.

Коммунистические отряды ЧОН сыграли большую роль в окончании разгрома повстанческих соединений, особенно в Горном Алтае, где регулярные войска с трудом ориентировались в горах.

Командный состав ЧОН. 1923 год.

Истребительные отряды ЧОН, сформированные из местных коммунистов, хорошо знали не только территорию, но и членов повстанческих соединений. Таким образом, гражданская война на Алтае завершилась тем, что, действительно, «брат пошёл на брата».

Но и после выполнения военных задач, ЧОНовцы нередко использовали методы террора, получившие название «красный бандитизм» – теперь уже против порабощённого мирного населения.

В ноябре 1921 года Алтайский губком РКП(б) издал совершенно секретное циркулярное письмо по противодействию «красному бандитизму». В нём констатировалось, что на путь террора встали «отдельные ячейки и даже волостные организации РКП(б)». «Местами эта анархическая деятельность отдельных членов партии и целых ячеек превращалась в чистокровный бандитизм и выражалась в расхищении продовольственных запасов, сведении личных счетов, убийствах». В документе подчёркивается: «красный бандитизм» сливается с уголовным бандитизмом, а по своему характеру напоминает деятельность белых партизан».

И как же партия призвала относиться к бандитам в своих рядах? «Особых мер по отношению к пассивным и рядовым участникам «красного бандитизма» применяться не должно». А вот к «бывшим членам

партии анархистов, эсеров всех оттенков», принимавшим участие в акциях со своекорыстными целями, отношение должно быть другим – они «должны понести суровую кару, вплоть до расстрела». Как говорится, комментарии излишни.

В условиях «красного бандитизма» алтайские крестьяне беспрекословно, в короткие сроки вынуждены были выполнять грабительский продналог, гужевые и иные трудовые повинности. Так воспитывалось слепое послушание, основанное на страхе.

Население, несмотря на усиление недовольства политикой РКП(б), запуганное властями, больше уже не пыталось (исключение – так называемое добыгинское восстание в Усть-Пристанском районе, спровоцированное чекистами в 1930 году и некоторые другие) оказывать вооружённое сопротивление коммунистическому режиму.

В сводке Алтайской губчека за первую половину октября 1920 года так трактуются настроения населения: «Отсутствие восстаний и искоренение бандитизма объясняются запуганностью крестьянина донельзя, с одной стороны, с другой – силой оружия совет(ских) войск». А разведсводка штаба ЧОН Сибирского военного округа за ноябрь 1922 года подытожила: «Горный Алтай остаётся самым спокойным в Сибири».

С выводом карательных органов трудно не согласиться – главными факторами победы коммунистического режима в гражданской войне в Алтайской губернии были террор и насилие.

(По материалам книги «Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии» (составитель Яков Кривоносов), а также тезисов научной конференции и учебного пособия «История «белой» Сибири» и «Сибирь в период гражданской войны» (составитель Сергей Звягин), исторических работ писателя В. Гришаева и других публикаций в краевой периодике).

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СИНЬЦЗЯНЕ

Немало жителей Алтая оказались в годы гражданской войны и коллективизации в провинции Синьцзян. Этот пласт истории попыталась изучить на основе архивных документов старший преподаватель Барнаульского государственного педагогического университета (ныне АлтГПА) Елена КОМИССАРОВА.

Елена КОМИССАРОВА окончила в 2001 году исторический факультет Барнаульского государственного педагогического университета. Принимала участие в международных и региональных конференциях, имеет 15 научных публикаций в сборниках. В 2005 года защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Белогвардейская эмиграция в 20-х-начале 30-х годов XX века в провинцию Синьцзян».

Ради спасения

– Вы защитили кандидатскую диссертацию по теме эмиграции наших соотечественников в 20-30-х годах прошлого века в северо-западную китайскую провинцию Синьцзян, граничившую, в том числе и с Алтайской губернией, Алтайским краем? Но ведь известно, что центром исхода русских в Китае являлся Харбин. А насколько привлекательной для русских эмигрантов в 1920-1930-х годах была отдалённая провинция Синьцзян?

– Данные о численности русских эмигрантов, оказавшихся в ту пору в Китае противоречивы. По различным сведениям, там тогда находилось от 100 до 500 тысяч наших соотечественников. В Синьцзяне их было сосредоточено от 25 до 50 тысяч. Сюда отступили довольно крупные белогвардейские, преимущественно казачьи, подразделения, которые в период гражданской войны сражались на территории Южного Урала, Семиречья, Западной Сибири, в том числе и Алтай. Прежде всего, это – Оренбургская армия атамана Дутова, Семиреченская армия атамана Анненкова, корпус

генерала Бакича, воевавшие на территории Алтая повстанческие отряды Кайгородова, Шишкина, Карманова и другие, более мелкие воинские формирования. Кроме военных в провинции Синьцзян в 1920-1930-х годах оказались гражданские лица, бежавшие от ужасов смуты: торговцы, промышленники, священники, мещане, крестьяне, скрывавшиеся от продразверстки и насильственной коллективизации.

Борьба за лидерство

– А почему воинские формирования, ушедшие из России в Синьцзян, так и не сумели объединиться?

Атаман Александр Дутов.

– Несмотря на подготовку к новым операциям против советской власти, белогвардейские подразделения не имели ни общего плана предстоящих действий, ни единого командования. Они намеревались напасть на Семипалатинскую область, организовать восстания населения Туркестана и Семиречья. Удобным для наступления считался и Алтай, как база, с которой можно развивать операции по двум направлениям: в сторону Новониколаевска, и в сторону Кузнецка и Омска. Однако привести их в исполнение препятствовали сложные личные отношения между атаманами Александром Дутовым, Борисом Анненковым, генералом Андре-

ем Бакичем и другими военачальниками, а также отсутствие необходимых денежных и материальных ресурсов.

А вот представители советской России сумели найти общий язык с китайскими властями и их представителями на местах. Результатом сотрудничества стало устранение Александра Дутова, который серьезно готовил новое наступление на советскую Россию. По официальной версии, вечером 6 февраля 1921 года атаман был убит советским чекистом Касымханом Чанышевым. А Бориса Анненкова, двинувшегося со своими подразделениями вглубь Китая, местные власти арестовали и продержали в заключении в городе Урумчи, столице провинции Синьцзян около двух лет, до 1923 года включительно.

Конец Бакича

– Кстати говоря, в старых газетных подшивках я встречал сообщения о том, что весной 1926 года его под конвоем везли через Алтай в Семипалатинск, где намечался суд над бывшим белогвардейским атаманом. Так вот, на станциях Алейская и Поспелиха состоялись митинги, участники которых требовали расстрелять Бориса Анненкова, что вскоре и произошло.

Итак, волею судеб генерал-лейтенант Андрей Бакич весной 1921 года стал новым лидером белогвардейской эмиграции в провинции Синьцзян. Какие действия он предпринял?

– Его вооруженные формирования вскоре совершенно перестали считаться с администрацией округов провинции, в которых размещались, начали разоружать китайских военнослужащих, захватывать при этом населенные пункты и крепости. Местные власти обратились к советскому руководству с просьбой о помощи.

Генерал Андрей Бакич.

Атаман Борис Анненков (четвёртый слева во втором ряду) с представителями гражданских и военных властей Синьцзяна и соратниками.

Операция началась 23 мая 1921 года. Вскоре корпус Бакича разбил красноармейский отряд, шедший ему наперерез от озера Зайсан, а после захвата 2 июля города Шара-Сумэ он стал фактическим хозяином Алтайского округа провинции Синьцзян. Тем временем, советские части сумели освободить от белогвардейцев города Чугучак, Кобук и ряд сёл. 6 сентября, после ожесточённого боя, части корпуса Бакича оставили свои позиции и двинулись в Монголию, в направлении города Кобдо (Ховд).

– *Кажется, именно там в ту пору находился отряд уроженца Горного Алтая есаула Александра Кайгородова?*

– Андрей Бакич надеялся организовать совместные операции с его повстанческим соединением и отрядом атамана Енисейского казачьего войска полковника Казанцева. Но из-за разногласий есаул Кайгородов с отрядом в 500 человек, перейдя советскую границу, двинулся через горно-алтайское селение Кош-Агач на территорию Алтайской губернии. Оставшиеся же части безуспешно штурмовали монгольский монастырь Сарул-гун-Курэ, в котором укрывался красноармейский отряд Байкалова. 26 октября подошедший из Горного Алтая советский Шуйский полк выдвинул белогвардейцев вглубь Монголии. Но в пути их встретили части монгольской народно-революционной армии. 17 декабря остатки корпуса сдали оружие. Группа пленных белогвардейцев во главе с генералом Бакичем была отправлена сначала в город Урга (Улан-Батор), а в феврале 1922 года препровождена через Кош-Агач, Бийск и Барнаул в город Омск. Андрея Бакича расстреляли в Новониколаевске в ночь с 16 на 17 июня 1922 года.

Резмиграция или ассимиляция?

– *Можно ли считать, что в годы НЭПа ситуация с русскими эмигрантами стабилизировалась?*

– Действительно, те из них, кто пожелал возвратиться в Советскую Россию, попытались сделать это. Постановлением ВЦИК от 9 июня 1924 года амнистия распространялась на бывших военнослужащих белых армий со званием не выше унтер-офицера, находившихся в том числе и в Западном Китае. В результате амнистии за период с 1921 по 1927 год, из Синьцзяна в Россию официальным путем, через консульство возвратилось 17373 человека, и, по имеющимся сведениям, примерно столько же прибыло без документов. Большая волна эмигрантов проследовала из Синьцзяна в Советский Союз и после указа Президиума Верховного Совета от 26 января 1946 года, реабилитировавшего эмигрантов и их потомков.

Оставшиеся в Синьцзяне русские эмигранты занимались, кто чем мог. Городские работали по своим специальностям: инженерами, врачами, преподавателями, библиотекарями, портными, открыли парикмахерские, магазины, кондитерские, фотостудии, кузницы и прочие предприятия. Уроженцев сельской местности тянуло к работе на земле. Некоторые бывшие белогвардейцы поступили на службу правительству Синьцзяна в качестве инструкторов в китайских войсках или чириков – пограничных милиционеров. Нередко группы русских эмигрантов проживали компактно, поддерживая прежние обряды и традиции. Большинство казаков и офицеров носило военную форму. Продолжал действовать в Синьцзяне и ряд организаций бывших белогвардейцев. Наиболее спаянным был «Офицерский союз», возглавляемый полковником Паппенгутом.

Белый «щит»

– Кажется, участие бывших белогвардейцев в военных действиях на территории Синьцзяна на этом не закончилось?..

Провинция Синьцзян (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китайской народной республики имеет богатую историю. На её территории в древности существовали Великий тюркский каганат, Уйгурский каганат, Турфанское идикутство (Гаочан), государства Ганьчжоу и Караханидов.

Это были высокоразвитые образования, отличавшиеся хорошо налаженной хозяйственной жизнью и высоким, по тем временам, уровнем культуры населения. Именно в тот период достиг своего наибольшего значения Великий Шёлковый путь, соединявший Запад и Восток, значительная часть которого проходила через территорию Синьцзяна.

– Их не раз принуждали складывать оружие, но особенно казаки никак не желали расставаться с прежним образом жизни, сохраняли военную организацию. Белая эмиграция активизировалась в конце 1920–начале 1930-х годов, что связано как с проведением насильственной коллективизации в СССР, так и ростом напряжения в самом Синьцзяне, где мусульмане добивались отделения от Китая и создания самостоятельного государства. В провинции произошли крупные выступления. В апреле 1931 года в подавлении восстания в Хамийском уезде впервые приняли участие бывшие белогвардейцы.

Эти части, одновременно отличавшиеся высокой боеспособностью и склонностью к грабёжам, были единственной серьёзной опорой правительства Синьцзяна в борьбе с мусульманскими повстанцами.

Успешные действия русских побудили китайцев начать широкую мобилизацию для всех «русских эмигрантов в возрасте до 46 лет».

Эмигрантская пресса утверждала, что их вербовали насильно, под угрозой высылки в СССР, ареста жен и детей.

Вместе с бывшим врагом

– Верно ли, что русские эмигранты вместе с частями Красной армии – своими прежними врагами, участвовали в подавлении национального движения в Синьцзяне?

– По просьбе руководства провинции туда была направлена группа советских инструкторов-лётчиков, которая подчинялась бывшему полковнику царской армии Иванову.

– Надо полагать, и китайские, и советские власти вынуждены были закрывать глаза на сотрудничество бывших врагов. Их пугала возможность создания на территории Синьцзяна самостоятельного мусульманского государства.

– Такая опасность, действительно существовала. Больше того, 12 ноября 1933 года в Кашгаре повстанцами южного Синьцзяна было объявлено о создании Тюрко-исламской республики Восточного Туркестана. Положение же правительственных войск ухудшалось.

Мятежники неоднократно осаждали Урумчи, другие города. Ситуацию удалось переломить только в ноябре 1933 года, когда в Синьцзян была переброшена Алтайская добровольческая армия. В оперативном подчинении командования этой группы находились и подразделения бывших белогвардейцев. Им были обещаны амнистия и советское гражданство в случае успешного завершения операции.

Боевые действия повстанцев с правительственными войсками, на стороне которых выступали советские части и бывшие белогвардейцы, закончилась только 10 июля 1934 года, когда лидер мятежников Ма Чжунин с группой соратников перешёл на советскую территорию и был интернирован.

Концлагерь? Или целина?

– Итак, в междоусобной войне 1931-1934 годов в Синьцзяне бывшие русские белогвардейцы сыграли одну из важнейших ролей. Изменило ли это их дальнейшее положение?

– Несмотря на совместное участие белогвардейцев и красноармейцев в подавлении мусульманского восстания в Синьцзяне, отношение к эмигрантам как со стороны китайского, так и со стороны советского командования было негативным. Русским не доверяли во время боевых операций, им не стали доверять и после подавления восстания. Нередкими были случаи «исчезновения» эмигрантов, причём, как военных, так и гражданских лиц. Не улучшилось положение русских эмигрантов и после их амнистирования и возможности выезда в СССР. Многие вернувшиеся на родину во второй половине 1940-х годов попадали либо в концлагеря, либо на целину – в середине 1950-х годов прошлого века.

Судьба русских эмигрантов провинции Синьцзян остаётся одной из самых трагических страниц во всей истории русского зарубежья.

В 1755-1760 годах китайские войска покорили Джунгарское ханство и Кашгарию, объединив их в наместничество Синьцзян, что в переводе с китайского означает «новая граница» или «новая территория». Провинция Синьцзян в Китайской империи являлась не только крупнейшей в территориальном отношении, но и наиболее многонациональной. Здесь в начале XX века проживало более десятка иных национальностей: уйгуры, казахи, киргизы, дунгане, монголы, татары, таджики, узбеки, сибиряки, маньчжуряки, солоньки, русские. Это обстоятельство стало одной из основных причин, определивших сложные и долговременные проблемы Синьцзяна, как в области внутренней политики, так и в международных отношениях.

Площадь Синьцзяна составляет 1700 тысяч квадратных километров, что равно примерно шестой части всей территории Китая. СУАР граничит с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией, Монголией и Республикой Алтай Российской Федерации.

САМОЗВАНЦЫ

1. «Цесаревич» Алёша Пуцятто

В последние годы появилось несколько публикаций о пребывании на Алтае человека, выдававшего себя за Алексея Николаевича Романова – сына последнего русского царя Николая II. Но, кажется, никому пока не удавалось свести все документы и публикации в единое повествование.

Рассказ о «цесаревиче» либо обрывался его отъездом с Алтая, либо начинался с момента его приезда из Барнаула в Омск.

На золотом крыльце сидели...

*Николай II и его
единственный сын.*

Существование человека, проживавшего на территории тогдашней Алтайской губернии, и называвшего себя сыном Николая II установлено достоверно. В государственном архиве Алтайского края хранятся документы (фонд П 1061, дело 6, опись 1), указывающие на то, что такой человек, действительно проживал в селе Кош-Агач – нынешнем райцентре Республики Алтай.

Но откуда мог появиться столь необычный персонаж в столь укромном месте, расположенном у границы с Монголией и Китаем? Сейчас это установить затруднительно.

Например, по версии старейшего омского историка Ивана Ефимовича Молокова, это был уроженец Алтая. Если это действительно так, то дело чести местных исследователей «рыть землю».

Однако Леонид Юзефович, автор книги «Самые знаменитые самозванцы» утверждает, что юноша проник на Алтай после того, как ему удалось чудесным образом избежать трагической участи своих родителей, сестёр и их обслуги. Якобы цесаревичу удалось незаметно выбраться из вагона, когда поезд, в котором их перевозили, стоял на одной из станций. Это произошло где-то на Урале, между Екатеринбургом и Пермью. Какие-то добрые люди помогли юноше спрятаться, потом он стал пробираться на восток, и, лишь оказавшись глубоко в тылу белых, на Алтае, решил открыть своё настоящее имя.

Собственный корреспондент «Российской газеты» в Омске Владимир Иголкин летом 2004 года в публикации об этой загадочной персоне, касаясь его алтайского периода жизни, подчёркивал: «Говорили, что население встретило самозванца восторженно, его навещали представители духовенства, а начальник почтового отделения на коленях поднёс хлеб-соль. Одни высказывали сочувствие, другие – преданность и верность».

Цесаревич Алексей любил животных.

Впрочем, Виктор Исаев, автор публикаций в «Вечернем Барнауле» (13 августа 1997 года) и «Молодёжи Алтая» (18 декабря 1997 года) называет факты, которые, по его мнению, не соответствуют действительности. Ведь юноша говорил о том, что потерял своих родителей и сестёр, бежав из Тобольской тюрьмы два года назад, то есть в 1917 году. Однако в 1917 году этого не могло быть, поскольку достоверно известно, что в 1918 году семья бывшего царя, включая и Алексея, по распоряжению Советского правительства была переведена из Тобольска в Екатеринбург.

Следовательно, если царевичу и удалось бежать, то бежал он не в 1917 году, а в 1918-м, и не из Тобольска, а из Екатеринбургской тюрьмы. Эти факты, по мнению Исаева, говорят о том, что юноша наверняка был самозванцем.

Одно радует: все исследователи сходятся на том, что настоящая фамилия находчивого юноши – Пуцятю, а звали его на самом деле Алексеем – как настоящего царевича. Юноша, судя по всему, был из интеллигентной семьи. Получил хорошее для своих лет образование, умел держаться в обществе.

В июле 1919 года цесаревичу Алексею исполнилось бы пятнадцать лет. Очевидно, Алёша Пуцятю был приблизительно того же возраста.

Леонид Юзефович предполагает, что его родители, подобно многим в то время, бежали в Сибирь, спасаясь от большевиков. По дороге они или погибли, или попали в тюрьму, либо просто потеряли сына. И то, и дру-

гое, и третье тогда было делом обычным. Во всяком случае, Алёша остался один, как перст, рассчитывать ему было не на кого, и, возможно, в минуту отчаянья у него родилась мысль выдать себя за цесаревича Алексея. Что натолкнуло его на эту мысль, можно лишь гадать.

То ли давно ему известное сходство их внешности, то ли случайно услышанный разговор о том, что его тёзка, оказывается, бежал от тюремщиков и где-то скрывается. Если так, почему бы ему не объявиться на Алтае?

Телеграмма, переполошившая Сибирь

В настоящий шок, должно быть, привело почтовых работников Бийска содержание телеграммы за номером 287, направленной 13 сентября 1919 года из Кош-Агача на имя Верховного правителя России адмирала Колчака от имени цесаревича Алексея.

Начальник почтово-телеграфной конторы Бийска В. Горшков, естественно заинтересовался присутствием необычной персоны в Кош-Агаче. На следующий день Горшкову удалось поговорить с автором необычной телеграммы. Тем более что он оказался почтово-телеграфным служащим. Тот просил пригласить к аппарату 15 сентября к 11 часам уполномоченного командующего войсками Дроздовского. Однако в назначенное время полковник, сославшись на занятость важными делами, на почту не явился. Скорее всего, важные дела тут были ни при чём. Вероятно, Дроздовский просто не верил в реальность спасения Алексея и появления его на Алтае.

Не верил в это и В. Горшков. В этом убеждал его рассказ дежурного почтового чиновника Семёнова, который неоднократно общался с «царевичем Алексеем» – коллегой из Кош-Агача.

Семёнов рассказал следующее: «В одно из подежурств, не помню, какого числа, часа в три вызывает Кош-Агач, и спрашивает: «Кто вы?» Я назвал свою фамилию, кош-агачский дежурный спрашивает, всё ли спокойно, можно или нет проехать по железной дороге до Омска, в какие дни ходят поезда? Ответы на вопросы он, конечно, от меня не получил. Сказав «Жаль», он попросил узнать на вокзале. На мой вопрос, для кого я должен это сделать, заявил, что назвать себя не может, потому что «тогда ты побежишь в милицию». Я не мог удержаться, чтобы не спросить его, что он за важная такая персона, которую милиция стремится поймать? Желая удовлетворить своё любопытство, я попросил его не бояться, что я побегу в милицию, и сказать, кто он такой? Он попросил поклясться. Я дал честное слово.

«Я тот, который был заключён в Тобольскую тюрьму. Я верю вашему слову, а потому откроюсь, не скрывая ничего. Слушайте меня до конца, но не перебивайте. Я тот, который два года тому назад потерял своих дорогих папу, маму и сестёр. Я тот, который был заключён в Тобольскую тюрьму. Я тот, который, несмотря на свои молодые годы, должен был выносить унижения и оскорбления. Я тот, который с помощью друзей бежал, в конце концов из Тобольска, воспользовавшись чьими-то документами. Кое-как выучился работать на аппарате, выдержал экзамены, и был назначен чиновником в Кош-Агач. Я – цесаревич Алексей!

Вы не можете себе представить, что только я вытерпел. Все мои коллеги по службе удивлялись, когда я при каждом бранном слове падал в обморок и в течение многих минут лежал без движения. Я не мог видеть, когда начинали при мне есть с ножа, или руками, или раздавливали мух».

Больше слушать я не стал. Перебил его и сказал: «Вы плетёте какую-то ересь. Это походит больше на бред сумасшедшего человека, чем на действительность». Дальше я дал отбой, закрыл ленту... Я не придал его словам никакого значения, и потому вышло, что я сдержал данное ему слово.

Через долгое время, когда он дал телеграмму на имя Верховного правителя адмирала Колчака, он опять сказал: «Верить или нет теперь моим ранее сказанным словам?.. Теперь я скажу фамилию, под которой я здесь живу. А именно – Алексей Пуцято».

Больше мне с ним говорить не приводилось».

Получив столь интересную информацию, В. Горшков передал её по инстанции начальнику Томского почтово-телеграфного округа. 17 сентября из Томска пришло распоряжение сообщить обо всём для сведения и производства товарищу прокурора Барнаульского окружного суда по Бийскому уезду и уполномоченному командующего войсками Омского военного округа по Бийскому району. 18 сентября распоряжение было выполнено.

А через несколько дней, 23 сентября, В. Горшков получил любопытное письмо от жены начальника почтово-телеграфного отделения Онгудай Марии Михайловны Фёдоровой. Она умоляла спасти Алексея Пуцято, которому якобы угрожает расстрел по наговору начальника конторы Одинцова. За то, что он, Пуцято, знает о каком-то подлоге, совершённом Одинцовым. И что последний из-за этого не хочет отпустить его из Кош-Агача. Докладывая о вышеизложенном в Томск, начальник Бийской почтово-телеграфной конторы В. Горшков просил дальнейших распоряжений.

В те дни, а именно, 15 октября 1919 года, министр внутренних дел

Алексея Николаевич с детства обучали военному делу.

правительства Колчака Виктор Пепеляев записал в дневнике: «...Первый самозванец. В Кош-Агаче объявился «цесаревич Алексей». Это – почтово-телеграфный чиновник Пуцятто, переписка о коем уже у меня. Он арестован контр-разведкой и находится в Бийске. К месту, где он арестован, собираются толпы любопытных. Управляющий губернией телеграфирует, что в него уже верят».

Между прочим, Виктор Пепеляев тоже имел отношение к Бийску: до революции он там три года работал учителем гимназии.

Вот, собственно, всё, что пока известно о пребывании Алексея Пуцятто на Алтае. Ещё более странно и сложно сложилась его судьба после того, как ему всё же удалось выехать из Бийска через Барнаул в Омск.

Урок французского

Содержание той самой телеграммы из Кош-Агача в Омск, подписанной «царевичем», стало известно не только адмиралу Колчаку. Верховный правитель России проигнорировал приезд в Омск юноши, выдававшего себя за сына бывшего царя. Тем не менее, на перроне омского вокзала был выстроен почётный караул, на солнце блестели трубы оркестра. Здесь же стояла группа духовенства в парадном облачении, официальные лица из городской думы. Поодаль теснились зрители.

Наконец поезд остановился. На перрон выпрыгнул какой-то офицер, за ним – несколько человек в штатском. Тот, кому они почтительно помогли спуститься по ступенькам вагона, оказался худеньким темноволосым подростком, одетым в военную форму без знаков различия. Солдаты взяли «на караул», дирижер взмахнул рукой. Музыканты грянули не «Коль славен Господь в Сионе» – мелодию Бортнянского, которую раньше наигрывали куранты на Спасской башне Кремля, и которая при Колчаке стала временным гимном России, а «Боже, царя храни». Руководил встречей генерал Иванов-Ринов, бывший военный министр Омского правительства, известный своими монархическими симпатиями. Он представился подростку, затем, после окончания церемонии, сел с ним в автомобиль, стоявший на привокзальной

площади, и доставил высокого гостя и сопровождавших его лиц в заранее подготовленную квартиру в центре города.

Люди, организовавшие торжественную встречу на омском вокзале, хорошо знали, что бывший государь, его жена и дети погибли 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. К такому выводу пришла следственная комиссия во главе с генералом Дитерихсом. Но существовало немало версий о чудесном спасении богоизбранной семьи. Согласно им, в Екатеринбурге убили только самого Николая II и лиц, состоявших при нём. Остальные, то есть императрица с детьми, были вывезены сначала в Пермь, затем – Вятскую губернию, в район Глазова. Имели хождение слухи о появлении представителей царского рода на бескрайних сибирских просторах. Но чаще всего, устные рассказы «спасали» Алексея и его сестру Анастасию.

Похоже, самозванец нужен был Иванову-Ринову для объединения правой оппозиции Верховному правителю России адмиралу Колчаку. Некоторое время Лжеалексей и его приближённые жили припеваючи, не особенно задумываясь о будущем, наслаждаясь теми радостями, которые им могло дать настоящее, – приёмом посетителей, торжественными молебнами, банкетами, выездами в театр, а главное – сбором пожертвований. Но как ни натаскивали Алёшу на его роль, какие ни вкладывали в него сведения о его же собственном детстве, проведённом в кругу императорской семьи, рано или поздно в нём должны были признать мошенника. На долгую дистанцию у него всё равно не хватило бы дыхания.

Александр Колчак не проявил ни малейшего интереса к «цесаревичу», и вообще старался держаться подальше от этой сомнительной затеи. Но «игра» с «наследником» зашла так далеко, что по указанию Верховного правителя контрразведка решила устроить очную ставку в ставке с Пьером Жильяром, который учил царских детей французскому языку. Педагогу удалось спастись от расстрела, поскольку в Тюмени при возвращении из Екатеринбурга в Тобольск оказались белые войска.

Сначала Жильяру дали незаметно понаблюдать за юношей через открытую дверь из соседней комнаты. Своим матросским костюмом, цве-

*Алексей Романов причислен
к страстотерцам.*

том волос и причёской он действительно издалека очень смутно напоминал наследника. Но выглядел выше и полнее его.

Когда юношу ввели к Жильяру, педагог задал несколько вопросов по-французски. В ответ – молчание. И только когда начали настаивать, чтобы он отвечал, тот заявил, что понимает всё, о чём его спрашивают. Но у него есть, дескать, причина говорить только на русском. Жильяр, видимо проинструктированный контрразведчиками, согласился и задал несколько вопросов, касающихся конкретных деталей быта царской семьи. Настоящий Алексей должен был ответить без запинки. А этот собеседник сослался на то, что станет говорить только с Верховным правителем.

Таким образом, выяснилось, что юноша выдаёт себя не за того, кем является на самом деле. Он ещё несколько раз попадал в курьёзные ситуации. В итоге, Иванов-Ринов лишил его своей опеки. Над Алёшей Пуцятю стали сгущаться тучи, и наконец он был посажен под арест. Правда, впредь до выяснения всех обстоятельств дела «цесаревича» содержали на привилегированном положении, с удобствами и без особых строгостей.

От окончательного разоблачения и связанных с этим неприятностей его спасли красные. Фронт неумолимо приближался. Через два месяца после того, как он прибыл в Омск, в город вошли части 5-й Красной армии.

Наследник трона – член РКП(б)?

Однако Алёша успел эвакуировать на восток. В начале 1920 года он оказался в Чите, у атамана Семёнова. Атаман уже не раз имел дело с самозванцами разного масштаба. В Забайкалье объявлялся, к примеру, китаец-парикмахер из Маньчжурии, который на первых порах довольно успешно выдавал себя за побочного сына японской императрицы. Был и какой-то молодой еврей, сумевший убедить забайкальских казаков, что он – родной сын генерала Крымова, под чьим началом они сражались на фронтах Первой мировой. Этого «генеральского сына», разоблачив, жестоко высекли. Так что и с «цесаревичем» Алексеем атаман Семёнов церемониться не стал. Он просто засадил его в тюрьму на общих основаниях, как самого обычного арестанта.

В читинской тюрьме Алёша просидел до осени. Затем Читю заняли партизаны и части Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Семёнов успел улететь в Маньчжурию, туда же с боями отступили остатки белых армий.

Победители, как всегда бывает при смене режимов, распахнули двери тюрьмы. Вышёл на свободу и Алёша Пуцятю. Причём в этой ситуации он

сумел воспользоваться выгодами своего положения. Ему, видимо, удалось убедить новых хозяев Читы в том он – политический заключённый, жертва белого террора сидел в тюрьме как борец с режимом атамана Семёнова. Очевидно, и на этот раз Алёша сочинил легенду не менее правдоподобную, чем та, которую он излагал на Алтае и в Омске. Только прямо противоположную по идейному содержанию. Ему опять поверили, а извлекать пользу из чужого сочувствия он уже имел.

В результате с ним произошло новое чудесное превращение: «цесаревич» вступил ... в большевистскую партию. Новый член Российской коммунистической партии большевиков вскоре стал работать в штабе Народно-революционной армии. Вскоре, как человека, «прошедшего школу тюрем и подпольной борьбы», его перевели на службу Военно-политическое управление (Военпур) при правительстве Дальневосточной республики. Поначалу он был делопроизводителем, однако, имел доступ к секретным документам. Увы, дальнейшей карьере на военно-политическом поприще помешала роковая случайность. Осенью 1921 года в Военпуре проводилась традиционная для тех времен «партийная чистка». В ходе этого мероприятия из рядов РКП (б) изгонялись те, чьи взгляды не вполне совпадали с генеральной линией ЦК, а классовая принадлежность препятствовала их гармоническому слиянию. Вот здесь-то Пуцято и попался: один из членов комиссии опознал в юном политработнике недавнего соседа по тюремной камере. Но тогда Алёша был известен сокамерникам, как страдалец совсем не за ту идею, за которую страдали они сами.

Высокая комиссия были в шоке. Как оказался бывший «цесаревич» в святая святых – в партии?! В Военпуре?! В итоге, бывшему наследнику и члену большевистской партии вновь пришлось срочно менять статус.

После всего случившегося Алёшу не могли оставить в покое. Тайну скандального разоблачения, несмотря на строгую партийную дисциплину, наверное, сохранить не удалось, слухов об этой анекдотической истории ходило немало. Скорее всего, он вновь оказался на тюремных нарах, или был выслан куда-нибудь с глаз долой. Для смертного приговора Пуцято был слишком юн, да и политические нравы в Забайкалье до ликвидации Дальневосточной республики отличались относительной либеральностью.

К сожалению, дальнейшая судьба Алёши Пуцято неизвестна. Но нельзя исключать, что он спокойно доживал свой век где-нибудь в укромном месте Дальнего Востока или Алтая.

II. «Царь Кирюха» и другие

Пожалуй, самая скандальная династическая история в России – объявление себя царями наследниками великого князя Владимира Александровича, которому доводилось бывать на Алтае. Причём, иные высокопоставленные современные российские политики приветчают этих самозванцев, отдавая им почести, достойные монархов. Остальные же Романовы, а их сейчас в мире насчитывается более трёх десятков, отказываются не только признавать их, но даже общаться с теми, кто пытается узурпировать несуществующий российский трон.

Высокий визит

Великий князь Владимир Александрович.

Чтобы понять, как такое могло случиться, вернёмся в июль далекого 1868 года. Именно тогда Алтай посетил Его Императорское Высочество великий князь Владимир Романов – сын государя Александра II и брат царствовавшего тогда императора Александра III. Владимир Александрович к тому времени утерял и без того иллюзорную возможность стать российским монархом: он был женат не на православной, а на лютеранке. Тем самым, им были нарушены основные законы Российской империи, лишавшие его права быть наследником престола. А вот его бойких наследников это обстоятельство не смущает, они настойчиво продвигают себя «в цари».

Итак, в мае 1868 года из Томска окружной исправник сообщил в Барнаул, что великий князь намерен удостоить своим посещением Алтай. Владимир Александрович предполагал из Оренбурга направиться в Петропавловск, Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Барнаул, Томск, а на обратном пути посетить Тобольск и Тюмень. Данное сообщение пришло для того, чтобы на местах заблаговременно позаботились об исправлении дорог, лошадях, квартирах, о приведении городов, селений и почтовых станций по возможности в благообразный вид.

Стало также известно, что князь едет со свитой, в которую входили его попечитель, граф Перовский, контрадмирал Бок, флигель-адъютант, действительный статский советник Литвинов с сыном, врач, секретарь, камердинер, егерь, повара, магазин-вахтер и пять человек прислуги.

Каковы были требования правил приёма столь высокого гостя и его свиты? Во-первых, следовало передать князю всеподданнейшие рапорты, подать хорошо выполненную карту. Во-вторых, запрещалось устраивать многолюдные встречи и проводы. Сопровождать гостя должны были только те должностные лица, которые непосредственно обеспечивали проезд. Полагалось следить, чтобы хлеб-соль не преподносились на золотых и серебряных блюдах.

Никаких особых работ по ремонту и улучшению дорог производить не следовало, но это требование, конечно, было нарушено. Александр Ермолаевич Фрезе, главный начальник Алтайских горных заводов и одновременно Томский гражданский губернатор, 8 июля, в канун следования высокого гостя, лично выехал на тракт, чтобы осмотреть сделанные исправления дорог.

По сохранившимся счетам расходов, установлено, что для обеспечения визита было затрачено около 800 рублей – немалые по тем временам деньги. Главную статью расходов составила поставка лошадей. На каждой станции велено было иметь не менее 60 готовых к отправке коней. До конца 1868 – начала 1869 годов власти продолжали разбираться, кому всё же придётся раскошелиться, чтобы оплатить эти расходы.

В советское время об этом визите писали так: «Зная за собой тьму грехов, местные начальники, купцы, промышленники не стеснялись в проявлении своих верноподданнических чувств. Сейчас трудно сказать, какие конкретные дела совершил царский сынок. Но один факт известен точно: от обжорства и излишнего потребления вина великий князь занедужил и срочно отбыл на берега Невы».

На самом деле, кажется, всё было гораздо скромнее, чем представлялось советскому официозу. У меня, к примеру, вызывает чувство уважения то, что Владимир Александрович не побрезговал посетить 12 июля в Томске губернский острог и тюремный приют, который впоследствии получил название «Владимирский». Трудно даже представить, чтобы на подобное решились советские и постсоветские вожди, также бывавшие в Алтайском крае: Михаил Калинин – в 1920-м и 1934 годах, Иосиф Сталин (1928 году), Никита Хрущёв – (1954, 1956 и 1961 годах), Леонид Брежнев в 1972 году, Борис Ельцин в 1992-м, Владимир Путин в 1998 и 2003-м годах, а также многие другие.

В Барнауле память о единственном посещении представителем Романовых своего царского имения не сохранилась. А вот бийчане высоко чтят

ли этот визит. Они, по крайней мере, до начала XX века сохраняли лодку, в которой Его Императорское Высочество великий князь Владимир Александрович переправлялся через реку Бию. Лодка находилась в здании напротив Троицкого собора. Установлена здесь она была в том же, 1868 году, на средства Бийской городской управы.

В рапорте полицейского надзирателя города Бийскому уездному исправнику в 1902 году подчёркивалось, что «... лодка сохранилась ещё в особо устроенном деревянном помещении на берегу Бии, за исключением некоторых украшений, а самое помещение пришло в ветхость. Подробных сведений по сооружению её извлечь неоткуда, так как переписки по этому предмету в архивных делах не найдено; ремонт помещения и самой лодки не производится».

Больше никто из царской фамилии на Алтае не бывал. Собирался посетить Сибирь император Александр Первый, но не успел, скончался в Таганроге. Хотя существует версия, что вместо него был похоронен другой, а император закончил свои дни в сибирском городе Томске под чужим именем.

Георгий – самодержец российский?

Вернёмся к непутёвым потомкам Его Императорского высочества великого князя Владимира Александровича. Брак его сына Кирилла Владимировича сопровождался громким скандалом. Он женился на принцессе Виктории Мелитте, которая до этого была супругой принца Эрнста Гессенского, брата российской императрицы Александры Фёдоровны. От этого брака невеста будущего «царя Кирюхи» имела дочь. В 1901 году Виктория Мелитта бросила семью и ребёнка ради своего двоюродного брата великого князя Кирилла Владимировича. По законам об императорской фамилии Кирилл должен был получить разрешение от царствующего родственника. Разумеется, согласия на столь скандальный брак Николай II не дал. Тем более что новобрачные были двоюродными братом и сестрой, а подобные браки запрещены православной церковью,

*Кирилл Владимирович –
«царь Кирюха».*

как близкие к кровосмешению. Кирилл пообещал разорвать отношения с Викторией, но в 1905 году тайно обвенчался с ней в Германии, тем самым, нарушив церковный и царский запреты. Это послужило поводом к отъезду из России. В итоге, государь передал командование войсками гвардии Санкт-Петербургского округа великому князю Николаю Николаевичу.

Странным было поведение Кирилла и во время Февральской революции. За неделю до отречения царя, великий князь, вновь объявившийся в России, прицепив к мундиру красный бант, во главе гвардейского флотского экипажа явился в Таврический дворец и отдал себя в распоряжение Государственной Думы. То есть оказался в числе первых офицеров, нарушивших присягу и изменивших царю.

Уже в эмиграции, в 1924 году, Кирилл сам провозгласил себя императором всероссийским Кириллом Первым. Сделал он это ещё при жизни вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, которой по закону принадлежало право местоблюстительницы российского престола. Она-то и прозвала самозваного престолонаследника «царем Кирюхой».

Накануне смерти Кирилла Владимировича, последовавшей 12 октября 1938 года, он пожаловал сына Владимира Кирилловича титулом наследника, как «цесаревича и великого князя». Провозгласить себя императором дерзкий отпрыск всё же не решился, отдавая себе отчёт в шаткости своих притязаний. Он скромно оставил себе титул главы императорского дома. В 1948 году внук Владимира Александровича вступил в брак с Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской. Он настаивал на том, что члены грузинского рода Багратионов, к которому принадлежала его супруга, вступали только в династические браки. Это вызывает сильные сомнения, учитывая крайнюю захудалость рода супруги. Известно, что мать Леониды Георгиевны, урождённая Золотницкая, происходила из семьи богатых дельцов из Тифлиса и не принадлежала даже к потомственному дворянству.

Что касается самой Леониды Георгиевны, то её брак с Владимиром Кирилловичем был не первым. До этого она была замужем за американским банкиром Кирбе, от которого имела дочь Елену. Это означало, что, вступая в брак, Владимир Романов женился не на княжне Багратион-Мухранской, а всего лишь на разведённой госпоже Кирбе. Тут также есть нарушение всё той же 188-й статьи Свода законов Российской империи. В силу этого, брак Владимира Кирилловича, являлся, бесспорно, морганатическим.

В 1976 году дочь князя Владимира Кирилловича Мария Владимировна вышла замуж за принца Прусского Франца-Вильгельма. В то же время

её отец пожаловал зятя титулом великого князя под именем Михаила Павловича. Но статья 19 Свода законов Российской империи говорила о том, что жаловать титулы и прочие государственные отличия может только царь. Это право не распространяется на князей и великих князей, не обладает им и наследник престола. После замужества Мария должна была именоваться не «Её светлость», а принцессой Гогенцоллерн – по российским законам все жены принимали фамилии и титулы своих мужей. В соответствии с этим, Георгий – сын Марии Владимировны и Франца-Вильгельма, родившийся в 1911 году, является принцем Прусским, и никем более.

«Глава Российского императорского дома» Мария Владимировна и её сын Георгий – «Государь, Великий князь».

Несмотря на это, Мария Владимировна, после смерти его отца, объявила сама себя главой российского императорского дома, а своего малолетнего сына Георгия стала смешно и нелепо именовать Государем, Великим Князем.

Прямая линия наследования в династии Романовых прервана летом 1918 года. Если допустить наследование по линии женского потомства, среди членов дома Романовых есть люди формально обладающие большими правами, чем потомки «царя Кирюхи». Например, дети великой княгини Ксении Александровны – родной сестры последнего русского царя Николая II. Но их право на престолонаследие сомнительно по причине всё тех же мorganатических браков. Да и передача престола по женской линии означает смену династии.

«Детские» игры

Время от времени на бескрайних сибирских просторах объявлялись малолетние бродяжки, выдававшие себя за гонимого царевича. Россия не была бы Россией, если бы им никто не верил. Они рассказывали какой-нибудь сердобольной крестьянке горестную историю пережитых ими несчастий и на этой ниве собирали свой урожай: подавание, скромный ужин, ночлег в тёплой избе. Некоторых арестовывали белые или красные; другие, более удачливые, продолжали скитаться вдоль трактов и железных дорог, побираясь именем царственного сверстника. Эти на большее и не претендовали.

Но были и те, кто всерьёз уверовал в собственное царственное происхождение, в чём пытались убеждать окружающих. На Алтае в 20-е годы прошлого века насчитывалось до двух десятков «членов семьи Романовых», которым, якобы удалось бежать от большевистской расправы в Екатеринбурге. Весть о том, что царские дети живы, быстро распространялась по всей Алтайской губернии.

Прихожане Покровской церкви Барнаула, например, обращали внимание на молодого человека, который мог молча часами стоять на почётном месте у клироса. Говорили, что он подавал записки о здравии и за упокой, в которых указывал имена всех царственных особ. А священник Топорков, исповедовавший незнакомца, убеждал близких, что это не кто иной, как наследник российского престола Алексей Николаевич Романов.

Наталья Кускова и Татьяна Бушоева, знакомые работника бийского Госторга Алексея Ивановича Шитова неоднократно отмечали сходство комсомольца с цесаревичем. Они и сообщили о том, что в Бийске объявился сын убиенного царя Николая II руководителю барнаульской общины иоанитов (православных, почитавших Иоанна Кронштадтского) Михаилу Павловичу Горленко. Тот прибыл в Бийск для встречи с «августейшей особой». Это посещение подвигло комсомольца Шитова к полному ощущению себя самым настоящим наследником престола.

*Романовы-младшие: в центре – Алексей,
крайняя слева – Мария.*

В тот же период, в селе Макарьевском Бийского округа (ныне село Макарьевка в Алтайском районе) объявилась Евдокия Михайловна Чеснокова, выдававшая себя за великую княжну Марию Николаевну, бежавшую из Екатеринбурга и скрывавшуюся в уединённом алтайском уголке от большевистских репрессий. Встреча «брата с сестрой» состоялась в квартире Горленко. Никого не смутило то, что они не узнали друг друга. А Алексей Николаевич даже высказал сомнение, что молодая женщина – царского рода. В ответ Мария Николаевна поясняла, что арестовавшие её сотрудники Алтайского ГПУ издевались над ней, выбили передние зубы и отрезали одну грудь. В подтверждение своих слов она показывала руб-

цы и ссадины на теле, полученные, якобы в Тобольской тюрьме и на Алтае.

Впрочем, и облик «цесаревича» поблэк, едва он взял в руки карандаш: молодой человек оказался малограмотным, писал с ошибками, корявым почерком, расписывался с маленькой буквы. Но на эти мелочи никто не обращал внимания, потому что всем очень хотелось верить в чудо.

Осенью 1925 года в Барнаул возвратилась Мария Николаевна (Чеснокова), ездившая под Челябинск «разыскивать вещи батюшки и матушки», которые, по её словам, оставались там на хранении с 1918 года. Приехала она без вещей, но с молодым человеком, которого представила как «великого князя Владимира Владимировича».

Они серьёзно увлеклись в игру в «царских детей». Стали говорить о поездке Алексея, Марии и Владимира в Москву на приём к английскому консулу, чтобы получить заграничные паспорта и выехать за рубеж. Сердобольные земляки собрали им на дорогу 80 советских рублей. «Великой княжне» передали паспорт, одолженный у иоанитки Евдокии Михайловны Малюгиной. Но до Москвы путешественники не добрались, встретив в Вятке игуменью Сычевского монастыря Смоленской губернии Раису Синкевич. Та уговорила их поехать в Сычёвку, где путешественники открылись ей, что они – царского рода. Скоро это не стало тайной и для монашек, которые собирали деньги, вещи и продукты для «царских детей». Раиса Синкевич добыла бланк паспорта с печатями. Его заполнили цесаревичу, который отныне стал носить красивую французскую фамилию Доескурдате, и отбыл в Барнаул с 50-ю рублями в кармане. А его псевдосестра Мария Николаевна с псевдокнязем Владимиром оказалась в городе Ржев

*Великие княжны.
Третья слева – Мария Николаевна.*

Тверской губернии, где они, находившиеся в религиозном браке, зарегистрировались в советском ЗАГСе, а потом родили ребёнка.

Но 2-го февраля 1926 года в Барнауле и Бийске были арестованы «великая княжна» и «великий князь» со своими сподвижниками. По делу проходило 40 обвиняемых и 17 свидетелей. Решением коллегии ОГПУ во внесудебном порядке были расстреляны «цесаревич Алексей», на самом деле – Алексей Шитов, 1905 года рождения, из крестьян Орловской губернии, бывший комсомолец, образование низшее; «великая княжна Мария Николаевна», она же Ковшикова, Чеснокова и Малюгина, 1902 года рождения, из мелких дворян, живших в Польше, малограмотная; «великий князь Владимир Владимирович», он же Ковшиков; а также Горленко, Топорков, Синкевич, Корнев, Костылев. Остальным членам «монархической группы» дали сроки от трёх до десяти лет концлагерей с последующей высылкой в Казахстан и Среднюю Азию. Судьба младенца «царственной четы» Ковшиковых неизвестна. Обвиненных по уголовному делу № 7414 реабилитировали лишь через шесть десятилетий.

Но и позже на Алтае обнаруживались самозванцы. Наверное, этого очень хотели карательные органы.

В постановлении Барнаульского оперсектора ОГПУ по Запсибкраю о предъявлении обвинения «церковно-монархической» группы «Благодатники» от 25 апреля 1931 года упоминается, что её членами «распространялись провокационные слухи», в том числе и о том, что «...монашка Новожилова П.И. является дочерью б/царя Николая Романова, последняя ездила по селам Волчихинского, Смоленского и других районов, выдавала себя за княжну Анастасию и Ольгу».

В докладной записке уполномоченного ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю в Курьинском районе Нефедова от 5 января 1931 года, по так называемому делу «Благодатников» отмечается, что «поп Спесивцев одну из монашек – Новожилову Прасковью, которая определённого места жительства не имеет, в большинстве разъезжает по другим районам и городам и в последнее время проживала в селе Калмыцкие Мысы и нами арестована, выдавал как дочь бывшего царя Романова, которая сумела при расстреле указанной семьи сбежать и этим самым он вокруг неё группировал определённое монархическое ядро из кулацко-зажиточной части».

А в обвинительном заключении по делу группы «Благодатники» в Курьинском районе отмечалось: «...Как руководители, так и члены к.-р. организации активно проводили на селе противосоветскую агитацию, направленную к срыву коллективизации, госсборов, распространяли прово-

кационные слухи о скором свержении советской власти, о кончине мира, об антихристе и антихристовой печати, святости Капустиной, Спесивцева и Чекмарёвой, о том, что бывший царь Николай Романов не расстрелян, что монашка Новожилова является княжной «Ольгой»...

Отпрыски вождей

Николай Романов, дед по матери которого, Дмитрий Шереметьев, был другом детства Николая Александровича, в одном из интервью рассказал, что собирает архив самозванцев. По его сведениям, одна из Лжетатьян, например, была будто бы спасена из Тобольска английским авиатором, который, конечно, работал на английские секретные службы. Он её перевёз самолётом в Иркутск. Из Иркутска – поездом во Владивосток. Оттуда в Японию на английском крейсере «Саффолк».

Со знаменитой Лжеанastasией конкурировало несколько таких же, как и она, самозванок, но им никто не верил, потому что она была более важная. Царевичей Алексеев было три или четыре. Одному из них, по сведениям Николая Романова, предложили сделать анализ крови на гемофилию. На что он ответил: «Помилуйте, я Алексей Николаевич, но у меня нет гемофилии, потому что я не первый Алексей. Государь и императрица спаслись, переехали в Польшу, перешли в католичество, императрица умерла, Николай женился на польке, у них родился сын, которого они назвали Алексеем – в память о первом. И вот я Алексей II, сын Николая II».

Лично мне известно ещё несколько фактов самозванства на Алтае. Я имел честь лично лицезреть, кого бы вы думали?! Николая Ульянова – сына Ленина и Крупской. Да-да!

По крайней мере, так представился мне, сотруднику газеты «Молодёжь Алтая» в январе или феврале 1978 года, один из редакционных посетителей. К тому времени я уже умел отличать «шизу» от рядовых озабоченных читателей. Пригласил коллег, чтобы «увечечить» посещение. Николай Ульянов отказался показывать нам документы, подтверждавшие его легенду. Скорее всего, он их попросту не имел. Да и выглядел явно не на 70-80 лет, если бы, действительно, был рождён ещё на рубеже XIX-XX веков. Словом, легенда была нами быстро опровергнута.

Тогда странный посетитель перевёл разговор на собственные интеллектуальные способности. Николай Ульянов, утверждал, что является автором ... нового русского алфавита. Это увлекло журналистов. Он рисовал нам на листках какие-то закорючки: «это – окно», «это – стол» и так далее,

пока мы не поймали его на том, что его закорючки стали повторяться. На том и закончилось наше общение с «сыном Ленина и Крупской».

Совсем недавно, коллега Артём Кудинов, прежде работавший в штате краевого архива, поведал мне, что листал послевоенные документы краевого управления НКВД ещё об одном самозваном отпрыске Ленина.

А человек, выдававший себя за правнука Сталина, встретился корреспонденту «Алтайской правды» Людмиле Ермолиной в Рубцовске в конце 2004 года. Владимир Анатольевич Дорогайцев, бывший военный, считает себя потомком человека, который, якобы, появился от связи Сталина с сестрой Серго Орджоникидзе. Увы, ни один источник не этого подтверждает.

Зато достоверно известно, что во время ссылки в Сибири, в Туруханском крае у будущего «вождя народов» и 15-летней местной девушки Лидии Перепрыгиной появился внебрачный сын Александр. Он получил фамилию Давыдов (от законного мужа Перепрыгиной), в 16 лет ушёл из дома. В годы войны Александр Давыдов служил на Дальнем Востоке, затем – в Корее, где в 1948 году у него родился сын Юрий, который поныне работает инженером в Новокузнецке, расположенном у границы с Алтайским краем.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ – БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИСТРАСТИЙ

Благодаря этому человеку вышли в свет восемь томов «Книги Памяти» с именами 200 тысяч наших земляков, павших на фронтах Великой Отечественной войны. А в октябре 2005 года он с коллегами завершил публикацию многотомной серии «Жертв политических репрессий в Алтайском крае». Вышли в свет семь томов в восьми книгах, а также итоговый том по данной тематике. Вот что может сделать всего-навсего один человек! Конечно, вместе с единомышленниками. Это – Григорий БЕЗРУКОВ, который был ответственным редактором вышеупомянутых изданий

Кто они – «враги народа»?

– Григорий Николаевич, как получилось, что Вы занялись этой работой?

Григорий Безруков.

– До осени 1991 года я работал заведующим краевым партийным архивом. Нередко обращал внимание на то, что в постановлениях бюро крайкома партии имеются записи об исключении из партии «врагов народа». Отмечал для себя, что исключённым ещё до суда приклеивали ярлык «врага народа». Поражали, конечно, нелепость и однообразие обвинений.

Затем несколько лет мне довелось заниматься выпуском краевой «Книги Памяти», методология составления которой пригодились и в работе над «Жертвами политических репрессий».

– Но ведь к 1997 году, когда было принято решение о выпуске этой серии, данная тема потеряла былую остроту времен перестройки.

– Однако пришло время серьёзных исследований, а не беглых, подчас ангажированных статей о политических репрессиях.

– Вы действительно подержали в руках уголовные дела, карточки тысяч репрессированных?

– Да. А если учесть, что некоторые дела состояли из 150-200 томов, то неудивительно, что работа затянулась на восемь лет. К примеру, так на-

зываемый заговор в сельском хозяйстве Западной Сибири – это сотни уголовных дел, объединённых в одно. Нередко в делах отсутствовали описи, перечни документов, а сами они были составлены небрежно.

Не столько стреляли, сколько расстреливали...

– Григорий Николаевич, скажите, а почему список опубликованных жертв политических репрессий на Алтае в книгах начинается с 1919 года, а не с 1917-1918-го?

– Принято считать, что люди, пострадавшие в революционную эпоху являются жертвами гражданской войны. Подчас репрессии того периода носили карательный характер, что можно квалифицировать как военное преступление.

– Как говорил кто-то из великих: «В гражданской войне не столько стреляют, сколько расстреливают», ведь в жестокости упражнялись обе противоборствующие стороны.

– Статистически жертвы политических репрессий появились лишь после освобождения Алтая от белогвардейцев, с декабря 1919 года.

– Но ведь в конце 1919 года, весь 1920 и часть 1921 года гражданская война в Алтайской губернии продолжалась. Только теперь регулярные войска подавляли восстания бывших красных партизан и других недовольных Советской властью.

Всего в 1919-1965 годы репрессировано 45722 человека, из них осуждены 42464.

По возрасту: до 18 лет – 132; 18-30 лет – 10192; 31-40 лет – 13702; 41-50 лет – 11390; 51-60 лет – 6929; 61-70 лет – 3064; 71-80 лет – 234; старше 80 лет – 9; не указан – 70.

По национальности: русские – 31950; украинцы – 3867; немцы – 3817; поляки – 1155; белорусы – 894; мордвины – 345; латыши – 319; эстонцы – 266; евреи – 265; китайцы – 177; казахи – 146; литовцы – 114; венгры – 110; также были репрессированы представители десятков национальностей, включая калмыков, татар, грузин и даже иностранцы – австрийцы, румыны, болгары, финны, чехи, итальянцы.

По полу: мужчин – 43251, женщин – 2471.

По городам больше всего репрессировано: Барнаул – 2318 человек; Бийск – 1078; по районам: Благовещенский – 498; Немецкий – 495; Каменский – 409; Локтевский – 402; Ключевский – 350.

– В тех случаях, когда их репрессировали по «политическим» статьям, они включались в число жертв политических преследований.

– *А почему реестр незаконно пострадавших заканчивается 1965 годом? Ведь и позже подвергались политическим преследованиям, например, евангельские христиане-баптисты, истинные православные христиане, некоторые другие жители края.*

– Потому что после 1965 года не было уголовных дел по «политическим» статьям. Людям, несогласным с тогдашней политикой либо вменялись, к примеру, различные нарушения общественного порядка, либо всё заканчивалось профилактическими беседами в управлении Комитета госбезопасности по Алтайскому краю.

– *Можно ли говорить, что теперь установлены все имена пострадавших от несправедливых преследований по политическим мотивам?*

– Краевая прокуратура продолжает работу по реабилитации. Возможно, также появятся имена людей, осуждённых военным трибуналом Западно-Сибирского военного округа.

Где вещдоки?

– *Арест подозреваемых нередко сопровождался конфискацией имущества и изъятием так называемых вещдоков – вещественных доказательств. Куда они делись?*

– Конфискация имущества была нередким явлением. Но недвижимое имущество невозможно положить, например, в архив. Чаще всего оно попадало в руки коллективных предприятий, но порой оказывалось и в руках тех, кто занимался арестом или конфискацией. Причём, «на законных основаниях». Например, 25 процентов семян, изымаемых у «кулаков», передавалось бедноте или коммуне. Практика изъятия имущества использовалась и в годы Великой Отечественной войны, как инструмент давления на членов семей так называемых изменников Родины, в числе которых оказывались пропавшие без вести, попавшие в плен или сдавшиеся воины.

А вот личные вещи репрессированных сохранились в уголовных делах. И об этом рассказал в одной из изданных нами книг архивист Андрей Колесников. Это – почётные грамоты, государственные награды, в том числе и дореволюционного периода, документы об окончании учебных заведений, фотографии, книги, дневники и многое другое.

Если они расскаются, мир рухнет

– В одном из томов «Жертв...» опубликован совершенно потрясающий документ – докладная записка секретаря Баевского райкома партии о посещении им семей в годы войны. Он признавал, что люди живут в домах совершенно без одежды и в отсутствии продуктов питания.

Скажите, ежедневно работать с подобными документами – это, наверное, трудная работа?

– Порой меня охватывал ужас, подступало гнетущее состояние. Родственники говорили: «Бросай это дело!» Но коллеги и друзья уговаривали довести его до конца.

Масштаб репрессий был страшным. Они коснулись всех категорий населения, включая и вчерашних палачей. Но самые массовые категории «врагов народа» – рядовые работники. Причём, их огульно записывали в «японские» и «немецкие» шпионы, хотя эти люди даже не выезжали за пределы своего поселения.

Мой трудовой стаж – около 50 лет. Но я считаю, что главное дело моей жизни – эти годы работы над «Книгой Памяти» и «Жертвами политических репрессий». Скажу честно: мне многое пришлось переосмыслить. Ведь я в прошлом – партийный работник, коммунист. А до сих пор есть немало тех, кто не хочет признавать даже сам факт массовых репрессий. Это в основном люди старшего поколения. Иные из них и сегодня убеждены, что так надо было делать. Другие же просто не знают, или не хотят знать правду. А на этом незнании нередко спекулируют политики, причём, разной ориентации. Меня, например, упрекают в том, что я, мол, «роюсь в прошлом, очерняя его». Но это не так. Нельзя путать историю страны с историей репрессий. Было в эти годы немало масштабных дел, народ совершил настоящий трудовой подвиг, позволивший выстоять в страшной войне. Быстро восстановить народное хозяйство. Но нельзя этими достижениями оправдывать незаконные репрессии. Я работал честно, опубликовал достоверную, объективную работу, основанную исключительно на архивных документах.

– Иными словами, о жертвах политических репрессий написано без политических пристрастий?

– Да, но хочу сказать и о роли Сталина. Кто-то поныне считает, что тогдашний руководитель партии и страны неповинен в массовых репрессиях, мол, «перегибы» осуществляли местные кадры. Это не так. Инициатива, как правило, исходила от центральных партийных органов и лично от Сталина. Так было в 1928 году, когда он на июльском пленуме ЦК сформулиро-

вал тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к новому обществу. Данный тезис был оформлен также в решениях январского пленума 1933 года, февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года и других. Это было обоснованием большого террора.

Репрессировано по годам: 1919 – 16; 1920 – 303; 1921 – 502; 1922 – 70; 1923 – 3; 1924 – 12; 1925 – 4; 1926 – 8; 1927 – 52; 1928 – 144; 1929 – 785; 1930 – 3557; 1931 – 3015; 1932 – 1142; 1933 – 3540; 1934 – 590; 1935 – 557; 1936 – 406; 1937 – 14946; 1938 – 9290; 1939 – 230; 1940 – 450; 1941 – 2020; 1942 – 1654; 1943 – 836; 1944 – 319; 1945 – 364; 1946 – 207; 1947 – 133; 1948 – 109; 1949 – 154; 1950 – 84; 1951 – 71; 1952 – 55; 1953 – 37; 1954 – 3; 1955 – нет; 1956 – 6; 1957 – 31; 1958 – 12; 1960 – нет; 1961 – 1; 1962 – нет; 1963 – 3; 1964 – нет; 1965 – 1.

По мере наказания: высшая мера наказания – 15727; 10 лет и более – 12348; 5-9 лет – 9921; до 5 лет – 2710; ссылка, высылка – 1298, остальные – к иным мерам наказания.

По роду занятий или месту работы: члены колхозов – 10691; в том числе председатели колхозов – 205; работники совхозов – 1021; работники лесного хозяйства – 958; работники МТС – 726; работники заготовительных организаций – 692; работники железных дорог – 659; работники народного образования – 656; священнослужители – 324; работники здравоохранения – 223.

– Доводилось ли Вам встречать людей, которые бы покались в том, что осуществляли репрессии? Или хотя бы видеть документы об этом?

– Нет, не доводилось. Думаю, что большинство из них так и не раскаялись. «Валили» вину на Сталина, на «политическую линию», друг на друга.

Думаю, что это теперь не столь актуально. Важно другое: извлечь из трагедии тех лет соответствующие уроки. Но этого не произошло. Так называемые реформы девяностых годов прошлого столетия вновь ввергли страну в разор, привели миллионы людей к моральной и нравственной деградации.

Наша многотомная серия – это письменный памятник пострадавшим от политических репрессий. С открытием в 2010 году на площади Свободы в Барнауле увековечена память об этих жертвах в виде обелиска, где им могут поклониться потомки.

ЮДИНЫ – ФАМИЛИЯ МИРОВАЯ

Как-то вечером Борька обнаружил на полатах отчего дома тёмно-серую, туго набитую чем-то папку. Любопытство взяло верх, он с трудом развязал тесёмки, и обнаружил в ней необычные конверты. Оказалось, что письма адресовались отцу. Но пришли они почему-то из-за рубежа, из Китая. В конвертах лежали желтоватые, порченные сыростью и временем письма и большая фотография. На ней ясно читалась надпись карандашом: «Брату Николаю от брата Степана на память». Почтовые штемпели свидетельствовали, что письма отправлялись не так давно из-под китайского города Урумчи. Чаще всего их писал отцу его старший брат дядя Вася.

Смешанные чувства радости и тревоги обуревали Борьку. Оказывается, у него есть не только этот драчливый брат Пашка, но и много-много других сродных братьев, сестёр, а также дядьёв, тёток и даже дед Митрофан. Причём, проживают они не в соседних от Грязнухи деревнях, а далеко-далеко, среди чужих и незнакомых людей. Странно, что родственники живут в Китае, но пишут по-русски, носят ту же, что и он фамилию Юдин. Однако почему же тогда отец никогда даже не упоминал, что его отец Митрофан, а также его братья – дяди Степан, Василий, Андрей и их дети находятся за границей? Наверное, об этом не положено знать маленьким, 12-летним детям.

Борька вспомнил, как в прошлом году он также едва не попал впросак. К отцу ходил постригаться местный учитель физики Григорий Николаевич Стародубцев. Всякий раз с его приходом мальчик старался забиться куданибудь в угол дома – уж очень интересные разговоры вели два бывших зэка. Вот и в этот раз Борька занял место на печке, задёрнув за собой занавеску, слушал, как взрослые негромко говорят о какой-то реабилитации, о безвинных людях, которые почему-то оказались в тюрьмах и ссылке.

Он тоже родился в нарымской ссылке – в Никитском районе Томской области. Послевоенный мальчишка хорошо знал, что такое конвой, зона, гнус, голод. Отец, смолоду потерявший ногу, сапожничал, семья жила впроголодь, но всё же сводила концы с концами. Когда ему исполнилось

семь лет отца и мать отпустили из Никитского, и они переехали в Грязнуху, откуда отец был родом.

Мужики полусепотом говорили о том, что люди, оказывается, напрасно страдали из-за какого-то культа личности. У Борьки даже запершило от этой несправедливости в горле, и он негромко кашлянул. Шёпот пресёкся, минуту спустя отец громко, но с заметной тревогой спросил: «Сын, это ты?» «Я», – боязливо ответил мальчишка, ожидая получить сапожничьего шпандыря. В тот раз всё обошлось, только собеседники несколько раз просили его нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминать о том, что он слышал.

Как же поступить с письмами? Борька решил твёрдо сам написать дяде Василию письмо о том, что он учится уже в пятом классе, причём на «четыре» и «пять», и у него есть собака. Ещё он попросит, чтобы дядя Вася ответил лично ему, Борису Николаевичу Юдину. То-то пацаны умрут от зависти.

Так он и поступил. Однако в последний момент что-то его смутило, и мальчик решил как бы невзначай поговорить с отцом о зарубежной родне. Тот, кажется, даже немного побледнел и глухо сказал: «Я бы тебе не советовал этого делать». И всё же мальчик услышал в этих словах не запрет, а полунамёк, что он не возражает против отправки письма. Назавтра отец сам дал ему конверт и попросил только «держаться язык за зубами». Вскоре на имя Борьки пришёл долгожданный ответ. Оказывается, у дяди Васи есть сын Иван, почти его ровесник, с которым Борька и завёл оживлённую переписку. А верхом мальчишеской радости была посылка. Они с братом Пашкой сами получили её у почтальонши, также впервые державшей в руках посылку из-за рубежа. В ней оказались два шикарных вельветовых костюма, лекарства для отца и письмо.

Через несколько лет, уже в конце 60-х годов, переписка едва не прекратилась. В Китае началась культурная революция, и русская колония Синьцзян-Уйгурского автономного района, бежавших сюда несколько десятилетий назад от российских большевиков, вновь вынуждена была покинуть теперь уже вторую родину.

Двоюродные братья писали Борису, что это сродни «второму потопу».

Юдиных разбросало по миру. Дядя Дмитрий, работавший шофёром в американском представительстве, женатый на американке, выехал с ней и двумя детьми в Сан-Франциско. Тётя Мария оказалась в Дании. Двум дочерям дяди Васи удалось возвратиться в СССР.

Наталья хитростью смогла попасть во Владивосток, вышла замуж, носит фамилию Пшеничных. Её сестра, также пожелавшая возвратиться

ся на родину предков, живёт в селе Токмак под Алма-Атой. А дедушка Митрофан с двумя сыновьями, шестью внуками, двумя внучками и их семьями искал счастье на далёкой чужбине. Китайские власти дали им трое суток на то, чтобы покинуть страну. Юдины, скрепя сердце, бросив всё нажитое, прибыли в Шанхай, где располагалось представительство ООН по защите прав беженцев. Оттуда попали сначала в Гонконг, где прожили около года. Затем осели в Австралии, там, близ Сиднея, и живут вот уже 40 лет.

Первая очная встреча Николая – отца Бориса, с братом Василием состоялась в 1978 году, спустя 48 лет после расставания. Василий с женой Клавдией приобрели туристическую путевку с посещением Новой Зеландии, Сингапура, Эмиратов, Святой Земли, Японии и Советского Союза. Сноха привезла Николая Митрофановича в Киргизию, где обитали Юдины перед тем, как оказаться в Китае, и где также оставались родственники. Сколько было воспоминаний, слез, долгих бесед!

... Прапрадед Бориса – Максим Юдин пришёл в Сибирь «из Расеи» в конце 70-х годов XIX века. С ним были холостые сыновья – Никита, Яков, Григорий, Меркулий и Николай. Осели в Грязнухе (так до 60-х годов двадцатого века назывался нынешний райцентр Советское). Община выделила им земли под Сетовкой.

Нанялись крестьяне батрачить у крепкого мужика Опёнышева. За год справили коня, сани, сбрую, поставили избёнку, перевезли семью. На следующий год сладили избу и женили Меркулия. Так постепенно прижились Юдины в алтайских предгорьях. Прадед Николай имел семью в 22 человека. Ежедневно в страду запрягалось семь лошадей. Его бревенчатый дом и сегодня стоит близ моста.

Потомкам досталось крепкое хозяйство: кузня, столярня, сапожничья, самодельная молотилка. Спустя десять лет после прихода большевиков всё нажитое пошло прахом – семью арестовали и выслали в Кузбасс. Однако через два года Юдины снова оказались в Грязнухе. В 30-м снова собрались раскулачивать. Спасло то, что пьяный уполномоченный болтанул кому-то в селе о грядущем аресте Юдиных. В одну ночь семья исчезла из села. Остался только Николай – отец Бориса, у которого была увечная нога. Однако это обстоятельство не помешало отправить его на долгие годы в Нарым. А остальные Юдины оказались в подмосковных Люберцах на каком-то заводе, прославились там изобретательством. Но и там покоя не было: дозналось НКВД, что они «кулаки». Снова побег. На этот раз остановились в далёком киргизском ауле, где коллективизацию почему-то не проводили. И всё же пришлось покидать и эту глухомань – дознались чекисты, кто такие Юдины. Так и оказались в Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Борис многие годы поддерживает переписку с родственниками. В 1991 году по вызову съездил в Австралию. Поразило то, что зарубежные Юдины свято хранят русские традиции, очень набожны, обязательно посещают мероприятия, которые проводит русская община, насчитывающая до 15 процентов населения страны. Приезжают в Австралию и его родственники из других стран. Например, подробно писал Иван о приезде из США двоюродного брата Николая – сына дяди Дмитрия. Ему довелось участвовать во вьетнамской войне. После окончания службы окончил университет, стал известным в Америке юристом – участвовал в расследовании убийства Джона Кеннеди. Вот, как описал встречу Иван: за столом собралась вся родня. Помолились. Слово взял дед Митрофан, предложивший выпить по стакану русской водки за встречу. Николай внезапно стал отказываться. Тем не менее, его заставили выпить. Спустя 15 минут он почувствовал себя плохо, и дед попросил унести его в спальню. После того, как тот выспался, дед Митрофан сурово упрекал внука в том, что тот забывает русские корни, плохо знает русский язык, выказывает пренебрежение русским традициям. Словом, за дни посещения родственников американец Николай Юдин

усвоил, что он – русский человек. Дед Митрофан, как писал Иван, «вытер Кольке соплю». Неоднократно бывали австралийские родственники и в селе Советском. Например, дядя Василий приезжал четыре раза. Привёз вместе с племянником надгробную плиту из чёрного полированного габбро на фамильную могилу предков.

... Судьба распорядилась так, что эта крепкая семья оказалась разброшенной по миру. Однако, независимо от гражданства и места проживания, Юдины были, есть и будут русскими людьми!

ЭВАКУАЦИЯ ВО СПАСЕНИЕ

Алтайский край в годы войны стал вторым домом для переселённых сюда людей

Зловещее слово «эвакуация» переводится с латинского «evacuare», как «опоражнить». Хотя современные словари истолковывают это понятие, как вывоз людей, учреждений и имущества в относительно безопасное место. Таким для эвакуированных представлялся в период Великой Отечественной тыловой Алтай.

1. Переселенческие волны

Когда говорят об эвакуации, сразу же вспоминают о сотне перемещённых на Алтай в годы войны заводов. Но и об этой колоссальной деятельности молвится по шаблону: в неимоверно тяжёлых условиях, преодолевая трудности, работали, создав на крае целые отрасли промышленности. Это, безусловно, так. Однако в рассказах об эвакуационной эпопее многого не достаёт...

Таких волн перемещения людей Алтай никогда не знал. Ни в пору старожильческого заселения, ни в годы столыпинской реформы, ни позже – в эвакуацию периода Первой мировой войны, в эпоху коллективизации или освоения целины. На фронт ушли свыше полумиллиона человек. Им на смену устремились потоки беженцев из европейской части страны. А также те, кто перемещался принудительно: депортированные, спецпоселенцы, административно высланные, заключённые, пациенты госпиталей и воспитанники детских домов, подлежащие так называемой трудовой мо-

билизации, члены стройколонн, репатрианты из побеждённой Германии, иностранные и бывшие советские военнопленные и так далее.

Василий Емельянов, эвакуированный в Барнаул в качестве исполняющего обязанности председателя Всесоюзного комитета стандартов при Совнаркоме СССР, о котором в данном документальном цикле ещё будет разговор, вспоминал, что в канун войны на заседании правительства обсуждался план форсированного строительства в Сибири большого числа заводов, преимущественно военных. Однако «вождь народов» заявил разработчикам этого грандиозного проекта: «Вы подготовили нереальный план. Для того чтобы выполнить этот план, который Вы намечаете, нам надо на 20 или 30 миллионов человек увеличить население в Сибири... Надо или в чудо верить, или перемещать огромные массы людей в Сибирь...»

Но, нет худа без добра. Только с июля по ноябрь 1941 года в восточные районы страны было эвакуировано до семи миллионов рабочих, служащих и членов их семей, а всего за годы войны, по разным данным, от 17 до 25 миллионов человек. Нужды фронта и военные действия противника вынудили переместить огромные массы людей из так называемых угрожающих районов туда, где можно было наладить производство необходимой для продолжения войны продукции, не опасаясь нападения фашистов. В итоге новые адреса обрели свыше двух с половиной тысяч промышленных пред-

приятий, для чего понадобилось более полутора миллионов вагонов.

Ещё до начала войны в Алтайском крае оказалось свыше 20 тысяч так называемых граждан инонациональностей из Мурманской области и бывшей территории Финляндии, а также представителей «антисоветского элемента» и «осадников», выселенных из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины

*Пациенты барнаульского госпиталя № 1509.
Из фондов АГКМ.*

и Белоруссии, «неблагонадёжные» китайцы, поляки, греки, корейцы и так далее. Вслед за ними были депортированы (от латинского *deportatio* – изгнание, ссылка) 95 тысяч человек из автономной республики немцев Поволжья, 25 тысяч – из Калмыкии, тысячи граждан из республик Кавказа и других регионов страны. К марту 1942 года на Алтай прибыло ещё более 78 тысяч эвакуированных трудоспособных граждан из других регионов страны – нередко с детьми и стариками.

Долгий путь в неизвестность

Почему-то большинство оставивших воспоминания о переброске на Алтай, упоминают товарные вагоны. В них ехали даже сотрудники правительственной структуры – Комитета по стандартам при Совнаркоме СССР. Его руководитель Василий Емельянов отмечал: «В вагонах-теплушках без туалета и воды, с женщинами и детьми мы испытывали огромные затруднения и неудобства. Тем более что большинство сотрудников комитета в прошлом никогда не ездили в таких условиях даже на короткие расстояния, а теперь совершали весьма длинный путь – на тысячи километров. Начальник эшелона инженер Чинарёв сбился с ног. Его осаждали вопросами, просьбами, часто наивными и несурзными...

В вагоне можно было по-настоящему узнать людей. Так, как никогда не узнаешь, встречаясь только на работе, в условиях мирной жизни. Те, о ко-

Плакаты времён войны.

торых сложилось представление как о сухих, замкнутых, ушедших в себя, оказались отзывчивыми и удивительно внимательными, но вдруг «выявились» и эгоисты. Правда, таких было совсем немного».

«Ехали в вагоне-скотовозе. Никаких полок для сна не было. Кормить стали только на четвертые сутки. Кормили пустой баландой. Ехали более двух недель. Ехали со страхом», – вспоминал Гельмут Дизендорф, депортированный из Поволжья в Новичиху.

Как отмечала польская выселенка Ольга Хребтович-Бутеневич, брать с собой разрешалось до ста килограммов веса. Правда, большинство продуктов питания съели ещё в пути, да и часть вещей обменяли на них. В вагоне была железная печка, нары в три этажа, вещи складывались у задней стены. Серьёзную проблему в пути представляло отсутствие элементарных гигиенических удобств.

А Вера Каргашевская, сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии – одного из учреждений Комитета мер и приборов при Совнаркоме СССР, эвакуированного в Барнаул, вспоминала, что «во время длинного пути ярким воспоминанием осталась совершенно удивительная по чёткости, слаженности, бесперебойности организация снабжения многотысячного эвакуируемого населения. На узловых станциях, обычно два раза в сутки, не более чем за 1-2 часа остановки каждого поезда, осуществлялась раздача горячей и сухой пищи для всего состава. Когда этот состав трогался, подходил следующий. Удивления и благодарности достойны организационный талант и великолепный труд людей, обеспечивших это дело».

Сибиряки – лучшие русские?

Прибытие тысяч эвакуированных обострило и без того имевшиеся в Алтайском крае проблемы: жилищный кризис, санитарно-эпидемиологическую ситуацию и социальную обстановку. Хотя, как правило, размещение вновь прибывших требовало минимума затрат для того, чтобы помочь обосноваться на новом месте и создать инфраструктуру.

По свидетельству историка Владимира Бруля, автора исследования «Немцы в Западной Сибири», посвящённого депортации немцев на Алтай, «средств, выделенных правительством для этих целей (3,5 миллиона рублей, 1680 тонн муки, 60 тонн сахара, 3500 пар обуви и т.п.), явно не хватало».

Невольники довольствовались нарами в бараке, эвакуированные были рады койко-месту на подселении в стеснённых избах и квартирах местных жителей или в наспех сооружённых бараках и землянках. И те, и другие

питались, одевались и обувались крайне скудно, обходились чашкой баланды, фуфайкой да старыми ботинками.

Нелегко было всем, но, вероятно, хуже всех доставалось депортированным.

Этих людей зачастую высаживали в голой степи, бросали на произвол судьбы. Часть местного руководства и населения подчас рассматривали спецпереселенцев как непрошенных «нахлебников», отказывались размещать, предоставлять работу, а, следовательно, и получать пищевой паёк, обрекая прибывших на голодную смерть.

По воспоминаниям старожилов, несколько десятков калмыцких семей, например, разместили в окрестностях села Бобково Рубцовского района. Калмыки жили в землянках, следы которых видны до сих пор. Несмотря на то, что местные жители носили им еду, многие из них умерли от холода и голода. Трагедия калмыков заключается и в том, что их насильно оторвали от привычного уклада жизни – кочевого скотоводства, а ничего другого многие из них делать не умели.

В книге «Зональный район: история, люди и судьбы» приводятся сведения о том, что калмыки хоронили мёртвых в снегу.

И, тем не менее, вспоминая жизнь своего народа в Сибири, народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов называл сибиряков лучшими русскими, щедрейшими в мире, делившимися с депортированными и судьбу, и хлеб.

В стеснённых условиях

Гильда Гауэрт, репатрированная в Советский Союз из Германии в числе 200 тысяч советских немцев, оказавшихся в зоне оккупации, вспоминала: «В декабре 1945 года нас привезли на станцию Кулунда Алтайского края. Жуткой была встреча с местными жителями. Несколько фронтовиков кричали, что они таких убивали на фронте, а теперь их привезли сюда, пытались бить нас. Никто не брал нас на квартиру, несмотря на угрозы работников НКВД. У тёти был 9-месячный ребенок, её пустили до утра. Потом нас поселили на старом аэродроме в доме без окон и дверей».

Давид Кугультинов на всю жизнь сохранил благодарность к жителям Алтая, приютившим калмыков.

В годы войны население, например, города Рубцовска выросло вдвое. Острейшая жилищная проблема подталкивала власть к принятию болезненных, непродуманных решений.

4 сентября 1942 года по решению крайисполкома были утверждены к выселению из Барнаула 20 тысяч жителей – каждый седьмой горожанин. Предполагалось, что их жилплощадь должны занять работники оборонных заводов, эвакуированных их европейской части страны. Барнаульцы должны были переселиться в десяток сельских районов. Им разрешалось брать с собой только 70 килограммов груза, в том числе 40 – продуктов. Кроме того, в решении ничего не говорилось, что делать с домашними животными, которыми владели многие горожане. Как, впрочем, и о кадках с капустой и солёными огурцами.

Народ, как мог, сопротивлялся этой операции. На 2-й Алтайской улице (ныне Чкалова) после насильственного выселения несколько семей подошли к своим домам, на 3-й Алтайской (улица Кирова) – избивали милиционера. Было также отмечено несколько случаев самоубийств.

В городе появились листовки. Капитан РККА по фамилии Евсеев, проживавший на квартире у гражданина Лошадикина, заявил, что «я буду занимать всю площадь, выставлю своих людей, объявлю войну всем, кто попытается меня побеспокоить».

А тут ещё стало известно, что среди эвакуированных из Днепропетровска, Киева, Харькова и Москвы оказалось много евреев. В городе появились листовки антисемитского содержания. Например, 16 сентября на стене водонапорной будки на улице Интернациональной. Её смысл был таков: там выгоняет немец, а здесь – евреи.

В итоге из намеченных к выселению 1673 семей удалось выселить только 400, из них 35 – добровольно. Всего, как подчеркивалось в спецдонесении краевого управления НКВД первому секретарю крайкома партии Вячеславу Лобкову, было освобождено 1018 комнат.

И всё равно, в 1945 году на каждого жителя Барнаула приходилось в среднем всего лишь по 2,08 квадратных метра жилой площади.

Однако большинство эвакуированных с благодарностью вспоминали святое гостеприимство сибиряков, деливших с ними последним куском хлеба.

На пайковом довольствии

В годы войны резко выросли цены. Они различались на рыночные, и так называемые пайковые. По сравнению с 1940 годом к 1943-му рыночные цены возросли в 15 раз и превышали уровень пайковых в 20 раз. В 1944

году килограмм говядины на базаре стоил около 150 рублей, масла – 600 рублей, литр молока – 50 рублей. Деньги обесценились, а вместе с этим теряли значение зарплата и пособия, составлявшие у разных категорий сумму в несколько сотен, редко – тысяч рублей. Если учесть, что из-за инфляции булка хлеба тогда стоила на рынке 200 рублей, а животное масло – 300 рублей, то это были не ахти какие деньги. Но многие вовсе не видели заработанного, потому что деньги либо попросту не выдавались, либо их перечисляли в различные фонды.

*Хлеб блокадного Ленинграда.
Из фондов музея школы № 83
краевого центра.*

«Зарплату не выдавали. Кормили в столовой», – вспоминал бывший рабочий Алтайского тракторного завода Николай Белозерский. – Но едой, которой кормили в столовой, нельзя было наесться».

Значительная часть населения, включая и эвакуированных, жила на пайковом довольствии. Нормы выдачи продуктов утверждались ежемесячно.

К примеру, в январе 1944 года на продовольственные карточки выдавали: рабочим и служащим – 200 граммов хлеба, 120 – муки, 100 граммов картофеля; иждивенцам – 100 граммов хлеба, 60 – муки и 300 граммов картофеля. Для работающих, выполнявших и перевыполнявших задания, предусматривались премиальные граммы. Ими бригадиры одаривали даже членов трудовых колонн – мужчин из Средней Азии и Кавказа, избежавших отправки на фронт из-за незнания русского языка, строивших Алтайский тракторный и другие заводы. А дюжина категорий номенклатуры обслуживались в те годы в закрытых распределителях, где нормы выдачи были значительно выше. Это – партийные активисты, военнослужащие, инвалиды, учителя, специалисты Госснаба и некоторых иных структур. В Змеиногорске, например, к закрытому распределителю было прикреплено 60 человек.

В статистических сборниках смерть от голода, по мнению алтайского писателя и публициста Владислава Козодоева, пряталась в графе «прочие причины». В 1943 году, как он утверждал, в эту графу попало 1350 человек.

Особенно трудной для населения Алтая была зима 1943-1944 года, поскольку накануне осенью край и пограничные территории Казахстана поразила сильная засуха.

Нарком внутренних дел Лаврентий Берия в докладной, направленной в Комитет обороны, так характеризовал ситуацию в Алтайском крае: «Вслед-

ствии значительного недорода в 1943 г. население ряда районов испытывает серьёзные продовольственные затруднения. Отмечаются случаи употребления в пищу падали, кошек, собак. В колхозе «Коминтерн» Хабаровского района колхозница Бабаева Анна, имеющая 4 детей, зарезала собаку и употребила мясо в пищу. В Карасукском районе (*который до 13 августа 1944 года был в составе Алтайского края, затем его включили в состав Новосибирской области – А.М.*) с начала 1944 г. умерло от истощения 73 человека».

Всё – по-честному!

Как позже вспоминала Наталья Пудовкина, «многие «ковыренные», как называли эвакуированных местные жители, погибли от голода. У нас шла настоящая борьба за жизнь».

В докладной записке управления НКВД по Алтаю, направленной в апреле 1943 года в крайком партии, сообщалось о том, что эвакуированные жёны начальствующего состава армии доведены до истощения физических и психических сил. В частности говорилось, что «в с. Усть-Калманка группа эвакуированных жён начсостава РККА в количестве 12 человек во главе с Голиковой явились в райисполком с требованием о выдаче им хлеба, при этом Голикова заявила: «Если вы не дадите хлеба, то мы вам наделаем здесь кое-что». Присутствовавшая здесь же Хайтович сказала: «Если хлеба не дадите, то я покончу жизнь самоубийством или убью своих детей».

Истощённые голодом люди становились лёгкой добычей болезней, эпидемий. Подчас в их распространении обвиняли эвакуированных.

На самом деле болезни вызывали непосильная работа, недостаточный сон, постоянное недоедание, употребление в пищу суррогатов, мякины, лебеды, грязных отходов, семян, карлыка, мяса павших животных, трав, в том числе и ядовитых.

К распространённым в таких ситуациях сыпному и брюшному тифу, энцефалиту, туберкулёзу прибавилась ещё и септическая ангина, вызываемая употреблением в пищу оставшегося на полях проросшего зерна, поражённого болезнетворным грибом. В 1943 году заболеваемость септической ангиной в Сибири по сравнению с 1941 годом возросла в 25 раз, а весной 1944 года – в 346 раз!

От голодной смерти во второй половине войны многих спасло разрешение сажать огородные культуры. Но для этого, как минимум, нужны были семена.

Депортированный Гельмут Дизендорф констатировал: «Весной, как только сошёл снег, в поле собирали оставшийся с осени мёрзлый карто-

фель, свёклу. Летом рвали лебеду, добавляя её в пищу. От лебеды опухали. Дров не давали, приходилось уходить в бор и собирать сухостой. Чтобы прокормиться, продавали последнее из одежды. Вещами, которые привезли с собой, также платили за жильё».

Кстати, семья Дизендорфов-Ерёминых сумела сохранить памятную вещь – бронзовую ступку, которая служила ещё их предкам. Поньше её используют для измельчения сухарей, круп, зерна, орехов и других продуктов. Она пережила долгий путь в депортацию на Алтай, пожар в Новичихе, когда сгорели многие вещи. А ещё ступка спасла семью от голода: когда нечего было кушать, Гельмут закладывал её за муку у соседа.

Рубцовчанин Климентий Севастьянов вспомнил прежде неизвестные факты: «Помогала гуманитарная помощь из Америки. В основном это была одежда. Она была непривычной для наших людей. Сам я получил «чуни». Одежду, прямо на железнодорожной станции, распределял начальник. Ещё американцы высылали в больших количествах яичный порошок, из которого делали омлет. Вещи распределяли по-честному. Начальники не делали особых привилегий никому, никаких скандальных случаев или особых нарушений тоже не было».

Пребывание добровольных и вынужденных переселенцев на Алтае можно оценивать по-разному. С одной стороны, налицо положительное влияние приезда большого числа людей, среди которых было немало квалифицированных работников. Благодаря, в том числе и их труду, предприятия края стали давать продукции в несколько раз больше, чем в довоенный

период. Этому способствовали сверхинтенсификация труда, экономия и без того скудных ресурсов, и, конечно, инициатива людей, горячее желание приблизить победу.

...Парадокс многих войн состоит в том, что они способствуют созданию того, для чего в обычное время потребовались бы десятки лет. По сути дела, благодаря эвакуации Алтай стал не только крупным промышленным регионом, но и научным, управленческим центром, местом спасения многих известных людей.

Многие заводы Барнаула на проспектах Калинина и Космонавтов выросли именно в годы войны.

II. Учебные заведения военной поры

Принято считать, что в годы войны на Алтай было эвакуировано шесть вузов. Я утверждаю, что эта цифра неточна.

С учётом их размещения в Ойротии (ныне Республика Алтай, до 1991 года входившая в статусе автономной области в состав Алтайского края), а также военных учебных заведений и филиалов, насчитывается почти два десятка вузов, несколько средних специальных учреждений, которые в трудной обстановке военного периода вели подготовку специалистов для народного хозяйства и фронта.

С педагогическим уклоном

До самого начала войны в крае не было ни одного высшего учебного заведения. В Барнаульском учительском институте с апреля 1933 года, и в одноименном Бийском с 1939 года велась подготовка педагогов по двухлетней программе, выпускники получали неполное высшее образование, которое давало право преподавания в семилетней школе. И даже с открытием 21 июня 1941 года, за день до начала войны, на базе учительского Барнаульского пединститута с четырёхлетним сроком обучения, статус его выпускников не изменился.

Оба вуза представляли из себя одно и то же учреждение, поскольку и там и там работали одни и те же преподаватели. Среди них были один-два кандидата наук и доцента, а некоторые педагоги сами не имели высшего образования.

Уже летом 1941 года руководство края приняло решение о переводе институтов, готовивших учителей, из Барнаула в Камень-на-Оби. Их разместили в бывшей 10-й школе. Занятия для 31 студента начались лишь 15 ноября 1941 года. Они жили в деревянных домах с печным отоплением, воду вёдрами носили из Оби.

Резэвакуация педвуза в Барнаул произошла лишь в августе-сентябре 1944 года. Он получил в своё распоряжение здание бывшего госпиталя на улице Крупской.

Всего же в связи с оккупацией части территории СССР прекратили своё существование 88 педагогических и учительских институтов, 19 эвакуированы вглубь страны.

В числе последних был и коллектив Московского педагогического института имени Карла Либкнехта, перебравшийся в город Ойрот-Тура, нынешний Горно-Алтайск, административный центр Республики Алтай.

Кроме подготовки специалистов по истории, литературе, химии, математике и физике, здесь, по ходатайству местных властей, в 1942 году создали отделение алтайского языка и литературы для подготовки учителей из коренного населения. Для автономной области, имевшей 26 средних школ и ни одного учителя с высшим образованием, подготовка местных педагогов имели исключительно важное значение.

Аза Тахо-Годи, будущая жена академика Алексея Лосева, обучавшаяся в эвакуированном на Алтай институте, вспоминает о заместителе директора вуза Ионисиани: «В эвакуации на благословенном Алтае он набрал в Институт первоклассных профессоров. Например, профессор А. Зильберман – физик, профессор А. Лопшиц – математик, профессора В. Семёнов и С. Кан – историки, профессор Б. Грифцов – литературовед, профессор И. Голонов (бывший лагерник) – русист, профессор В. Спицын – химик, в будущем академик, молодой тогда Н. Баскаков – известный тюрколог, неразлучные Л. Крестова и В. Кузьмина – литературоведы, профессор Р. Кабо, географ, чья дочь Люба стала известной писательницей, и многие, многие другие».

Прибывшие в эвакуацию учёные активно включались в жизнь края. К примеру, в газете «Алтайская правда» за 11 января 1942 года, сообщалось, что «учёный совет государственного педагогического института имени К. Либкнехта принял решение о проведении исследовательских работ по изучению Ойротии. Намеченные темы охватят вопросы истории, литературы, искусства, культуры, просвещения, а также географии. Будут исследованы производительные силы области, проведен химический анализ пород, изучен режим рек, использование гидросооружений и т.д.»

После реэвакуации Московский институт имени Либкнехта оставил почти восемь тысяч различных книг, благодаря чему, библиотека Горно-Алтайского государственного пединститута, а теперь – университета, является обладателем фонда редкой книги XVIII–начала XX веков.

Из Запорожья на юг Сибири

Богатая научно-техническая библиотека прибыла в Барнаул и с эвакуированным Запорожским институтом сельскохозяйственного машиностроения имени Чубаря, ныне это – Запорожский национальный технический университет.

По словам Раисы Кучерук, заместителя директора вузовской библиотеки, до августа 1941 года книжный фонд составлял 75 тысяч экземпляров. Но к середине 1945 года их осталось лишь 30 тысяч – часть фонда была

Главный корпус Алтайского государственного технического университета.

передана в дар Алтайскому институту сельскохозяйственного машиностроения.

В Барнауле Запорожский институт сельскохозяйственного машиностроения оказался в конце 1941 года. Эвакуация проходила под бомбёжкой, из институтского оборудования удалось вывезти немного. Небольшой коллектив во главе с Леонидом Исаковым, первым директором первого технического вуза на Алтае, возобновил учебные занятия уже 23 февраля 1942 года, а дата выпуска первых 13 инженеров – май 1943-го.

Газета «Алтайская правда» писала в те дни: «Барнаульский машиностроительный институт может стать и станет подлинной кузницей инженерных кадров, дающей Родине полноценных командиров-организаторов производства».

В декабре 1943 года решением Государственного комитета обороны СССР на базе Запорожского машиностроительного института был организован Алтай-

Дунькина роща, на месте которой размещён городок АлтГТУ. Фото 1940 года.

ский машиностроительный институт, в августе 1947 года его преобразовали в институт сельскохозяйственного машиностроения, а с 20 мая 1959 до декабря 1992 года он назывался Алтайским политехническим институтом.

К концу войны будущий «политех» состоял всего из двух факультетов: автотракторного и механико-технологического, на которых 47 штатных преподавателей обучали 447 студентов. Занятия проводились преимущественно в бараках, у студентов появилось собственное общежитие, у преподавателей – дом и помещения для лабораторий и кабинетов.

Бамбуковая роша

Большинство отраслей края уже накануне войны испытывали острый голод в высококвалифицированных специалистах. Если крупных промышленных предприятий, за исключением меланжевого комбината, здесь попросту не было, то колхозам и совхозам нужны были агрономы, механики, зоотехники и ветеринары. Парадоксально, но только с началом мировой бойни их подготовка стала возможной и на Алтае.

3-е декабря 1943 года считается датой основания Алтайского сельскохозяйственного института, который с ноября 1991 года обрёл статус аграрного университета. Также принято считать, что он создан на базе эвакуированного из-под Ленинграда Пушкинского сельхозинститута.

Хотя, если быть точным, среди оставшихся на Алтае учёных были и сотрудники других ленинградских сельхозинститутов (к примеру, большая часть коллектива Ленинградского института механизации сельского хозяйства около двух лет жила и работала в Бийске), а также Воронежского, Саратовского и других вузов европейской части СССР.

Пушкинский сельхозинститут являлся ведущим профильным вузом в СССР и имел весьма богатую историю. Ещё в 1797 году в бывшем Царском Селе, переименованном в советское время в город Пушкин, открыли первую в России земледельческую школу. В советский период созданный на её базе вуз несколько раз реорганизовывали.

Документы свидетельствуют, что первая группа эвакуированных из Ленинграда педагогов сельхозвузов прибыла в наш край в конце декабря 1941-начале января 1942 годов. По качеству профессорско-преподавательского состава Пушкинский сельхозинститут стал самым сильным в крае.

Но Барнаул к тому времени был переполнен эвакуированными людьми, прибывшими с запада вместе с предприятиями и учреждениями. Поэтому

*Один из корпусов Алтайского аграрного университета,
в котором вуз размещается с 1943 года.*

учёных перенаправили в райцентр Павловск, где разместили в малоприспособленных ветхих помещениях местного ветеринарного техникума.

Несмотря на неизбежные трудности военного времени, профессорско-преподавательский состав быстро возобновил учебные занятия, активно включился в изучение состояния дел в колхозах и совхозах и оказание им практической помощи.

К примеру, профессор П. Заев в выступлении на краевом совещании работников сельского хозяйства в Барнауле 20-23 марта 1942 года, говорил: «Мы попали в край, который блистал на Выставке достижений сельского хозяйства в Москве рекордами урожайности яровой пшеницы. По инициативе сидящего рядом со мной сейчас Михаила Ерофеевича Ефремова получены невиданные урожаи. Казалось, что по прошествии шести лет после ефремовских урожаев мы встретим высокие урожаи не только в них, но и во многих колхозах и совхозах. К сожалению, в Алтайском крае эти рекорды контрастируют с низкой урожайностью на огромных массивах колхозных и совхозных полей». Выступающий поставил вопросы о введении правильных севооборотов, сочетании техники МТС с тягловой силой колхозов, предложил ряд мер по подъёму сельскохозяйственного производства.

Наряду с проведением занятий сотрудники института собирали гербарии, образцы почвы, семена различных культур, готовили наглядные пособия, методические материалы. Силами сотрудников агрономических кафедр весной 1942 года в Павловске был заложен коллекционный питом-

ник сельхозкультур из семян, вывезенных из Ленинграда. Здесь, впервые на Алтае, а по некоторым данным и в Сибири, удалось получить урожай экзотических растений – бамбука и сахарного тростника.

Но продолжить уникальные опыты учёным не удалось, поскольку многие из них после освобождения Ленинграда возвратились домой, вуз из Павловска перевели в Барнаул и в декабре 1943 года образовали Алтайский сельскохозяйственный институт. В краевом центре, к сожалению, не было условий для организации питомника, и не нашлось фанатиков продолжения этой селекционно-опытной работы.

Для размещения АСХИ в Барнауле были выделены два больших старинных здания на Демидовской площади (улица Пушкина, 82 и проспект Красноармейский, 19), и дом на улице Льва Толстого, 33 под общежитие.

И на Алтае будут яблони цвести!

Два года, с осени 1942 до осени 1944 года, в Камне-на-Оби располагался в эвакуации Воронежский сельскохозяйственный институт. Вузу передали третье отделение пригородного молочного совхоза № 51, в котором было несколько тысяч гектаров земли, двести коров, много овец, свиней. Профессора П. Карпенко, П. Першин и В. Квасников работу в вузе совмещали с исполнением обязанностей заместителей председателей колхозов. Комиссия под председательством доктора технических наук профессора А. Петрусова в октябре-ноябре 1943 года изучавшая деятельность колхозов, совхозов и МТС края, отмечала, что наряду с полным прекращением поставок новой техники, запчастей и перебоями в снабжении нефтепродуктами большим сдерживающим фактором эффективной работы МТС и всего сельского хозяйства Алтая являлось отсутствие достаточного опыта и образования у руководителей и специалистов. Так, например, из 192 директоров МТС лишь 47 человек имели среднее образование, остальные – только начальное или незаконченное среднее.

Необычную специализацию имел эвакуированный в конце 1941 года из Тамбовской области в Ойрот-Туру Мичуринский научно-исследовательский институт плодоводства, ныне – государственный аграрный университет. В составе коллектива приехали и потомки знаменитого селекционера Ивана Мичурина, о которых пойдёт речь позже. НИИ перепрофилировали в учебное заведение и разместили в зданиях местного сельхозтехникума и на территории плодово-ягодного питомника, который был филиалом этого института. Позже данный опытный пункт возглавил будущий академик

ВАСХНИЛ Михаил Лисавенко, который переместил его в Барнаул, и преобразовал в НИИ садоводства Сибири, носящий ныне его имя. Так на Алтае возникла целая отрасль. Многие культуры, благодаря селекционерам, хорошо акклиматизировались в Сибири, садоводы научились не только выращивать их, но и изготавливать из плодов варенье, джем, мармелад, диетические соки, вина и наливки.

«Алтайская правда» 26 июля 1942 года сообщала, что «Институт имени Мичурина, эвакуированный в Ойрот-Туру, выпустил 45 агрономов-плодоовощеводов. Новые специалисты сельского хозяйства направляются на работу в восточные области. 10 человек будут работать в земельных органах, МТС, совхозах Алтайского края. За время войны институт выпустил 130 специалистов сельского хозяйства».

Специалисты для мирной жизни

В государственном архиве Алтайского края хранится решение крайисполкома, датированное маем 1943 года, об открытии в Барнауле медицинского института с сохранением контингента эвакуированного Астраханского мединститута.

Между прочим, ещё в 1939 году директор этого вуза профессор Александр Аминев разработал и внедрил в практическую медицину лапароскопические исследования, получившие широкое распространение в России лишь в конце XX века. Сейчас именно этот современный метод хирургии применяется во время операций на внутренних органах, путем проведения инструментов через небольшие (обычно 0,5-1,5 сантиметра) отверстия, в то время как при традиционной хирургии требуются большие разрезы.

Астраханский медицинский институт в составе лечебного и педиатрического факультетов прибыл в Барнаул с оборудованием и квалифицированным профессорско-преподавательским составом, и работал с коллегами из Ленинградского педиатрического института. Вуз размещался в здании 41-й школы, госпиталях и клиниках города.

Увы, Алтайский мединститут в годы войны так и не закрепился. Он появился лишь в 1954 году. Профессора и преподаватели из Астрахани и Ленинграда в конце 1943 и начале 1944 года возвратились домой.

Тем не менее только в 1943 году в действующую армию были направлены 1317 медицинских сестёр и тысячи сандружинниц, окончивших краткосрочные курсы на Алтае, в которых преподавали эвакуированные врачи.

Ещё несколько вузов и их филиалов, нашедших приют в эвакуации на Алтае, также не смогли здесь закрепиться.

Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ), ныне – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, был основан 9 мая 1832 года указом императора Николая I как Училище гражданских инженеров при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. Затем это заведение именовалось Институтом гражданских инженеров, творчество воспитанников которого во многом определило архитектурный облик Санкт-Петербурга рубежа XIX-XX веков. С февраля 1943 до августа 1944 года 250 преподавателей этого вуза работали в Барнауле.

Схожая судьба в годы войны была у части коллектива Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, в марте 1942 года эвакуированного в административный центр Алтая. Учёные трудились здесь до 1945 года.

В начале августа 1942 года в Бийск эвакуировали Воронежский институт пищевой промышленности, сейчас это – государственная технологическая академия. На новом месте, в посёлке Бийского сахарного завода, учебный год начался в положенный срок. А через год, 1 ноября 1943 года в Воронеже приступили к занятиям 220 человек, в том числе 150 первокурсников.

В Барнауле также функционировал филиал Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта имени Дзержинского. В номере «Алтайской правды» за 9 апреля 1943 года я обнаружил объявление о продолжении приёма студентов на факультет инженеров путей сообщений – механиков и энергетиков. Головной офис вуза располагался в ту пору в Томске, а филиал института находился в барнаульской железнодорожной школе № 105.

В годы войны в крае были открыты машиностроительный и сельскохозяйственный институты, десять фабрично-заводских училищ.

Продолжали действовать существовавшие прежде и вновь созданные средние специальные учебные заведения. Например, текстильный в Барнауле, лесохимический в Бийске, Ойрот-Туринский сельскохозяйственный...

Педагогические училища в 1943-1944 учебном году располагались по адресам в Бийске, Славгороде, Ойрот-Туре и Веселоярске Рубцовского района. Барнаульское педучилище было переведено в Камень-на-Оби, поскольку занимаемое им здание отдали под эвакогоспиталь.

Барнаульский строительный колледж возник в 1944 году на базе эвакуированного сюда двумя годами раньше Ленинградского архитектурно-строительного техникума. Он готовил специалистов по промышленному и гражданскому строительству, отоплению, вентиляции, водоснабжению и канализации, механизации строительных работ. Техникум располагался на Жилплощадке, на первом этаже здания бывшей школа № 37.

Для нужд фронта

Конечно же, нельзя не сказать об учебных заведениях, готовивших командиров для фронта и военных специалистов. По сведениям, которые мне удалось обнаружить в краевом госархиве и в Интернете, на Алтае в годы войны действовало пять высших военных учебных заведений. Это – Барнаульское и Рубцовское военно-пехотные училища, Лепельское артиллерийско-миномётное, располагавшееся в краевом центре, военно-инженерное училище, эвакуированное из Мичуринска в Бийск и Таллинское пехотное училище, размещавшееся в Славгороде. По опубликованным данным, скорее всего, неполным, в этих училищах было подготовлено около 42 тысяч офицеров и курсантов.

Наиболее известное из них – Лепельское артиллерийско-миномётное училище, на основании приказа Наркомата обороны от 3 сентября 1941 года, переименованное в миномётное.

Белорусский городок Лепель, в котором прежде дислоцировалось артиллерийский вуз, защищал курсантский полк, который с 26 июня по 12 июля 1941 года находился в составе действующей армии. Но 3 июля гарнизон под натиском противника вынужден был оставить позиции, в конце июля

Командиры и курсанты.

уцелевшие курсанты прибыли на Алтай. Их разместили в военном городке на улице Партизанской, там, где сейчас располагается Барнаульский юридический институт МВД.

За годы войны училище подгото-

вило 6774 офицера, которые воевали на всех фронтах великой войны. Из его личного состава была сформирована 148-я курсантская бригада. Несколько выпускников стали Героями Советского Союза – Семён Сельский, Михаил Сурошников, Леонид Тихмянов, Павел Трунов и Иван Баринов (посмертно).

Бывший курсант Леон Ниссельбаум в документальной книге «Фото на память», вспоминал, что в училище «жили мы в тёплых казармах и кормили нас очень хорошо». Его коллега Иван Козлов отмечал, что «после шести месяцев учебы мне присвоили звание лейтенант», после чего направили в действующую армию. Занятия проводились по углубленной, но и ускоренной программе. Тем не менее курсанты находили время для изучения воинских уставов, строевой и физической подготовки, патрулирования города и заготовки сена для лошадей.

Поньше на окраине Барнаула между посёлками Новосиликатный и Власиха на бывшем полигоне Лепельского училища обнаруживают стреляные и нестреляные снаряды.

Кроме высших военных вузов в Алтайский край эвакуировались и действовали средние специальные военные школы. К примеру, Балашовская военная авиационная школа размещалась в Славгороде и Бурле, где почти до самого окончания Великой Отечественной войны готовились лётчики на самолёт ИЛ-2. Подобную авиашколу развёрнули и в городе Ойрот-Тура.

На Алтай эвакуировалось также две снайперских школы.

Здесь же оказались и несколько артиллерийских специальных школ. Четвёртая из Москвы была перемещена в Бийск, седьмая и восьмая – из Ленинграда в сёла Троицкое и Тогул соответственно. Их выпускников нередко направляли для продолжения образования в Лепельское миномётное училище, откуда они, пройдя ускоренный курс обучения (3-6 месяцев вместо двух лет), попадали на фронт в офицерском звании.

III. Пункт назначения – Барнаул

Почему-то то, что в эвакуации в Барнауле находилось несколько солидных правительственных ведомств до сего дня оставалось неизвестной страницей войны

Ещё в середине июля 1941 года в Барнаул был эвакуирован комитет по делам мер и измерительных приборов при Совнаркоме СССР во главе с председателем Алексеем Кузнецовым. В административном центре Алтайского края, как и в Свердловске, Новосибирске, Томске, Казани, Кирове был создан

крупный метрологический и поверочный центр. Сюда же удалось вывезти лаборатории вместе с государственными эталонами и уникальным оборудованием. Перемещённым центрам предстояло решать задачи метрологического обеспечения перебазируемых на восток страны предприятий.

Но враг всё ближе подходил к столице. 15 октября остававшимся в Москве наркоматам было предписано немедленно покинуть город. Следующий день, как известно, стал самым кошмарным в истории столицы: массовая эвакуация правительственных учреждений рядовыми москвичами была воспринята как бегство, сдача города врагу. Началась паника, мародерство, остановить которые удалось только жёсткими мерами.

В Куйбышев (ныне Самара), ставший «дублёром» столицы, были перемещены Совнарком, Президиум Верховного Совета СССР, наркоматы, часть аппаратов ЦК ВКП(б), и ЦК ВЛКСМ, исполком Коминтерна, дипломатические миссии зарубежных государств. В Ульяновск эвакуировали наркомат юстиции и Верховный суд СССР, в Горький (сейчас Нижний Новгород) – наркомат финансов, в Омск – наркоматы мясомолочной промышленности СССР и РСФСР, земледелия СССР и РСФСР.

В Барнаул предписано было отбыть ещё одному Всесоюзному комитету – по стандартам (ВКС), подразделениям других правительственных ведомств. Например, вместе с ВКС Барнаул прибыл и коллектив издательства «Стандартгиз», а с комитетом по делам мер и измерительных приборов (ВКМИП) – редакция журнала «Метрология и поверочное дело», главным редактором которого был председатель комитета Кузнецов. Здесь же разместили, к примеру, и существенную часть Государственного архивного фонда (ГАФ) СССР.

Эвакуированные на Алтай комитеты были родственными. Недаром, позже их объединили в единую управленческую структуру.

Василий Емельянов, заместитель, первый заместитель, а затем и председатель Всесоюзного комитета стандартов при Совнаркоме СССР оставил воспоминания, в том числе и о работе в эвакуации в книге «С чего начиналось».

Вот что он пишет о днях, предшествующих отъезду из Москвы. «Нужно будет собрать по Москве семьи всех сотрудников комитета и вывезти несколько сот человек. А среди них – старики и старухи, женщины и дети... В комитете шла полным ходом работа – в каждой комнате отбирали необходимые для работы документы и упаковывали их в фанерные ящики или в мешки. В комнатах полный беспорядок. Открытые дверцы пустых шкафов, столы с выдвинутыми ящиками, отодвинутые к стенке стулья и стопки свя-

занных бумаг, уложенных на полу...

В Новосибирске эшелон встречали наши квартирмейстеры. Они сообщили, что представители местных органов власти встретили их очень тепло, и на следующий день предложили несколько десятков комнат для сотрудников, а для размещения самого учреждения – одно из лучших зданий города,

бывшую когда-то резиденцию генерал-губернатора (*ныне здесь, по адресу пр. Ленина, 18, располагается администрация и дума Барнаула – А.М.*).

– Это самое лучшее здание в городе, – утверждали наши уполномоченные. – В последние годы оно было превращено во Дворец пионеров».

Особо уполномоченный

Вскоре после приезда в Барнаул секретарь крайкома партии Вячеслав Лобков сказал Василию Емельяновичу, что звонили из Государственного Комитета Обороны и просили быстро его разыскать. После того, как Емельянов связался с Москвой, ему сообщили о том, что «через несколько часов состоится решение Государственного Комитета Обороны о назначении вас уполномоченным ГКО по производству танков в Челябинске».

Юрий Емельянов – сын Василия Семёновича, историк и писатель, автор серии книг «Рождение и гибель цивилизаций», «Сталин: путь к власти», «Сталин: на вершине власти» и других, так вспоминал об этом времени: «После начала войны Комитет стандартов был эвакуирован в Барнаул, но отец недолго пробыл там. Моя мама, сестра и я, прожив в Барнауле два года, почти не видели его, потому что уже осенью 1941 г. отец, оставаясь формально на работе в Комитете стандартов, получил новое задание...»

Одновременно с руководством комитетом Василий Емельянов участвовал в организации производства танковых корпусов и литых башен, за что был удостоен Государственной премии СССР. Тем не менее, он выкраивал время, чтобы побывать в Барнауле.

13 мая 1943 года, когда его назначили председателем комитета стандартов, приходилось координировать работу аппарата, находившегося в Барнауле и оперативной группы ВКС в Москве.

По воспоминаниям Василия Семёновича, «объём работы в комитете всё увеличивался. Пришлось переводить работников из Барнаула в Москву».

По словам сына, «отец говорил, что работа по внедрению стандартов и контролю над их соблюдением позволила ему, как в большом зеркале, увидеть отражение всех сильных и слабых сторон нашей промышленности, её сырьевой базы, оборудования заводов, состояния технологии производства, уровня технической подготовки кадров и многого другого».

В июле 1941 года появились стандарты военного времени, обозначаемые ГОСТ В. Для них были характерны более рациональное использование сырьевых стратегических ресурсов, сокращение удельных норм расхода материалов, установление более широкой взаимозаменяемости деталей и узлов, ускорение и удешевление строительства и так далее. Одним из эффективных методов сокращения сроков и затрат была унификация деталей, узлов, агрегатов и материалов, которая способствовала организации массового производства военной техники, увеличению объёмов производства в короткие сроки.

Например, выпуск единого лафета для 76-миллиметровой и 57-миллиметровой дивизионных пушек позволил сократить сроки их изготовления 4-5 раз, впервые в мире ввести конвейерную сборку орудий. В большинстве новых модификаций оружия значительная часть деталей заимствовалась из тех, которые хорошо показали себя в боях.

За годы войны комитетом стандартов было утверждено более 2200 новых государственных стандартов и изменено 1270 действующих.

Осенью 1945 года Емельянова назначили по совместительству ещё и заместителем начальника Первого главного управления при Совнаркоме, а затем при Совмине СССР, которое руководило работами по созданию атомной промышленности и ядерного оружия. Совмещение с должностью председателя ВКС продолжалось около года.

Василий Семёнович активно участвовал в создании первой атомной бомбы СССР, успешно испытанной в 1949 году. Также он являлся одним из руководителей работ по созданию первой советской водородной бомбы, которая прошла испытания 12 августа 1953 года. Потом трудился на руководящих должностях в министерстве среднего машиностроения СССР, в том числе в 1955-1957 годах – заместителем министра. С 1955 года од-

новременно был на дипломатической работе, также связанной с атомной спецификой. В июне 1960-феврале 1962 года Емельянов вновь занимал министерскую должность, являясь председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по использованию атомной энергии. С 1966 года – председатель комиссии по научным проблемам разоружения Академии наук СССР. Десять лет, начиная с 1978 года и до конца жизни, являлся членом Государственного комитета СССР по науке и технике.

А одно из детищ Василия Емельянова – комитет стандартов после неоднократных реорганизаций, связанных с упразднением в конце 1950-х годов министерств и организации совнархозов, которым и поручалась работа по стандартизации, наконец, в 1954 году слился в единый орган – комитет стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР. С 1991 года он называется Государственным комитетом Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации – Госстандартом России.

IV. В далёком сибирском краю

Деятели искусств

Отдельного рассказа требует пребывание на Алтае в годы войны людей известных и знаменитых, а также их родственников.

Самые большие группы эвакуированных на Алтай деятелей искусств, пожалуй, составляли актёры и художники.

Край принял известные в стране театральные коллективы Московского государственного камерного театра, Днепрпетровского театра русской драмы имени Горького и Ворошиловградского русского драматического из оккупированной Украины.

С приездом Камерного театра в центр художественной жизни не только Барнаула, но и всего Алтая с уверенностью можно поставить режиссёра с мировой известностью – Александра Таирова, а также театральной прима Алисы Коонен. Это о Таирове актёр Михаил Чехов в своей лекции «о пяти великих режиссёрах» сказал, что «Таиров был влюблён в красоту». А сам Александр Яковлевич неоднократно повторял, что считает своей задачей «создать театр большого чувства, большого масштаба по линии героической; театр, побеждающий своей жизнерадостностью».

Алиса Коонен.

*Альфред Эберлинг
в 1940-е годы.*

*«Алтайский пейзаж»
Альфреда Эберлинга.*

К концу войны на Алтае работали пять театров. Они обслуживали сельские районы, призывные пункты, войсковые части и госпитали. Бригады Московского камерного, Алтайского драматического театров и филармонии несколько раз выезжали на фронт. В Барнауле вступили в строй три новых кинотеатра, в том числе «Родина», три киноустановки, на площади Спартак открылся цирк. Для лучшего обслуживания сельского населения оборудовали передвижные установки.

Уже в сентябре 1941 года в край приехало больше тридцати столичных художников. Это было серьёзным пополнением художественных сил Алтая. Тогда же они открыли при редакции газеты «Алтайская правда» «Мастерскую агитплаката». Выпуски «Агитокон Алтайского края» выставлялись для всеобщего обозрения, рассылались подписчикам. Плакаты на важнейшие и актуальные темы военного времени выпускались оперативно, художники зачастую работали и ночью. К маю 1943 года эвакуированные художники провели четыре выставки, на которых было представлено свыше трёхсот работ. В живописи и скульптуре преобладал портрет – образы бойцов Красной Армии, батальный жанр, пейзаж, в графике – политический плакат.

Среди известных живописцев оказался друг Владимира Маяковского Михаил Черемных, работавший в эвакуированном в Бийск краевом драмтеатре. Он оформлял декорации к спектаклям «Раскинулось море широко», «Дворянское гнездо», «Русские люди», «Осада Лейдены» и другим спектаклям, шедшим тогда в Бийске.

Алтайский писатель Виктор Попов, знавший его, вспоминал в июле 2002 года в «Алтайской правде», что прототипом одного из персонажей

– часового мастера из пьесы Николая Погодина «Кремлевские куранты», заставившего заиграть «Интернационал» часы Спасской башни, был ни кто иной, как Черемных.

Среди эвакуированных художников выделялся и Альфред Эберлинг, ученик Ивана Репина. В 1924 году он победил в конкурсе на лучшее изображение Ленина. Альфред Эберлинг также стал автором портрета вождя пролетариата на советских купюрах 1937 года.

В собрании Государственного музея Алтая хранится восемь его работ, в том числе и «Алтайский пейзаж».

Следует упомянуть также и Бориса Шаманова, эвакуированного в наш край в 10-летнем возрасте из блокадного Ленинграда. Позже он стал одним из основоположников «сурового стиля», воспевавшего романтику трудовых будней.

Мастера слова и учёные

Писатель Константин Паустовский приезжал в Барнаул и Белокуруху для творческих встреч с коллективом Московского камерного театра, для которого писал пьесу «Пока не остановится сердце» о борьбе советских людей с фашизмом, главную роль в которой исполняла Алиса Коонен. Он побывал также в Белокурухе – там в ту пору жили испанские дети, эвакуированные из «Артека». Паустовского разместили на Шестой детской даче, где он работал над пьесой, а также над романом «Дым отечества», герои которого советский писатель Лобачёв и испанская поэтесса Мария Альварес едут вслед за испанскими детьми в Алтайский край.

Константин Паустовский, фото 1930-х годов.

Кстати, по свидетельству старожилов Белокурухи, существовал реальный прототип образа сторожа Крынкина из этого романа и рассказа «Правая рука».

Встречи на Алтае дали материал и для других рассказов писателя: «Спор в вагоне», «Приказ по военной школе». А в небольшой заметке «К тридцатилетию театра», опубликованной в 1972 году, Паустовский пишет: «Я рад, что мне пришлось работать для этого театра в первые годы Отечественной войны в тяжёлых условиях эвакуации в Барнауле и на Алтае. Там, в Бар-

науле, в облещенелых залах театра, бывшего некогда тюремной церковью, в полной мере обнаружились мужество, сила духа и величайшая преданность искусству, как Александра Яковлевича Таирова, так и коллектива театра».

Вадим Шершеневич.

В этом театре также работал в эвакуации друг Сергея Есенина «талантливо всеядный эпатажник» Вадим Шершеневич. В его переводах Таиров поставил «Благовещение» Поля Клоделя, «Ромео и Джульетту» Уильяма Шекспира, «Оперу нищих» Бертольда Брехта.

Это именно Шершеневич в одном из стихотворений, опубликованных в 1923 году, замечал:

*Нам до сих пор ещё не дали воли,
Как пить коням вспотевшим не дают.
Но нет! – Мы у легенд арендовали
Не зря упорство, холод, недоед...*

К сожалению, поэт и драматург скоропостижно скончался в Барнауле и похоронен 20 мая 1942 года на Бульгинском кладбище.

Корреспондентом газеты «Алтайская правда» работала будущая советская детская писательница Аделаида Котовщикова, эвакуированная из Ленинграда. Героиню её повести «Даша и дети» Дашу Носкову на Алтае удивляло многое. Прежде всего, пышнотелые, гладкощёкие бабы. Они разглядывали ленинградцев, качали головой: «На кого же вы, родненькие похожи?! Вон как вас голодуха обстрогала». И несли эвакуированным: кто – варенец, кто – яйца, кто – огурцы.

Ещё удивила сибирская зима. Даша привыкла к мягким акварельным тонам Ленинграда. А на алтайском небе – неправдоподобное сочетание тонов: розовое рядом с глубокой синью, а тут же апельсиново-оранжевые полосы. Изобрази художник в точности весь этот живописный разгул – европейские жители не поверят, скажут «неестественно, надуманно».

В Московском пединституте, эвакуированном в Ойрот–Туру (Горно-Алтайск) в годы войны учился один из самых известных впоследствии советских журналистов Анатолий Аграновский. Там он опубликовал первые материалы в газете «Красная Ойротия». А в одном из писем матери сообщал: «Пошёл по папиным стопам. И, честное слово, журналистика – моё дело».

Там же, в Горном Алтае оказалась семья Кабо. Глава семьи Рафаил Михайлович был профессором экономической географии, супруга Елена Осиповна работала вместе с ним в эвакуированном пединституте, их дочь Любовь преподавала, а сын Владимир учился в школе. Позже Любовь Кабо стала автором нескольких документально-публицистических книг: «За Днестром» (написанной в Горном Алтае), «Станция назначения – жизнь», «Невесело быть мешанином», «Жил на свете учитель» и других.

Владимир Кабо.

А её брат Владимир после окончания школы попал на фронт, учился в МГУ, но был арестован и отсидел пять лет в лагерях. После реабилитации увлёкся этнографией, стал известным специалистом по австралийским аборигенам. И, в конце концов, в 1990 годы, уехал в Австралию.

В предыдущих очерках цикла я называл имена известных советских учёных, работавших в эвакуированных на Алтай вузах.

Упомяну ещё имена конструктора ракетно-космической техники Михаила Рязанского, одного из разработчиков первого советского радиолокатора П-2, продолжавшего исследования в барнаульской эвакуации, педагога Виктора Сорока-Росинского, возглавлявшего в 1920-1925 годы Петроградский отдел народно-индивидуального воспитания имени Достоевского для трудновоспитуемых, известного главным образом под названием «ШКИД» – Школа-коммуна имени Достоевского, миколога и фитопатолога, члена-корреспондента Академии наук СССР Николая Наумова, который в 1943-1944 годах в райцентре Павловск написал книги «Материалы по микологической флоре Алтайского края», известного ленинградского профессора-математика Исидора Натансона, заведовавшего кафедрой в 1943-1944 годах в Алтайском машиностроительном институте (ныне АЛТГУ), бальзаковеда профессора Грифцова, работавшего в эвакуации в пединституте в Ойрот-Туре...

Родственники известных людей

В 1941-1943 годах в эвакуации на Алтае находились гражданская жена с ребёнком Леонида Хрущёва – сына будущего лидера СССР Никиты Хрущёва.

Эсфирь Этингер была дочерью авиаконструктора Этингера, и, не будучи замужем, родила в 1935 году от Леонида Хрущёва сына Юрия, который, тем не менее, был признан и получил фамилию деда. В каком населённом пункте края жили родственники Никиты Хрущёва, мне неизвестно. Также как поныне, кажется, не установлено место гибели и обстоятельства гибели Леонида Хрущёва.

А Юрий Хрущёв после возвращения из эвакуации посвятил себя военной службе и сбором документов о судьбе своего отца. До выхода в отставку 36 лет работал лётчиком-испытателем.

Предки Дмитрия Рогозина, представителя Российской Федерации при Организации Североатлантического договора (НАТО) в Брюсселе, чрезвычайного и полномочного посла, также имели отношение к нашему краю.

В одной из публикаций, он поведал о том, что «в 14 лет отец сбежал на фронт. Юнгой участвовал в боях на Днепре. С тяжёлым воспалением лёгких его доставили домой, но поскольку жить в Москве было негде, дед отправил семью на Алтай в эвакуацию».

Владимир Котляков, академик, директор Института географии Российской академии наук, несколько лет назад в интервью «Алтайской правде» вспоминал, что «во время войны был эвакуирован в Барнаул с мамой и бабушкой, и пошёл здесь в первый класс».

Валерий Митюшёв в книге «Записки обыкновенного человека» рассказал о том, что, будучи в эвакуации в Горном Алтае, знал потомков Ивана Мичурина: сына – Николая Ивановича, работавшего плотником в институте, носящем имя отца, его дочь и внучку Зойку, с которой автор учился в одном классе; а также дочь знаменитого садовода Марию Ивановну, приехавшую со своей взрослой дочерью, научным сотрудником института, и с её детьми, правнуками Ивана Владимировича, – они носили фамилию Курсаковы.

Нашли приют на Алтае жёны и дети высокопоставленных военных. К примеру, известный правозащитник генерал Пётр Григоренко в книге «В подполье можно встретить только крыс» констатирует, что его семья была отправлена в эвакуацию на Алтай.

Юрий Хрущёв

Василий Козлов, работавший в годы войны на Алтайском тракторном заводе в Рубцовске, вспоминал, что на предприятии трудилась супруга советского генерала Петрова и его сын.

...Эвакуация – неизбежность долгой войны. Это, конечно, жестоко – срывать гражданских людей с насиженных мест. И всё же, несмотря на жестокость, эвакуация, это – испытание на душевность, на чуткость, на доброту. Жители Алтая, и те, кто по доброй, либо недоброй воле стал таковым, его выдержали...

А МЕСТО БИТВЫ – ГОРОД БАРНАУЛ

22-23 августа 1954 года в Барнауле произошёл погром на межнациональной почве, который все эти годы обходила молчанием алтайская пресса.

Я, вероятно, как и многие другие земляки, долго недоумевал над строчками песни Владимира Высоцкого: «Вот бьют чеченцев немцы из Поволжья, а место битвы – город Барнаул». Что за битва у чеченцев и немцев произошла в Барнауле? Когда? Из-за чего? Сплошные вопросы, на которые краеведы пока не дали никаких ответов.

Но постепенно у меня стали накапливаться воспоминания старожилов краевого центра и документальные свидетельства, подтверждающие версию конфликта в Барнауле.

В книжке Александра Александрова «Соловей, соловей-пташечка» (Барнаул, 2005, с. 29-30) интересующее нас событие описывается так: «...На Западном посёлке стояла казарма, где располагалась часть стройбата и почти целиком «чеченского разлива». Кто затеял свару, разбирались милиция. То ли первые начали махаться русские мужики, то ли чеченцы «совсем наглость потеряли». Да нашёлся, как всегда, провокатор и заорал благим матом:

— Ребята! Полундра! наших бьют!

С Западного цепная реакция пошла гулять по всему городу. Озверевшая от крови толпа «черносотенцев» уже не разбирала национальность. Врагами становились почти все смуглые брюнеты: кавказцы, азиаты, евреи, цыгане и ...русские.

Шурка отсиживался дома, а сосед его Боря Караваев бегал до клуба УНР. Там собралась куча народа. Не за понюх табаку забили чернявого

прохожего до смерти. А когда мимо как на грех проезжала бортовая машина со стройбатовцами-чеченцами, один мужик с ножом в руке на ходу заскочил в неё и давай полосовать... Очевидцем в другом районе Барнаула был и Санька Цветков из 25-й школы.

Пострадали и взрослые, и дети.

Такого погрома в истории Барнаула, что случился жарким летом 1954 года, никто тогда и не помнил. Много жертв принёс так называемый «межнациональный конфликт». Еле усмирили погромщиков вызванные армейские подразделения. Зуб даю, мог бы точно попасть в эту мясорубку и я. Хорошо, что мать не пустила на улицу».

По сведениям жителя Барнаула Ярослава Шавкунова, поводом конфликта стал инцидент с девушкой в районе бараков на Калининском проспекте у котельного завода: её то ли убили, то ли изнасиловали.

Впрочем, мне рассказывали и иную версию: военнослужащие якобы избили ребенка или работника завода «Трансмаш». И были это вовсе не чеченцы, а азербайджанцы. Они служили в армейской части, были стройбатовцами или артиллеристами. Располагались в казармах на Калининском проспекте, в районе «Трансмаша», или на Ленинском — на месте где сейчас корпуса «Геофизики» — этот завод они, кажется, и возводили.

Словом, подозрение пало на уроженцев Кавказа. Ярослав помнит, как загнали троих солдатиков в глубокую траншею, закидывали их камнями. Военнослужащие — все в крови и грязи. В их избиении участвовали и женщины. Какая-то из них ударила чеченца камнем по голове. Тот упал, взмолился: «Мать, ты что делаешь?!»

Ещё одну группу солдат задержали между сараев, где сильно избили. Говорят также, что в инциденте участвовали работники завода «Трансмаш», покинувшие рабочие места и вооружившиеся: кто — молотком, кто — лопатой, кто — ломом.

После этих событий воинскую часть срочно перевели в другое место.

А старожил Барнаула Валерий Невский был очевидцем событий в районе Октябрьской площади: горел рынок, располагавшийся за клубом меланжевого комбината, происходили столкновения гражданских людей (преимущественно работников завода «Трансмаш») и солдат-стройбатовцев. Якобы в городе ходил слух, что последние, в отместку за избиения, угрожали погромом детских садов.

Описание этих массовых беспорядков (с датами и обстоятельствами, но лишённое «национального фактора») я обнаружил в книге Владимира Коз-

Клуб железнодорожников. На его месте сейчас расположен Мемориал славы.

лова «Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985 гг.», основанной на докладных записках КГБ и прокуратуры СССР в ЦК КПСС. «22 августа 1954 года двое солдат затеяли драку со строителем, который затем направился рабочий клуб смотреть кино (*барнаульские старожилы утверждают, что это был клуб железнодорожников, располагавшийся в парке у железнодорожного вокзала на месте нынешнего Мемориала славы — А.М.*). Через некоторое время в клуб ворвались около 40 солдат из расположенных поблизости двух строительных батальонов. Солдаты сняли ремни и стали пряжками избивать присутствующих, повредили киноаппаратуру, переломали мебель и скрылись. Находившийся в это время у здания клуба милицейский патруль из трёх человек серьёзного противодействия солдатам оказать не смог.

Ночью городская милиция и военные власти задержали 40 солдат, находившихся в самовольной отлучке. Между тем по городу распространились ложные слухи о том, что во время драки в клубе солдатами был убит ребенок...

Утром следующего дня возбуждённые слухами рабочие строительства и расположенных неподалёку предприятий стали группироваться, ловить одиночных солдат и избивать их. К полудню на строительстве ТЭЦ-2 собралась большая толпа рабочих. Она двинулась к казармам строительных батальонов, подстрекаемая некими «подвыпившими людьми». Возбуждённая толпа смела группу работников милиции, состоявшую из 60 человек, и прорвалась к казармам.

Завязалась коллективная драка, в ходе которой обе группы бросали друг в друга камни. Около сотни солдат, несмотря на предупредительные выстрелы, прорвалось через оцепление в жилые кварталы города, где били окна, бесчинствовали, затевали драки. В течение всего дня 23 августа рабочие продолжали собираться группами и избивали встречавшихся им солдат-одиночек. В свою очередь просочившиеся в город небольшие группы солдат избивали встречавшихся им рабочих.

Для прекращения беспорядков власти использовали дополнительные силы. Порядок был восстановлен. Между казармами, жилыми и производственными кварталами было организовано усиленное патрулирование. В прилегающих к строительству кварталах было подобрано избитых или отнято во время избиения 22 солдата строительных батальонов, пять из которых к утру 24 августа умерли. В местную больницу на лечение поступило также двое рабочих.

Министерство внутренних дел СССР, учитывая напряжённую обстановку в городе, поставило перед ЦК КПСС вопрос о выводе строительных батальонов из Барнаула. Таким образом, рабочие, которых, очевидно, уже давно возмущало поведение военных строителей, добились своего».

КАК СНОСИЛИ ПАМЯТНИК ВОЖДЮ

Возможно, читателям покажется интересным свидетельство о том, как снимали памятник Сталину в Рубцовске. Воспоминаниями об этом поделился со мной в апреле 2002 года в Москве работавший в середине 50-х первым секретарем Рубцовского горкома партии Владимир Поляков – позднее он возглавлял также Барнаульский горком, был вторым секретарем крайкома КПСС.

Обстоятельства сложились так, что в этой истории оказались тесно переплетены имена Сталина и его преемника и ниспровергателя Хрущёва, судьба не только Алтая, но и всей страны. Дело в том, что указание о сносе памятника вождю в Рубцовске исходило от Никиты Сергеевича, оказавшегося здесь в деловой поездке.

Как мне удалось установить из различных источников, Хрущёв трижды бывал на Алтае: в начале июня 1954 года, 25 июля 1956 и 23 ноября 1961 года. Причём, почти в одинаковых обстоятельствах: проездом с со-

вещания передовиков сельского хозяйства на территории Казахстана – в Новосибирск, или наоборот. Свидетельств этих поездок, почти случайных остановок сохранилось, к сожалению, мало, но рубцовский эпизод памятен Полякову.

Итак, посещение Хрущёвым Рубцовска, судя по газетным отчётам, следует относить к 25 июля 1956 года. Накануне, в феврале состоялся XX съезд партии, на закрытом заседании которого Первый секретарь ЦК решил сделать сенсационный доклад о культе личности. А менее чем за месяц до приезда Хрущёва на Алтай вышло постановление ЦК о преодолении культа личности и его последствий.

Судя по воспоминаниям ветеранов и тогдашним публикациям, Никита Сергеевич доехал на автомобиле из Новосибирска до Алейска, там пересел в спецпоезд, намереваясь добраться на нём до Рубцовска – оттуда до Казахстана рукой подать.

А теперь – слово Владимиру Полякову:

«... Помню, что было обеденное время. Звонит мне домой первый секретарь крайкома Константин Георгиевич Пысин: «Володя, ты где?» Отвечаю, что обедаю дома. Он продолжает: «Меня Хрущёв оставил в Алейске, едет на поезде в Рубцовск, далее улетит на самолёте в Казахстан. Ты за всё отвечаешь».

Я мгновенно понял собственную ответственность, поинтересовался, зачем едет, что показать, о чём можно просить? Пысин рекомендовал мне встретить спецпоезд, провезти гостя по городу до аэропорта, ничего не просить.

Подъезжаю к перрону, спецпоезд уже прибыл. Первым выходит из вагона Николай Ильич Беляев, секретарь ЦК КПСС по РСФСР, ранее работавший первым секретарем Алтайского крайкома партии. Я – к нему. Тот сразу мне вводную: никаких вопросов не ставить! Работать по программе!

Через несколько минут из другого вагона выходит Никита Сергеевич. В белой, вышитой, но помятой косоворотке, подпоясан кушаком. Сели в автомобиль ЗИС-101. Я разместился рядом с его охранником, оказавшись прямо за спиной Хрущёва. Тут же, на задних сиденьях (в машине было ещё два приставных) сели министр сельского хозяйства страны Месяц, Беляев и сын Хрущёва – Сергей.

Двинулись по городу в направлении аэропорта. Я докладываю, рассказываю о городе, предприятиях. Особенно Хрущёву понравилось, что в Рубцовск в войну эвакуировали украинские заводы, и ещё то, что у нас

вызревают арбузы. По улице Кирова проследовали в посёлок тракторного завода, где на площади стоит памятник Сталину – раньше там здание сельхозтехникума было на углу.

И тут неожиданно высокий гость спрашивает меня: «А почему этот памятник тут у вас стоит?» Я растерялся. Что сказать? А Хрущёв продолжает: «Слушайте, а он тут вам не мешает? Вы, наверное тут людей давите?» «Да, нет, вроде, Никита Сергеевич, не давим», – оторопело отвечаю я. Вроде докладывал ему толково, удачно, хорошо. Уже раскрепостился. А тут – политический вопрос...

После отлёта Хрущёва я подробно доложил по телефону о его пребывании в Рубцовске Константину Георгиевичу Пысину. Тогда такой вот доклад требовался: «Сделал жест правой рукой, посмотрел туда-то, спросил дословно о том-то». Словом, очень обстоятельно, точно, буквально по минутам. Конечно, упомянул и о том, что когда ехали мимо памятника Сталину, лидер партии задавал мне очень необычные вопросы, на которые я не смог толком ответить. Константин Георгиевич долго молчал, а потом сказал: «Памятник надо будет убирать». И приказал мне срочно прибыть в Барнаул.

Я ночью приехал, и рано утром вновь обстоятельно доложил ему об общении с Хрущёвым. Первый секретарь крайкома вновь говорит мне: «Давайте будем памятник снимать. Решайте, как это делать».

Памятник Сталину в Рубцовске. 1950 год.

Но разрушать памятник Сталину в ту пору – это надо было быть очень храбрым человеком. Ведь за «косой» взгляд на портрет вождя совсем ещё недавно строго судили. Несмотря на закрытый доклад Хрущёва XX съезду по поводу культа личности, кампания развенчания «отца народов» шла трудно, вяло и неровно.

Константин Пысин.

Приехал в Рубцовск, собираю бюро горкома партии. Обычно после визитов больших руководителей принимались решения, как говорится, «во исполнение указаний». Говорю товарищам: «Вот, Никита Сергеевич сказал по поводу памятника так-то». Все притихли: Никольский, Каргополов, Хилько, председатель горисполкома Зиборов. Спрашиваю, почему притихли? Тут они враз заговорили: «Как снимать, почему снимать?» Доложил я и о поездке в крайком. Долго мы мутузили эту тему, всё-таки приняли решение – снимать памятник. Дальше: как снимать, когда, куда девать? – никто не знает.

Но ведь бюро горкома, строго говоря, не имеет права эти вопросы решать. Это – прерогатива горисполкома. Василий Леонтьевич Зиборов собирает исполком. Я доложил о пребывании в нашем городе Первого секретаря. О том, что дома мы строим правильно, что, поскольку на АТЗ много бывших харьковчан, значит, они любят арбузы, а арбузы в Рубцовске растут, ну и ещё то, что Хрущёв похвалил рубцовчан. Вот только он сказал, что памятник Сталину нам мешает. Напекаю, что КГБэшники раскопали какие-то документы, что когда-то, кого-то задавили рядом с памятником, или чуть не задавили. В общем, он сильно мешает движению транспорта в городе.

Но ведь исполком – это не бюро горкома партии. Там ведь и рядовые рабочие имеются, передовики производства. Кажется, даже беспартийные были. Судачили, судачили, пора бы и голосовать, но, судя по обстановке, – голосовать нельзя, просто не наберём большинства голосов членов исполкома за такое решение. Сделали перерыв. Начали обрабатывать членов исполкома. И всё равно в первый день решения не приняли. Не поддерживают, и всё! Мол, не надо торопиться, время покажет...

На второй день всё-таки «дожали». Решили памятник вождю перенести в городской парк культуры, что разбит рядом с тогдашним горкомом. Работу наметили на поздний вечер.

А я жил как раз на площади Сталина. Смотрю из окна – приехал подъёмный кран. Вот уже и народ собирается на площади. Бунт ведь может быть!

Позвонил членам бюро горкома партии Каргополову, Зибореву, другим, все прибыли на площадь. А там уже всю стихийный митинг идёт. На меня сразу накинулись с вопросами: «Что это такое? Почему Иосифа Виссарионовича убираете?» Начинаю объяснять, что, мол, мешает движению, члены бюро поддакивают. Ни черта не убедили! Дело идёт к тому, что сварщиков чуть ли не за шиворот хватают, на нас как-то странно косятся. Но мы всё-таки выдержали, сумели срезать статую, зацепили её и увезти в парк.

Замечу, что памятник не какой-нибудь гипсовый – бронзовый, весит несколько тонн. Потому постамент не смогли демонтировать в тот вечер – очень уж надёжный был: бетон с арматурой – что камень! Только через несколько суток, поздним вечером с ним удалось справиться. Но решения, куда его девать никто не принимал. Его и сбросили у переезда через железнодорожные пути, которые пересекают Рубцовск.

По сути – в центре города. Люди интересуются, что это такое? Им поясняют, что постамент памятника Сталину стоял на площади, а Поляков приказал его уничтожить.

Стали писать «телеги» на меня в крайком, в ЦК. Однажды поздно вечером сижу на работе, входит человек, представляется: «Я – инструктор ЦК КПСС». Интересуюсь, по какому поводу он оказался в Рубцовске. Отвечает, для проверки писем в ЦК о сносе памятника Сталину. Я вынужден был ему напомнить существующий порядок: вы, как работник ЦК должны побывать сначала в крайкоме, потом крайком даст нам команду, и мы вас примем. Он – своё, мол, задание, в плане проверки писем трудящихся.

Пришлось звонить Пысину. Тот «прикрыл» меня, действительно, как член ЦК КПСС попросил инструктора прибыть сегодня же в Барнаул для встречи с ним. Так и улеглось. Но ещё долго после того, скажу честно, боялся. Это можно было ведь повернуть по-всякому...

Такой вот инцидент, связанный со Сталиным случился в Рубцовске.

Кстати, «отец народов», в этом городе, также как и в Барнауле, бывал в январе 1928 года, выбивая хлеб, и подстёгивая старт коллективизации. Замечу, что летом 1956 года в СССР ещё ни о каком сносе памят-

Площадь, носившая имя вождя в городе тракторостроителей.

ников вождю и слова ни молвилось. Тело Сталина вынесли из Мавзолея только спустя пять лет – в 1961 году.

Многие «инициативы», как известно, начались с Алтая! Так не раз бывало в истории: отсюда стартовала коллективизация, а позднее – освоение целины, пропашная система, конские бобы, иные авантюры и «великие свершения».

«ТИХИЕ» ГОДЫ?

Сергей Волохов.

Многие считают, что после Великой Отечественной войны Советский Союз жил мирной, спокойной жизнью, в которой не было места никаким потрясениям. Однако мой собеседник Сергей ВОЛОХОВ, кандидат исторических наук, преподаватель Алтайской государственной педагогической академии, не вполне согласен с таким утверждением. Своё исследование он посвятил изучению различного рода протестов в Западной Сибири, в том числе на Алтае в 1950-1980-е годы и обнаружил, что и в нашем крае нередко отмечались выходящие из ряда вон события. Просто о них в ту пору не сообщалось.

Протест одиночек

– Я наткнулся на автореферат вашей кандидатской диссертации в библиотеке имени Шишкова. Исследование шокировало, потому что в нём, как мне показалось, иначе предстаёт время, которое в народе принято называть эпохой Хрущёва-Брежневца. Хотя годы так называемого «застоя» считаются спокойным временем. Это не так?

– Действительно, в памяти старших поколений то время осталось как прошедшее под знаком социального благополучия и политической стабильности. И тому есть некоторые основания: эти годы отмечались небольшим, но ростом доходов населения и улучшением качества жизни. В прошлом остались трагедии военных лет и страх репрессий. Даже изломы социально-экономических экспериментов Хрущёва и провал партийной программы строительства коммунизма к 1980 году серьёзно не поколебали веру людей в потенциал социализма. Конечно, люди обращали внимание на бытовые трудности, нехватку продовольственных и иных товаров, «вечный» жилищный вопрос и т.д. Но то, что относилось к «политике» в те годы скрывалось, а если что-то и становилось явным, то в официальной хронике преподносилось как нечто случайное, аномальное.

Если говорить о политической ситуации на Алтае, то чаще всего за громкими названиями оппозиционных объединений стояли два-три че-

ловека, а то и вообще одиночки. Сведения о «разветвлённых подпольных группах» – не более чем миф.

Типичный пример – возникшее в 1961 году объединение «Союз новых коммунистов» в Камне-на-Оби. Его представляли комсомольцы О. Ключиков и А. Ивлев. Первый из них был студентом вуза в Новокузнецке, второй – рабочим одного из каменских предприятий. И хотя они виделись нечасто, сумели создать программу, направленную на построение коммунистического строя в соответствии с их видением марксистско-ленинской теории. В феврале 1962 года А. Ивлев расклеил в Камне-на-Оби листовки, содержащие призыв к гражданам вступать в «Союз новых коммунистов», чем обнаружил «подпольную организацию». Её создатели были арестованы.

Антисоветчики поневоле

– Но ведь тогда органы идеологического контроля и государственной безопасности представили как «антисоветские вылазки» не одну группу участников политизированных образований...

– Да, действительно, под это определение попала группа со звучным названием «Умыслопогасло», тайно существовавшая в 1958-1959 годах в стенах Барнаульского государственного педагогического института. Её участники, по преимуществу студенты историко-филологического факультета, не выдвигая каких-либо политических целей, негласно собирались для обсуждения вопросов текущей политики и проблем набиравшего популярность авангардизма. Выпускался рукописный одноимённый журнал под руководством Куклина, Образцова и Бажко. Издание, выполненное в простой школьной тетради с раскрашенными карандашами обложкой и полями, имело неброский вид и «крамольное», как казалось по тем временам, поэтическое содержание.

На заседании бюро парткома БГПИ 25 апреля 1959 года объединение «Умыслопогасло» было признано «антисоветским», а издаваемый им журнал – «циничным» и «откровенно пошлым». Лидеры студенческого объединения были исключены из комсомола и отчислены из института, ещё несколько человек переведены на заочное отделение.

С юношеским максимализмом

– Скорее всего, за «опозиционностью» скрывалось не желание «подрывать устой», а обычные для молодых людей юношеский максимализм, позёрство, бравада.

– В 1961-1963 годах в Барнауле частенько собиралась компания друзей, ядро которой составляли молодой рабочий В. Анохин и студент В. Шмаков. Они много размышляли о свободе слова и гласности, о «партийности литературы» и «беспартийном правительстве», о «сепаратном Алтае» и необходимости сохранения его первозданной природы. Молодые люди, насколько позволяют судить материалы архивно-следственного дела, не помышляли о целенаправленной оппозиции власти, хотя в беседах неоднократно поднимался вопрос о возможных способах борьбы с режимом. Удивительно, они задолго до реальных событий прогнозировали распад СССР. По их мнению, «не следовало бы делить страну на несколько национальных республик», ибо это рано или поздно «приведёт к ослаблению и разобщению страны на части».

Особую привлекательность для них представляли «народовольческие рецепты». В итоге друзья решились на необычные акты: выкрикивали во время прогулки по городу «крамольный» лозунг: «Бей коммунистов!», сожгли комсомольский билет В. Шмакова, сорвали на улице портрет одного из партийных руководителей.

Но это, скорее, был социальный экстрим, который «щиплет нервы».

– *А стилиги, панки? Что о них можете сказать?*

– Крушение былой веры людей в справедливость власти отразилось в молодёжной среде ростом нигилизма, неверия в свои силы и равнодушия ко всему. Своеобразным протестом официозу стало в конце 1950-х-1960-х годах появление стилига. Это были ярко одетые парни и девушки, любящие джаз и использующие в речи необычные словечки, типа «лабать» (слушать музыку).

Это формирование нового социального поведения, основанного не на «трудовых подвигах», а на потребительских стереотипах. Себя они называли «чуваками» («человек, уважающий американскую культуру»). Стилиги 60-х – это признак духовного нездоровья советского общества, появления двойной морали, но никак не оппозиционности.

То же самое можно отнести и к панкам конца 1970-х – начала 1980-х годов. Потёрто-рваная джинсовая одежда, зеркальные очки, выбритые виски и раскрашенные волосы, большие булавки на лацканах пиджаков, проколотые уши у ребят трудно согласовывались с представлениями о «нравственном облике» советского человека. Со стилижничеством и панк-культурой пытались повсеместно бороться, но безуспешно. Потому что использовали преимущественно запретительные меры.

Антимилицейские бунты

– Но чаще всего причины протеста и даже массовых волнений имели не столько политическую, социальную, сколько бытовую или экономическую почву. Теперь известно о бийском бунте 1961 года, рубцовских бунтах в мае 1974 и декабре 1991 годов, которые исследователи квалифицируют, как антимилицейские.

– Причиной возникновения бийского бунта 25 июня 1961 года стал типичный для советской системы конфликт между экономикой (выполнение плана) и политикой (кампания по борьбе с пьянством). В тот период предпринималась очередная попытка наведения порядка в торговле водкой. Сначала почти запретили её продажу, потом разрешили продавать повсюду. Неудивительно, что в момент задержания хулиганов милиционерами на городском рынке Бийска появилась толпа сочувствующих, готовых оказать милиционерам активное сопротивление.

Примечательно, что события в Бийске, в которых участвовало до тысячи человек, оказались едва ли не первой в СССР массовой акцией протеста начала 60-х годов прошлого века. Бунты в Муроме, Александрове и Новочеркасске произошли позже.

«Автономисты» и баптисты

– Долгое время во властные инстанции поступали требования представителей немецкой национальной группы...

– Корень противоречий крылся в депортации в сентябре 1941 года на территорию края немцев Поволжья с «букетом» обвинений в пособничестве фашизму, трудармией, обязательной регистрацией в спецкомендатуре. Но главные раздражители: невозможность возвращения до 1972 года на Волгу, отказ, а затем и неспособность властей воссоздать автономию, разрушение культурных традиций.

Тем ничего не оставалось, как направлять в различные инстанции, включая международные, письма, петиции, обращения, проводить акции протеста, в том числе пикетирования зданий Алтайского крайисполкома, ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР.

Приметой нерешённости проблем советских и российских немцев стала их массовая эмиграция.

– Ещё острее, судя по всему, складывались отношения властей с представителями некоторых религиозных конфессий.

– Это особенно характерно для хрущёвского времени. Достаточно сказать, что в стране тогда было закрыто около половины действовавших храмов, монастырей и молитвенных домов, запрещалось создавать кассы взаимопомощи, оказывать материальную поддержку верующим, организовывать кружки по религиозному просвещению и даже самостоятельно назначать священников.

В тот период к уголовной ответственности привлекался настоятель православной Михайло-Архангельской церкви Рубцовска М. Михайловский, открыто выражавший недовольство усилением атеистического курса в политике государства.

Конфликтно складывались отношения с так называемыми истинно-православными христианами, которые не признавали Московскую патриархию за её фактическую подчинённость светской власти. Эти верующие отказывались участвовать в выборах и переписях населения, уклонялись от службы в армии, работы в общественном производстве, а наиболее непримиримые шли на «исход» из «безбожного общества», селясь вдали от людей. Такими были жители посёлка Садовск Ельцовского района.

Активно вела себя община христиан Барнаула во главе с проповедником Игнатием Лапкиным, некоторые верующие в Рубцовске.

Весьма заметную оппозицию краевым властям в силу религиозных канонов и особой церковной организации представляла часть евангельских христиан-баптистов. Недовольство баптистов вызывали порядок согласования кандидатур старших пресвитеров с советскими чиновниками, запрет на привлечение новых членов в общины и миссионерскую деятельность, что противоречило евангельским канонам. Баптисты не раз проводили акции протеста, в частности, после внезапной смерти в Барнаульской тюрьме кулундинского пресвитера Николая Хмары.

Таким образом, анализ протестных явлений на Алтае в 1950-1980 годы показывает, что это было не совсем спокойное время.

БИЙСКИЙ ПОГРОМ

25 июня 1961 года во втором по величине городе Алтая произошло одно из крупнейших народных волнений в СССР

Об этом событии мне удалось собрать несколько свидетельств: упоминания в книгах Владимира Козлова, Николая Зеньковича и Виталия Сорокина, архивные документы, воспоминания родственников некоторых участников погрома и тех, кто противостоял толпе.

По архивным данным и публикации Владимира Козлова в книге «Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев», версия бийского погрома выглядит так. Николай Трубников, 38-летний плотник, с женой-домохозяйкой Марией и зятем Александром Прилепских (правильно – Прилепский), проживавшие в селе Первомайское Бийского района, приехали в тот злополучный день на базар города Бийска с намерением купить подержанную автомашину или мотоцикл. Они имели на руках 2580 «новых» рублей, обменных накануне по хрущёвской денежной реформе 1961 года.

Покупка не удалась. Мужчины решили выпить, а Мария Трубникова отлучилась в торговые ряды базара. В этот момент к выпивавшим подошёл милицкий наряд в составе участкового уполномоченного Зосима, рядового Лейзерзона и бригадмилецца Огнева, потребовавший прекратить распитие спиртных напитков в общественном месте. Но мужчины ответили милиционерам, что выпивают не они одни, начали громко ругаться. Шумные препирания привлекли внимание завсегдатаев базара. Однако Лейзерзону и Огневу всё же удалось препроводить Прилепского в комнату милиции. Трубников тем временем затеял драку с Зосимом, порвал на нём рубашку. Щуплый милиционер в борьбе с крупным и сильным сельским жителем вынужден был сначала воспользоваться свистком, а затем выстрелить из пистолета вверх. Эти сцены буквально притянули к эпицентру событий базарных зевак, собралась толпа. Подоспевшие на помощь милиционеры посадили Трубникова в милицескую машину.

Тем временем Мария Трубникова, обнаружив исчезновение мужчин вместе с деньгами, начала громко кричать о том, что милиционеры украли деньги. Возбуждённая толпа перевернула милицескую машину. Вскоре в эпицентре событий вновь оказался отпущенный милицией, перебинтованный Николай Трубников, кричавший, что его избили «гады-менты» и отобрали 30 тысяч рублей.

Подстрекатели

Как это нередко бывает в ходе массовых волнений, в толпе, сменяя друг друга, появляются лидеры. Так происходило в этот раз на базаре города Бийска. 37-летний Виталий Лисин, одноногий инвалид войны, нигде не работавший отец троих детей, размахивая костылём, призывал «убить работников милиции». Ещё одним подстрекателем толпы к беспорядкам явился Иван Ляхов, обиженный на жизнь и на милицию. Сам он в насилиях и избиениях почти не участвовал, но всячески воодушевлял толпу на новые подвиги, подсказывал погромщикам, что делать. В аналогичной роли выступал и 45-летний внештатный заготовитель заготконторы райпотребсоюза из Горно-Алтайской автономной области Байрам Кукоев. Он без устали, в течение нескольких часов подогревал толпу выкриками: «Убивать их надо», «Давно бы им надо это устроить», «Бейте их, ребята».

Среди тех, кто воспользовался ситуацией, чтобы свести старые счёты с Зосимом и Лейзерзоном, был Михаил Мельников, завсегдатай базара, инвалид второй группы. Его не раз задерживала милиция за мелкое хулиганство и перепродажу вещей, что по законам того времени считалось спекуляцией. Мельников кричал, обращаясь к Зосиму: «Попался гад, бейте его, чтобы он не мешал жить нашему брату».

Активными участниками конфликта были пьяные молодые люди: водитель Станислав Косых, слесарь Николай Ченцов, дорожный рабочий Михаил Филатов и другие. Они представляли весьма распространённый тип рядового участника беспорядков – легко внушаемого, с ослабленными алкоголем механизмами психологического самоконтроля, инфантильного и безответственного, подчиняющегося чужой воле, но, в то же время, способного с маниакальным упорством следовать заложенной в него другими «программе» и проявлять при этом изобретательность. Представители погромной массовки кричали, кидали камни, били, плевались. А 20-летний Николай Ченцов догадался залезть под капот милицейского автомобиля и оборвать провода, чтобы не дать ему уехать.

Подмога

Пока возбуждённая толпа пыталась вытащить Зосима из перевернутой машины для расправы, а волнения ещё не набрали полной силы, представители властей пытались договориться с базарным скопищем по-хорошему. На рынок прибыли сначала заместитель начальника городского отдела милиции с подчинёнными Клягин (или Флагин), затем его руководитель Овчинников

и председатель горисполкома Гаркавый. Последний попробовал выступить перед толпой, но его освистали и согнали с перевёрнутой машины, превращённой в трибуну. Толпа уже достигла того уровня погромной истерики, когда слушают и слышат только «своих», и только то, что ей хочется слышать.

Также сорвалась попытка разогнать собравшихся с помощью пожарных брандспойтов. Участники событий просто порезали пожарные рукава, и команда огнеборцев бесславно убралась с территории базара.

Представители власти, осознавая бессмысленность дальнейших уговоров, вызвали на подмогу солдат. Однако до прибытия военных жизнь участкового уполномоченного Зосима буквально висела на волоске. Он находился в салоне перевёрнутого толпой милицейского автомобиля. Там его не раз доставали кулаками и палками участники конфликта. Например, пьяный Михаил Панькин сумел выкрутить руку Зосима, в которой был пистолет, а другой рукой сдавить его горло. Раздался непроизвольный выстрел, потом другой. Панькин с захваченным оружием выбрался из машины. Но начальник милиции Овчинников, к счастью, мгновенно вырвал у него пистолет.

Первым выстрелом был легко ранен Михаил Панькин, а вторым – Захар Соколов, забравшийся вслед за Панькиным в машину. Тяжёло раненый Соколов позже умер в больнице, не приходя в сознание.

Толпа окончательно озверела. Ей, наконец, удалось вытащить Зосима из машины. Назревал кровавый самосуд. В этот момент на рынке появились солдаты. Они вместе с милиционерами сумели отбить милиционера у толпы, при этом многие участники волнений отчаянно сопротивлялись.

В конце концов, избитого Зосима перенесли в санитарную машину. Но в дело снова вмешался Виталий Лисин. Он не давал «скорой помощи» уехать, милиционера выбросили на землю и вновь принялись избивать. Наступил момент, когда Лисин решил, что Зосим мёртв. Он дал команду: «Ну, теперь хватит. Уже готов».

Толпа расступилась. Она добила своего. Через пять часов после начала конфликта погром был прекращён совместными усилиями милиции и военных.

Пожарно-показательный процесс

Уже 10 июля, через 20 дней после волнений, в Бийск из прокуратуры СССР поступило распоряжение «всемерно ускорить следствие с тем, чтобы дело было заслушано в суде в самое ближайшее время». Следствие принялось ударными темпами выполнять пожелание начальства.

Подсудимых разделили на две группы. В первом пожарно-показательном процессе судили семь человек: Трубниковых, Панькина, Ченцова, Лукьянова, Филатова и Охотникова. Следователи очень спешили, и не очень заботились о качестве расследования. Например, в суде так и осталась невыясненной судьба денег Трубниковых.

Первый процесс продолжался три дня – с 5 по 7 сентября. Через месяц, с 3 по 6 октября проходил второй акт судебного действия над другой группой обвиняемых: Лисиным, Кукоевым, Мельниковым, Косых, Ляховым и Чернышёвым.

Исследователь Владимир Козлов утверждает, что всего по обоим процессам три человека были приговорены к смертной казни (впоследствии мера наказания снижена), остальные – к длительным срокам заключения, в основном от 12 до 15 лет лишения свободы.

Во время беспорядков никто из представителей власти или работников милиции не был убит.

Однако один из родственников осуждённых, пожелавший, чтобы его имя не упоминалось в этой публикации, утверждает, что Николай Михайлович Трубников был расстрелян. А его супругу Марию Петровну приговорили к 10 годам тюрьмы.

Местные начальники, упущения и должностные нарушения которых создали в Бийске обстановку, благоприятную для возникновения массовых беспорядков, отделались лёгким испугом. В большинстве случаев дело ограничилось партийными выговорами. И только заместитель начальника городского отдела милиции Клягин (Флагин?) был снят с работы «за проявленную нерешительность в ликвидации беспорядков и за необеспечение борьбы с нарушителями порядка».

Впрочем, известный российский документалист Николай Зенькович, также утверждавший, что знаком с документами о народных волнениях в СССР, представленными КГБ СССР Михаилу Горбачёву, вообще указывает иную дату бийского погрома – 21 июня. Вот его трактовка событий, опубликованная в книге «Тайны уходящего века»: «...21 июня в городе Бийске Алтайского края в массовых беспорядках участвовали 500 человек. Они заступились за пьяного, которого милиция хотела арестовать на центральном рынке. Выпивший гражданин под арест идти не желал и при задержании оказал сопротивление сотрудникам охраны общественного порядка. Возникла потасовка с применением оружия. Один человек был убит, один ранен. 15 особо отличившихся в драке привлечены к уголовной ответственности».

«Усмирители»

Безусловно, интересны и воспоминания участника подавления Бийского погрома Евгения Дорохова, работавшего в ту пору заместителем начальника комитета госбезопасности по Алтаю – позже он был начальником УВД края. В апреле 2002 года в Москве я записал на диктофон его воспоминания об этом событии.

По мнению Дорохова, милиционеры при задержании мужчин на базаре, переусердствовали. Кроме ругани внимание толпы привлекли звуки милицейского свистка и первого выстрела из пистолета.

Сильно «завёл» толпу странный инцидент. Один бродяга (теперь таких людей называют бомжами) купил или украл на рынке субпродукты (печень, сердце, лёгкие), «обмыл» приобретение и, размахивая окровавленным свёртком, что-то тоже кричал в толпе. В этот момент цыганка, потерявшая в толпе ребёнка, подняла крик на весь базар. Ей показалось, что бродяга убил её цыганёнка, недаром же он машет окровавленным свёртком. Словом, в толпе возникали и распространялись самые невероятные, нелепые слухи.

По словам Евгения Дорохова, к тому времени из Барнаула в Бийск на самолёте АН-12 прибыло немало руководителей силовых структур, в том числе и он. Было принято решение ввести в Бийск танковое соединение, которое дислоцировалось в городе. Вид вышедших на улицы танков ещё сильнее обозлил людей. Как утверждает Дорохов, танки стояли у текстильной фабрики, и даже «маленько стреляли». Я пытался уточнить детали:

– *А какими снарядами стреляли? Холостыми или боевыми?*

– Всяко было. Там была опасность: толпа уже подходила к винзаводу. Если б люди ворвались на винзавод – весь город разнесли бы. Это на улице Кирова – где горисполком старый находился. Да и отдел милиции рядом, а в нём хранится оружие. Стрельба, действительно, была. Сначала холостыми, потом – зарядами.

– *Кто принимал решение об этом?*

– Я этого не помню.

– *Кто был арестован?*

– Арестовали около 20 человек. Молодёжь в основном. Среди них были и уголовники. Но взяли, например, и трёх глухонемых ребят. Они не понимали, что происходит, однако участвовали в потасовке. Кажется, их тоже приговорили к расстрелу. Толпа бесчинствовала, крушила всё.

Похороны

Дело о бийском погроме выгодно представили, как пьяный дебош без каких-либо требований со стороны участников волнений. Быстро арестовали, как принято говорить, зачинщиков, организаторов и вдохновителей беспорядков. Поспособствовал этому, как рассказывают, один чекист, который снимал на кинокамеру или фотоаппаратом все перипетии волнений в Бийске.

Виталий Сорокин в книге «Последний в когорте железных вождей», констатирует, что «несколько человек со стороны митингующих погибли». На похоронах люди несли лозунги: «Их убили блюстители порядка», «Моя милиция меня бережёт». Когда процессия шла мимо одного из опорных пунктов, группа людей ворвалась в помещение пункта, разбила стёкла, сорвала дверь, поломала мебель, но завладеть оружием нападавшие не смогли.

Однако другие источники утверждают, погиб лишь один человек – Захар Соколов (вернее, умер через сутки после ранения). Больше жертв не было. Зверски избитый милиционер Зосим и легко раненый Панькин выжили, несколько человек, включая милиционеров получили травмы.

Родственник 45-летнего работника «Заготзерно» Захара Соколова, с которым я беседовал, утверждает, что похороны прошли тихо, без эксцессов. Правда, было заметно присутствие незнакомых мужчин «в гражданском».

Верно, что бийский погром произошёл раньше, чем подобные события в городах Владимирской области Муроме (30 июня 1961 года), Александрове (23 июля 1961 года) и Новочеркасске Ростовской области (1-3 июня 1962 года), где власть также подавляла всбунтовавшихся жителей силой оружия. Поводы восстаний были разными (в основном, антимилицейские), а причины – повышение цен на товары массового спроса, жёсткий дефицит товаров и продовольствия, резкий рост производственных норм выработки и снижение расценок, борьба с алкоголизмом и «против антиобщественных проявлений». В итоге, давно копившееся в народе недовольство действиями властей вылилось в противостояние с ними. Но до серьёзных экономических и политических требований дело не дошло.

КАМЕНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

15 февраля 1965 года произошло самое мощное на севере Алтайско-го края за последние полтора века сейсмособытие.

Первый толчок был отмечен в 19 часов 35 минут местного времени в районе города Камня-на-Оби. Сейсмологи оценили его мощность в семь баллов по шкале Рихтера. Землетрясение ощущалось на большой территории. В таких городах, как Новосибирск и Барнаул, сила достигала 3-4 баллов и сопровождалась серией более слабых, повторных толчков, которые наблюдались до начала апреля 1965 года и позже.

Пресса молчала

По тогдашней традиции никаких сообщений в прессе об этом катаклизме не было. Поэтому удивительно появление спустя полтора месяца после события, 4 апреля 1965 года, в газете "Алтайская правда" статьи учёных Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. Вероятно, власти края, где и поныне нет серьёзной сейсмологической службы, ничего не могли ответить людям на вопросы о том, что ещё стоит ожидать от природы, или нуждались в публикации для того, чтобы добиваться от Москвы средств на ликвидацию последствий землетрясения. Статья не даёт, к сожалению, ответов о масштабах разрушений, но объясняет сущность явления.

Итак, эпицентр землетрясения находился в 10-15 километрах к юго-востоку от города Камень-на-Оби, в пойме Оби, а сам очаг располагался на глубине 15-20 километров. Повреждения сооружений (трещины в капитальных стенах и внутренних перегородках, в печах, обрушение штукатурки, падение печных труб и так далее) имели место лишь в радиусе 15-20 километров от эпицентра.

Сейсмологи знают, что для Камня землетрясения не являются редкостью, эта стихия отмечалась здесь в 1829, 1882, 1914 и 1931 годах. Такая аномалия объяснялась ими тем, что город стоит на разломе земной коры.

Подземные толчки, по воспоминаниям старожилов города, продолжались несколько дней. В результате многие жилые дома, производственные корпуса, здания школ, больниц были серьёзно повреждены и выведены из строя.

Городские власти оперативно сформировали чрезвычайную комиссию по ликвидации последствий стихийного бедствия. На первом же заседании она обязала домоуправления срочно принять исчерпывающие меры к тому, чтобы освободить аварийные жилые помещения. Людей размещали в клубах предприятий и организаций, подселяли по согласованию с квартиросъёмщиками.

Без света и воды

Вспоминает Анатолий Мельников, бывший председатель краевой комиссии по ликвидации последствий землетрясения в Камне: «Я, как начальник краевого управления коммунального хозяйства, в тот вечер докладывал какой-то вопрос председателю крайисполкома Степану Кальченко. Краем глаза отметил такую картину: люстра в его кабинете раскачивается, дверь сама открылась, потом закрылась. Прервал я свой доклад, говорю: «Степан Власович, что-то ненормальное: может быть, опять взрыв на Семипалатинском полигоне?»»

Председатель крайисполкома по телефону ВЧ позвонил командующему Сибирским военным округом. Там ему ответили, что военные в эти дни ничего не проводили.

Вскоре из Камня пришло известие о землетрясении. В городе отмечались разрушения, не было ни света, ни воды. Кальченко своим распоряжением тут же назначил меня председателем комиссии по ликвидации последствий землетрясения в этом городе. И я с группой проектировщиков и других специалистов срочно выехал в Камень.

Картина разрушений, которая открылась моим глазам, – удручающая. Немало зданий и сооружений пострадало, но жертв, к счастью, нет. Городто в основном одноэтажный, деревянный – это и спасло людей. Без труда обнаружили большие трещины в здании железнодорожного вокзала, некоторых жилых домах и производственных помещениях. Наибольший ущерб был нанесён кирпичным зданиям, также повредило, а кое-где и разрушило водопроводные и канализационные сети. Начали обследовать пострадавшие объекты, помогать местным властям восстанавливать объекты жизнеобеспечения.

Деревянный элеватор, построенный Юрием Кондратьюком без единого гвоздя.

Начали обследовать пострадавшие объекты, помогать местным властям восстанавливать объекты жизнеобеспечения.

Я в Камне-на-Оби находился больше месяца. За этот период было зарегистрировано свыше ста подземных толчков. К этому, надо сказать, люди постепенно привыкли. Проснешься ночью – качает, гостиница поскрипывает, выйдешь на улицу, а город спокойно спит.

Землетрясение в Камне позволило поставить вопрос перед московскими ведомствами об укреплении материально-технической базы города. Была создана хорошая ремонтно-восстановительная организация, оснащенная оборудованием. Что-то получила от МПС станция Камень. Быстро удалось построить большое количество жилья, куда были переселены семьи из аварийных домов. Оперативно возвели хорошую гостиницу, существующую поныне, благоустроили набережную Оби».

Помощь в восстановлении пострадавшего города предложил бывший первый секретарь крайкома Константин Пысин, переведенный накануне на должность первого заместителя председателя Совета Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Он позвонил из Москвы: «Присылайте документы. Я пробью все просьбы здесь, в Совмине...»

Не было бы счастья...

По воспоминаниям бывшего первого секретаря Каменского горкома партии Героя Социалистического труда Евгения Парфенова, «вместе с Михаилом Витальевичем Васильевым (он работал вторым секретарем крайкома партии) мы три дня в Совмине России выпрашивали деньги на восстановительные работы. Нам удалось добиться в Совете Министров РСФСР выделения 13,5 миллиона рублей на ликвидацию последствий землетрясения 1965 года.

Практически это финансирование дало мощный импульс строительству жилья и объектов соцкультбыта в Камне».

В пострадавший город неоднократно приезжали представители правительства страны и краевых органов власти, подсчитывали нанесённый землетрясением ущерб. На основании этих документов были выделены деньги, строительные материалы, оборудование и техника. И во втором полугодии 1965 года в Камне всю развернулось сооружение жилищ для лишённых крова на улицах Ленинградской, Гоголя и других.

Финансирование осуществлялось через Госбанк. Подряд на выполнение работы был передан ПМК-32 треста «Алтайэлеватормелешстрой» (начальник мехколонны – Стукальский), СПМ-302 (начальник – Константинов) и ремстройуправлению (начальник – Слаутин). В сжатые сроки город обзавёлся несколькими десятками новых жилых домов, общежитиями для студентов медицинского и педагогического училищ.

По сведениям Татьяны Зенухиной, бывшего директора Каменского краеведческого музея, «...в сжатые сроки выросли целые микрорайоны,

Железнодорожный мост через Обь.

получившие название Черёмушки и 330-й квартал. Позднее здесь появились кинотеатр, магазин, детские сады, средняя общеобразовательная и музыкальная школы.

Появилась возможность целена-

правленно финансировать и развитие здравоохранения. Были оперативно построены котельная, пищеблок и гаражи в райбольнице, три корпуса и пищеблок в психбольнице, стационар трахоматозного диспансера, пищеблок с прачечной в кожном диспансере, котельная в санэпидемстанции, аптека № 78».

Известный барнаульский сейсмолог Борис Леконцев оказался в командировке в Камне на следующий день после землетрясения. По его впечатлениям, население было, конечно, взбудоражено. Но больших разрушений, развалин он не заметил.

А самым запоминающимся для местных жителей стало то, что во время землетрясения внезапно выключилось электричество. В пору «холодной» войны часто твердили о «происках милитаристов», так что немало каменцев приняли это как знак начала нового мирового противостояния социалистического и капиталистического лагерей.

Ждать ли повторения?

Одной из причин активизации сейсмичности в Камне барнаульский учёный Борис Лузгин считает и воздействие человека на природу. «...В зонах строительства крупных водохранилищ нельзя исключить этот антропогенный триггерный фактор и для Каменского сейсмогенного узла у Новосибирского (Обского) водохранилища, с общим объёмом накопленных водных масс в количестве 8,8 квадратного километра, что соответствует дополнительной гравитационной нагрузке в девять миллионов тонн. О возможности подобного сценария развития событий свидетельствует и время активизации здесь землетрясений, которое определено перераспределением гидростатических нагрузок в течение 6-9 лет после полного заполнения

водохранилища водой (1957-1959 годы). Во всяком случае, исключать этот вариант инициирования здесь землетрясения нельзя».

Первым в отечественной литературе привёл сводку влияния водохранилищ на инициирование и развитие землетрясений учёный Михаил Львович. Из его обзора данной проблемы следует, что крупнообъёмные массы воды оказывают самое активное влияние на перераспределение напряжений в земной коре и могут стать причиной как возникновения землетрясений, так и возрастания их силы при расположении водохранилищ в сейсмически активных зонах. При этом реакция на нагрузку обычно запаздывает по отношению ко времени заполнения их водой, а сам диапазон такой временной задержки обычно составляет несколько лет.

К счастью, за прошедшие десятилетия в Каменской зоне землетрясений больше не отмечалось, но специалисты не исключают их повторения. Однако когда это может произойти и произойдет ли – этого никто в мире сказать не может – нет таких методик, технологий и специалистов.

ЗЕМНЫЕ ОРБИТЫ

Широко известно, что на Алтае родились космонавты Герман Титов и Василий Лазарев. Здесь также приземлялись покорители неба, в том числе первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова и Василий Лазарев. На территорию Алтая падают отработанные ступени ракет-носителей космических кораблей. Поэтому у жителей края по поводу освоения межзвёздного пространства – противоречивые чувства...

День 19-го июня 1963 года был обычным, будничным, рабочим. В семье Ивана Авдиенко с обедом задержались. Хозяин, пастух совхоза «Заря», отсыпался после суточного дежурства, его супруга не смогла вовремя забежать домой перекусить. Скромная летняя трапеза – окрошка, хлеб, да молоко – была скорой.

Иван Фёдорович направился на улицу покурить. Но буквально на крыльце услышал, как вдруг летнюю послеобеденную тишину разорвал какой-то хлопок, похожий на выстрел. Он интуитивно вскинул голову вверх. Авдиенко знал, что когда самолёты преодолевают скорость звука, раздаётся такой вот характерный хлопок, и только потом в небе можно было различить само-

лёт. Но сколько Иван Авдиенко не напрягал зрение, летательного аппарата так и не увидел. А вот парашюты – их он насчитал аж целых пять – на глазах вырастали из маленьких тёмных точек в светлые овалы.

Ивана Авдиенко осенила догадка: «Уж не шпионов ли выбросили?!». Ведь совсем недавно, 1-го мая 1960 года, под Свердловском советские ракетчики сбили американского шпиона Фрэнсиса Пауэрса. Но жена, слышавшая накануне по радио о запуске двух космических кораблей, вслух предположила: «Так это ж космонавт!» Ещё она напомнила мужу о том, что слышала из сообщения ТАСС, что командиром одного из них была женщина, по имени Валентина, и поделилась наблюдением о том, что с утра в небе барражируют самолёты.

Иван Авдиенко, не медля, бросился разыскивать родственника Василия Цариценко, пожарного из Баева (как-никак, человек работает в милиции!), ещё утром прибывшего в посёлок Мурашкинский на мотоцикле к теще качать мёд. Они поняли друг друга с полуслова, и вот уже Василий рванул на мотоцикле вместе с Авдиенко в степь.

ИЖ-56 как раз приближался к тому месту, куда приземлялся парашют, управляемый человеком. Остальные, как оказалось, были непилотируемые, грузовые, причём на одном из них был закреплён яйцевидный спускаемый аппарат. Мужчины заметили, что ветер сносит парашютиста, в момент приземления он не смог погасить купол, отчего его опрокинуло на спину и тащило по земле. Пока Василий Цицаренко ставил мотоцикл, Иван Авдиенко подбежал к тому, кто в буквальном смысле слова, спустился с неба.

– Здравствуй, – радостно-осторожно произнёс Иван Авдиенко, разглядывая необычную экипировку человека. Почему-то сразу бросились в глаза пышные волосы на плечах. Сомнений не было: перед ним была женщина.

Она ответила на приветствие, затем, оглядевшись вокруг, спросила: «Где же я приземлилась»? Мужчины в один голос ответили: «В Алтайском крае». Космонавт аж ахнула: «Вот это я просвистела!» Как оказалось, она должна была приземлиться в Карагандинской области Казахстана.

В первую же минуту после её приземления, они отметили на переносице небольшую травму. Спросили, отчего синячок? Она пояснила, что ударилась обо что-то твёрдое при катапультировании из спускаемого аппарата. Но тут же пояснила, что в космосе чувствует себя отлично. «В небе хорошо. Но на родной советской земле – лучше».

На самом деле, в полёте Терешкова чувствовала себя плохо, её рвало, она долго не выходила на связь с землей. Да и заминка с приземлени-

ем, вероятно, была связана с тем, что она прятала за обшивку спускаемого аппарата грязный костюм. Авдиенко и Цариценко видели его, но многие годы молчали об этом факте.

После знакомства Валентина Терешкова, словно вспомнив о долге, раскрыла рюкзак, в котором были надувная лодка, рация, пистолёт и нож. На вопросы сельских жителей, зачем ей всё это богатство, отвечала кратко: лодка необходима на случай приводнения, пистолёт и нож могли

Валентина Терешкова. Автограф на фотографии, подаренной Ивану Авдиенко

Иван Авдиенко.

бы пригодиться, если бы приземлилась, например, где-нибудь в тайге. Связалась по рации с Валерием Быковским, который ещё продолжал космический полёт: «Я – «Чайка»,

«Чайка», приземлилась, всё нормально». И только тогда, извлекла из комбинезона два собственных фотоснимка, и, предварительно спросив фамилии, подписала их тем, кто первыми встретил её на Земле. Иван Фёдорович решил поправить космонавта, воспринявшую на слух его фамилию, как Авдеенко, хотя по паспорту он значился Авдиенко. До образования толпы Терешкова успела поинтересоваться тем, где приземлились грузовые парашюты и попросила не растаскивать их на сувениры, так как они, якобы заминированы, что, однако не остановило любопытствующих.

Её всё больше окружали люди, примчавшиеся к месту приземления космонавта на всех видах транспорта не только из соседних деревень, но даже из Баева, Благовещенки, Завьялова и Камня-на-Оби.

Люди всё плотнее окружали космонавта. Без конца спрашивали, не хочет ли она кушать? Терешкова ответила просто: «С удовольствием отведала бы самой земной пищи – картошки и чёрного хлеба».

Авдиенко не может сегодня вспомнить фамилии тех, кто угостил её этими простыми лакомствами. Но публикации тех дней утверждают: горячую варёную картошку с хлебом преподнесла ей продавец Галина Капиносова. Предлагали также яйца, молоко, мёд. С приездом совхозного начальства преподнесли также хлеб-соль, подняли тост за успешное приземление. В более поздних публикациях её упрекали за то, что она отведала молока – это врачи ей категорически запрещали, но она, видимо, на радостях забыла о запретах.

Валентина Терешкова принялась угощать собравшихся космической пищей, расфасованной в тубы, похожие на тубики из-под семейной зубной пасты – хотя и этого делать ей было нельзя. Надо ли говорить, что желающих отведать такого лакомства было, хоть отбавляй! Ивану Авдиенко досталась туба, наполненная питьевой водой. Влага оказалась обычной, земной.

На всех желающих, конечно же, космических подарков не хватило.

Военные из группы обеспечения посадки, ответственные за сохранность космических объектов почему-то появились только через час после приземления Терешковой. По словам Валентина Агаркова, работавшего в ту пору в Завьяловском райкоме партии (территория нынешнего Баевского района, на которую приземлилась космонавт, тогда входила в состав Завьяловского района) и проводившего отпуск в Нижней Чуманке, один или два военнослужащих, опустившихся из самолёта поиска на парашютах, получили травмы. Иван Авдиенко вспоминает, что старший среди них, обеспокоенный «раздачей космических сувениров», угрожал собравшимся, что будет стрелять по тем, кто приблизится к охраняемым объектам. На что какой-то дед – участник войны полусушня парировал: «Стреляй! Всех не перестреляешь!»

Газетные хроники тех дней свидетельствуют, что Валентину Терешкову буквально засыпали вопросами. Спрашивали про самочувствие. «Отличное!» – отвечала звездолётчица. А старушка Нечунаева задала такой вопрос: «Высоко ты летала, доченька. А бога не видела?» «Нет, бабуся, бога не видела». Вдруг объявилась землячка из Ярославля доярка Шевцова – Терешкова с ней радостно расцеловалась.

Дальше воспоминания очевидцев разнятся. Иван Авдиенко утверждает, что в степи приземлялся, кроме вертолѐта с медиками, ещё один – с журналистами и дублѐршей космонавта, с которой она знакомила собравшихся. Гости привезли цветы, шампанское, фрукты. По его словам, дублѐр была крупнее и полнее хрупкой Терешковой. Кроме того, она якобы утверждала, что в отряде космонавтов есть и девушка с Алтая. Другие источники опровергают эти факты.

Тем временем, Терешкова попросила отвезти её в отделение связи, чтобы доложить о завершении полѐта. Несколько автомашин направились в Нижнюю Чуманку, центральную усадьбу совхоза «Заря». Достоверно известно, что космонавт попросила остановиться на окраине села, чтобы утолить жажду. Старших в семье кузнеца Тихона Тарасова не оказалось дома, но девятилетняя дочь Лариса не растерялась: напоила Терешкову водой и подарила ей хлебный каравай.

Ирина Сувалова несла в тот день дежурство в отделении связи, располагавшемся в избушке, крытой соломой. Она и ныне отчётливо помнит это событие. Связистов близлежащей округи предупредили ещё с утра о возможности «важной правительственной связи». С волнением Сувалова сообщила Терешковой: «На проводе – Москва». Та по-военному доложила первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущёву об успешном завершении полѐта. Никита Сергеевич, в свою очередь, тепло поздравил первую в мире женщину-космонавта с этим событием, и подчѐркнул, что «мы тебя будем чествовать в Москве».

Вскоре после этого у околицы Нижней Чуманки приземлился «курузник», унесший космонавта-6 в Барнаул. Затем она отправилась в Москву.

Иван Авдиенко, через несколько месяцев, осенью 1963 года вынужден был покинуть неперспективный посѐлок Мурашкинский, около 30 лет работал на ремонтном заводе и элеваторе в Барнауле, а к пенсии переехал в райцентр Мамонтово.

Спустя годы, во время работы XXIV съезда партии, его делегат, трактористка совхоза «Заря» Баевского района Мария Мамзина пригласила Терешкову на открытие памятной стелы на месте её приземления, приуроченное к 10-летию полѐта первой женщины к звѣздам. Та пообещала, но в канун события прислала извинительную телеграмму. Стелу разместили чуть севернее от точки приземления, поскольку там было болотистое место. Между прочим, когда-то ближайшим населѐнным пунктом к нему был по-

сёлок под названием Израиль. Неподальёку от памятной стелы установлена бетонная тумба, обозначающая, что здесь опустился спускаемый аппарат.

В начале 80-х местные власти решили увековечить приземление Терешковой на территории Баевского района и установили рядом с райцентром на обочине автотрассы ещё одну стелу – фигуру летящего космонавта. И вновь Валентина Терешкова не смогла приехать.

В 1988 году, в канун 25-летия её полёта, автор этих строк, работавший тогда на краевом радио, дозвонился до руководителя общественной организации сотрудничества СССР с иностранными государствами Терешковой. Валентина Владимировна тепло вспоминала Алтай, картошку с хлебом, которой угостили её в степи, вновь обещала приехать к нам. Но и в этот раз она так и не прилетела на Алтай.

Довелось мне быть гостем в квартире нашего земляка-космонавта Василия Лазарева. А попал к нему я так. В апреле 1975 года Лазарев отправился во второй звёздный полёт, но у ракеты-носителя по каким-то причинам не отделилась вторая ступень. Пришлось ему с напарником Олегом Макаровым, уроженцем Кузбасса совершать аварийную посадку. Уроженец села Порошино Кытмановского района приземлился в нескольких сотнях километрах от малой родины на стыке Чарышского и Усть-Канского районов. Поскольку запуск корабля был ночью, они подумали, что приземлились на территории Китая, с которым в те годы у СССР были натянутые отношения. Пришлось коротать ночь в холодных горах, и только ранним утром удалось сориентироваться и подать сигналы поисковикам. Жители Чарышского по сей день помнят, как по их селу в горы мчались танкетки – люди всерьёз думали, что началась война...

Аварийное приземление и холодная ночёвка отразились на здоровье космонавта – он попал в московский госпиталь. Один крупный барнаульский чиновник должен был доставить космонавту посылку, содержащую флаконы дефицитнейших по тем временам облепихового масла и пантокрина, выпускаемых в Бийске. Чиновник ушёл в загул и только перед возвращением домой вспомнил о неврученной посылке.

Я в ту пору учился на журфаке одного из столичных вузов, и он поручил мне доставку посылки Лазареву. Через день, предварительно созвонившись с ним, я был в его квартире, расположенной в одном из двух многоэтажных домов рядом с памятником Гагарину в Звёздном городке. Прежде всего, меня вдоволь накормили домашними блюдами. Мы с супругой космонавта Луизой Ивановной потягивали коньячок, а Василий

Лазарев, отказавшийся от спиртного, полулежал на диване. Однако разговор поддерживал оживлённо – у нас оказалось немало общих знакомых на Алтае, где супруги бывали довольно часто.

Уже в качестве журналиста я брал интервью у космонавта Германа Титова. А в школьные годы побывал в его родном селе Полковниково Косихинского района. Принимал нас его отец, сельский учитель. На всю жизнь мне запомнился его рассказ о перипетиях, в которые он попал сразу после полёта сына в космос. Его увезли из дома в хлопчатобумажных штанах сначала в Барнаул, а потом в Москву. Эта история кончилась благополучно: по

Герман Титов.

выходе из самолёта переодели в гражданский костюм. Но главные для него испытания случились на правительственном банкете по случаю успешного завершения полёта его сына. Официант предложил целый поднос фужеров, рюмок и рюмочек. Степан Павлович решил взять самую малую из них, полагая, что большую брать как-то нескромно. Но в крохотной рюмке оказался крепчайший ром. Потом сконфузился из-за того, что пил до дна после каждого из многочисленных тостов, в то время как другие участники банкета лишь пригубляли спиртное. Но ещё больше сельский учитель опростоволосился... из-за ложки. Первое блюдо скушал с удовольствием. Но ему вновь и вновь ставили на стол суп, а по деревенской привычке он не мог не доедать содержимое тарелки. Выручил официант, шепнувший ему, что сигналом отказа от блюда является перевернутая ложка.

Также наш край посещали космонавты Алексей Леонов (январь 1992), Георгий Гречко (июнь 2000, лето 2008), Виктор Савиных (2003), Евгений Хрунов, Анатолий Филипченко. Виктор Горбатко был на Алтае в июле 1983 года во главе делегации советско-монгольской дружбы, а Валентин Лебедев отдыхал на Телецком озере в июле 1978 года перед вторым звёздным полётом. Однако один из них – Сергей Кричевский (он прошёл полный курс подготовки, но не летал в космос) приезжает сюда работать. Эколог по образованию, он несколько раз участвовал в научно-практической конференции «Алтай-Космос-Микрокосм». Его научные интересы сосредоточены

на изучении последствиях падения отделяющихся частей ракет-носителей космических кораблей. Кричевский не понаслышке знает о вреде, который наносят здоровью населения края полёты к звёздам.

Так что, жители Алтая при желании могут «прочитать» в истории освоение космоса как светлые, так и тёмные страницы...

КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР

Треть территории и четверть населения Алтайского края страдают от многолетнего воздействия ракетно-космической деятельности. Военные, учёные, власти хранят тайну или бездействуют, население смутно догадывается о страшных последствиях. В 1998 году я опубликовал в газете «Сводобный курс» цикл очерков на эту тему. С тех пор почти ничего не изменилось...

Почему люди боятся небес?

Июльским утром 1997 года житель села Плоское Третьяковского района Михаил Емельянов обнаружил во дворе усадьбы странные перемены. Какая-то жидкость осела на деревьях и кустарниках, траве и постройках. Она имела маслянистую основу, светло-жёлтый или коричневатый цвет. Отдельные участки почвы были покрыты пеной, пузырились. По наблюдениям Михаила Александровича, вещество с разной периодичностью обнаруживалось в течение нескольких дней. Последний выброс странной жидкости был отмечен им в ночь на 20 июля. Хозяин усадьбы обратил внимание, что во всех случаях она появлялась в ночные часы в облачную погоду.

Михаил Емельянов жаловался, что вещество имеет очень резкий запах.

Фрагмент ступени ракеты-носителя близ села Плоское Третьяковского района.

Приближение к очагам вызвало у него сильнейшую рвоту. Затем появились устойчивая головная боль, рези в области желудка.

Ему ничего не оставалось, как пригласить комиссию сельской администрации, чтобы зафиксировать данные явления. Глава местного самоуправления Пахомов, участковый инспектор милиции Куликов, заведующий фельдшерско-акушерским пунктом Васильев в присутствии депутатов сельского Совета Владимирской и Моисеевой произвели на усадьбе взятие проб для экспертизы вещества неизвестного происхождения и составили соответствующий акт.

Хозяин усадьбы, надев на лицо повязку, вынужден был утилизировать ядовитую субстанцию в объёме около ведра в выгребную яму. С поражённого кустарника в присутствии членов комиссии всё ещё стекала странная жидкость. Они не могли не отметить, что наличие сторожевых собак у дома, отсутствие каких-либо следов на росе, характер поражения усадьбы полностью исключали занос странной жидкости наземным путем. Близ дома Емельянова кроме пробы вещества, были также взяты образцы почвы и растений.

В те же дни ещё несколько жителей села Плоское – Буднецкая, Васильева, Куимова и другие обратились в комиссию с жалобами на наличие на их усадьбах вещества неизвестного происхождения, из-за чего, по их мнению, погибло почти всё, что росло в садах и огородах. Характер разброса жидкости по всему селу, включая лесопарковую зону, свидетельствовал о том, что выброс произошёл с воздуха. Большая концентрация субстанции в отдельных очагах исключала вероятность выпадения неизвестного вещества с осадками.

Кроме того, стало известно, что несколько человек, купаясь в реке получили поражение кожи. 23 июля один из них был направлен в районную больницу. Дети, бегавшие утром по росе, жаловались родителям на жжение кожи, слабость, головокружение. Село оказалось отрезанным от мира: странная жидкость попала на телефонный провод и частично уничтожила его.

Уже несколько лет люди делились с главой администрации села Виктором Пахомовым странными фактами и наблюдениями. Охотники замечали, что у деревьев в горных распадках кора на древесине – бурая, будто в оспинках.

В одну из ночей внезапно погибла лесополоса на границе с соседним колхозом «Сибирь». Мистика, да и только: молодые тополя надломились, упали, будто поражённые молнией. Спустя полгода неподалёку от злощастной лесополосы погибла берёзовая роща. А потом внезапно загорелся

луг близ села. Из-за участвовавших пожаров было даже заведено уголовное дело. Увы, вскоре его пришлось закрыть, так как злоумышленником оказались... самовоспламеняющиеся брызги, падающие с неба, чему был свидетелем один из руководителей хозяйства Третьяковского района.

С середины 90-х люди в Плоском стали замечать, что в округе почему-то исчезли все, до единого, грызуны. Не стало ни сусликов, ни сурков, которых здесь прежде было очень много. С 1997 года в хозяйстве не проводят дератизацию животноводческих помещений: все-все крысы ушли куда-то в горы, вероятно, на территорию соседнего Казахстана. Нет этого постоянного спутника человека и на сельских подворьях. Одновременно было отмечено,

что на пастбищах, расположенных на правом берегу реки Алей молодняк животных перестал давать привесы, начался падёж. Проверили – отравление. Специалисты пожимали плечами: воздействие удобрений исключено, так как их в хозяйстве уже лет десять не используют. Вынуждены были забросить эти пастбища. Скот, в том числе частный, стали пасти на левом берегу Алея. Но и здесь был отмечен массовый падёж скота. Признаки – те же самые.

Лопнуло терпение и у Виктора Пахомова, когда пришлось забить всех трёх собственных коров, одна из которых накануне принесла телёнка-мутанта с изменёнными в виде крыльев рёбрами.

Резко возросла заболеваемость среди населения. Смертность в селе в 1997 году, по сравнению с 1995-м, увеличилась в два с половиной раза.

Почему военные стреляют по своим?

Трассы космических полётов пролегли над территорией Алтая ещё в далёком 1957 году, со времен Белки и Стрелки. Космодром в Байконуре обеспечивает реализацию космической программы страны. И не только нашей, ибо в последние годы российские ракеты-носители выносят на орбиты десятки иностранных объектов. Космос коммерциализировался.

Виктор Пахомов.

Проблема воздействия на всё живое в местах падения отделяемых частей ракет-носителей (ОЧРН) обострилась именно в 90-х годах, в связи с наращиванием количества пусков. Если в прежние времена производилось 4-5 запусков в год, то в последнее время они осуществляются всё чаще и чаще.

Ситуация осложнилась тем, что в 1999-2000 годы предполагалось запустить в космос столько объектов, сколько было выведено на орбиты за 32 предшествующих года. Только для создания международной космической станции в 2003 году было запланировано 33 полёта американских кораблей, 55 – российских, один – европейский и три – японских.

Тем временем директор Российского космического агентства Юрий Коптев в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС заявлял: «Россия намерена добиваться увеличения числа запусков иностранных спутников с 23 до 32 в период до 2000 года. А затем вообще потребовать отмены всяких установленных для неё квот».

Многие годы на территорию Алтая падали отделяющиеся части вторых ступеней ракеты-носителя «Союз», работающей на керосиновом топливе. По некоторым данным, с начала 90-х годов здесь же стали приземляться ОЧРН «Протон» (прежде их районы падения располагались в Туркмении), управляемой жидким топливом, именуемым гептилом.

Места падения отделяемых частей обеих российских ракет-носителей на специальных картах обозначены, как зона Ю-30. Она включает в себя районы: 306-й, начинающийся в восточной оконечности территории Третьяковского района и захватывающий также территории Змеиногорского и Чарышского районов. Общая площадь 306-го района – почти полторы тысячи квадратных километров. Следующий, 307 район падения располагается на территории Чарышского района и ряда регионов Республики Алтай, граничащих с ним. В Горном Алтае также раскинулись 309 и 310 районы падения, наслаивающиеся друг на друга. А 326 и 327 уходят на территории Хакасии и Тувы, немного прихватывая Кемеровскую область.

Останки ракет в лесу – не редкость.

Территории упомянутых регионов буквально завалены металлическими частями от падающих на землю ракет-носителей, в чем убеждаются и туристы, путешествующие по горам Южной Сибири. ОЧРН буквально окружили жилище знаменитой Агафьи Лыковой, живущей глубоко в сибирской тайге. Местное население давно приспособо-

было бесхозный металл в хозяйстве: использует как кровельный материал, делает лопаты, коптильни, ложе для саней, сдаёт как цветной металл. Один такой лист, кстати, упавший при запуске Юрия Батурина, бывшего помощника президента Бориса Ельцина жители третьяковского посёлка Светлая Заря обнаружили в ручье, в трёх метрах от жилого дома.

Но, кажется, главная опасность, подстерегающая всё живое в районах падения ОЧРН – компоненты ракетного топлива, которые остаются в упавшей на землю отработанной ступени. Ведь кроме керосина и гептила в нём имеются окислители, присадки для ускорения процесса горения и создания ударной силы. Особенно опасны для живых организмов такие добавки, как бериллий, фтор, алюминий, жидкие водород и кислород, синтин и другие.

По некоторым данным, гептила, как правило, остаётся в отделяемых фрагментах ракет до полутонны, концентрированной азотной кислоты – в два-три раза больше. В последнее время военно-космические силы России, работая на коммерческой основе, вынуждены увеличивать полезный вес выводимых на орбиту объектов. Осуществляется это за счёт повышения эффективности топлива, применения таких присадок, которые значительно повышают удельный импульс тяги.

График полёта космических объектов хорошо известен. Но в конце 90-х годов прошлого века, наряду с заранее объявленными, происходили какие-то тайные запуски. Жители Третьяковского района имеют фотосвидетельства того, что здесь приземлялись, по всей видимости, боевые ракеты. Замечено: их запуск осуществлялся, как правило, ночью, в непогоду. При пролёте они издают совершенно иной звук, чем при запуске ракет-носителей (жуткий грохот), и, приземляясь, уходят глубоко в землю, оставляя в ней воронки.

Совершенно другой представляется и визуальная картина при подобных запусках: на земле, деревьях, кустарниках оседает бурая пенящаяся жидкость, которая держится несколько дней и сильно действует на дыхательные органы. Не раз фрагменты боевых ракет находили в Горном Алтае охотники, также предполагающие, что здесь проводятся учебные стрельбы или происходит уничтожение ракет.

По свидетельству Виктора Пахомова, им 18 мая 1998 года отмечены два мощнейших взрыва близ села Плоское. Подобные явления замечал он и в предыдущем году. В местах взрывов на хлебных массивах механизаторы обнаруживали мелкие, размером в монету осколки каких-то ракет. А госинспектору по охране окружающей среды по Третьяковскому району Николаю Штифонову даже удалось найти фрагмент ракеты с номерным знаком.

За многие годы пусков эти люди научились отличать ОЧРН «Союза», «Протона» от других. В отличие от их светлых, широких и относительно толстых металлических пластин этот материал более тонкий, причём, зелёного цвета. Что это, если не армейские ракеты?! В июле 1998 года «Российская газета» сообщала, что на космодроме «Байконур» идёт отработка межконтинентальной баллистической ракеты «Днепр», снятой по договору СНВ-2 с вооружения. Её характеристика такова: из каждых десяти пусков, восемь – неудавшихся. Виктору Пахомову и Николаю Штифонову известно, что одна из таких неразорвавшихся ракет застряла в ветвях дерева в тайге.

«Протон-М» готов к старту.

Словом, есть основания предполагать, что под шумок космических запусков военные осуществляют и ракетный удар по собственному народу.

Почему молчат учёные?

Ровно сорок лет о последствиях ракетно-космической деятельности общественности ровным счётом ничего не было известно. Это являлось, да и сейчас является исключительной прерогативой военных и учёных, работавших на них. И только в конце 1990-х годов были опубликованы две первые научно-исследовательские работы. Впрочем, и их титульный лист украшает гриф «Для служебного пользования».

Тем не менее, группы учёных географического факультета МГУ, работавших, кстати, по заказу военно-космических сил РФ и Алтайского института водных и экологических проблем СО РАН, изучавшие масштабы загрязнения районов падения ОЧРН, в том числе, и на территории нашего края, пришли к выводу о неблагоприятной ситуации во всех природных средах, загрязнении значительных территорий Алтае-Саянского региона остатками ракетного топлива.

Учёными отмечено, что экологическая нагрузка на районы падения ОЧРН в Алтайском крае и Республике Алтай с момента ввода их в эксплуа-

тацию составила в целом свыше 11 тонн гептила, около 40 тонн азотного тетраоксида, 29 тонн керосина, 13 тонн синтина. Общий вес самих отделяемых частей упавших на землю оценивается в 270 тонн. Напомним, что один из основных видов российского ракетного топлива – гептил (по научному – несимметричный деметилгидразин) – сильнейший яд первого класса опасности. При окислении тетраокислом азота он образует химические соединения в десяток раз токсичней себя, и имеющие, кстати, время полураспада до двух недель. Гептил обладает неограниченной растворимостью в воде, высокой летучестью, способен к накоплению, образованию аэрозолей. К сожалению, из-за высокой летучести гептила, учёным и очевидцам никак не удаётся поймать военных за руку: он мгновенно улетучивается, оставляя после себя заражённую землю.

Однако военные успокаивают встревоженное население, что гептил, керосин и сжиженный кислород не столь опасны, как ему представляется. В то же время, они намеренно опускают, что в чистом виде эти компоненты ракетного топлива никогда не использовались. Известно, что применяются ряд присадок, ингибиторов для повышения или снижения химической активности, мелкодисперсные порошки таких лёгких металлов, как бериллий, литий, магний – для нераскачиваемости топлива в «баках»-ступенях ракет-носителей. Для повышения плотности топлива используют также ртуть и свинец.

Ещё один аргумент представителей военно-космических сил: мол, в районах падения ОЧРН выпадают, как правило, небольшие дозы гептила. Однако московский учёный Владимир Лупандин, автор первых публикаций в газете «Труд» о вредном воздействии космической деятельности для жителей Алтая, считает, что долговременное воздействие даже малых доз этого вещества приводит к вырождению популяции. Кстати, и онкологическая картина гептила схожа с той, которую получили тысячи жители Алтайского края от многолетнего радиационного воздействия ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне: короткий латентный период, затем бурное, стремительное протекание рака и мучительная смерть.

Также известно, что в США и многих других странах применение гептила попросту запрещено – там ракеты летают на твёрдом, экологически более безопасном топливе. А в нашей стране его используют не только как топливо для космических ракет-носителей, но применяют ещё и для заправки боевых ракет.

Кроме вреда от остатков топлива и металлических фрагментов, серьёз-

ной проблемой следует считать уничтожение озонового слоя Земли вследствие космических запусков. Есть данные, что на одну тонну выводимого на космическую орбиту груза приходится 37 тонн сжигаемого озона. Иными словами, озоновая дыра не успевает затягиваться, что грозит непредсказуемыми последствиями не только населению, проживающему непосредственно под ней, но и всему человечеству.

Специалисты знают, что с 1995 года резко произошло резкое наращивание запусков с космодрома Байконур. Секрет открывается просто: в большинстве космических держав запуск космических объектов стоит от 100 до 200 миллионов долларов, а в России – около 50. В других государствах значительная часть этих средств используется для реабилитации природы и оздоровления людей, страдающих вследствие этой специфической деятельности. А у нас? Ответ предсказуем. Потому-то в списке очередников для запуска объектов с российских космодромов наряду с США, числятся Люксембург, Австралия и многие другие страны, которым наши военные в сговоре с руководителями территорий предлагают по дешёвке вывести на орбиты спутники связи, космические корабли и т.п.

Интенсификация запусков сократила до предела паузы для реабилитации природной среды. Известно, что такие паузы должны длиться до 25 дней. Однако нередко «окна» едва насчитывают несколько дней, а нагрузки на биоценоз всё возрастают.

Неудивительно, что грамотные, умные люди, после бесплодных попыток хотя бы подтолкнуть государственных мужей к осознанию тех страшных истин, к которым пришли они сами, вынуждены были полагаться только на себя. Они создали общественную организацию «За экологическую безопасность космической деятельности», которую возглавил неугомонный Виктор Пахомов.

Месяцы ушли на то, чтобы договориться о проведении анализов взятых ими проб за пределами России, так как в нашей стране это сделать оказалось невозможно. Поскольку лаборатории, находившиеся в распоряжении военно-космических ведомств и подчиняющиеся командованию ракетными войсками стратегического назначения РФ, не заинтересованы в обнародовании жутких фактов геноцида собственного народа. А первые результаты анализов, произведённых в другом государстве, совершенно ошеломляют не только по основным компонентам ракетного топлива, но особенно по бериллию и солям тяжёлых металлов. Члены экологической организации пытаются организовать проведение исследования проб ещё в одной стране.

Почему бездействуют власти?

Десятки раз отчаявшиеся люди писали жалобы, просьбы, протесты в самые высокие кабинеты в Москве и Барнауле. В ответ – молчание, бездействие, отписки, в лучшем случае – полумеры.

Люди просят, требуют, возмущаются. Масштабы, глубина, возможные последствия для тех, кто проживает в районах воздействия космической деятельности страшны. Организуйте химический мониторинг! Незамедлительно застрахуйте население от экологического риска! Учитывая, что последствия долговременного воздействия ракетно-космической деятельности очевидны, необходим постоянный токсикологический контроль продуктов питания! Люди требуют, чтобы усилили фельдшерско-акушерские пункты в районах, подверженных воздействию ракетно-космической деятельности. Во многих сёлах отсутствуют специальные автомобили «скорой помощи», больных зимой подчас приходилось вывозить в районную клинику в корыте, прикреплённом к снегоходу. Администрация села Плоское обращалась к теперь уже бывшему губернатору Александру Сурикову с просьбой о помощи в приобретении специального медицинского автомобиля, но положительного ответа не последовало. Значительную часть года в отдалённых сёлах отсутствует и автобусное пассажирское сообщение. В населённых пунктах, лежащих вдоль трассы пролёта ракет необходима организация комплексных мер по реабилитации населения, включая регулярное обследование, квалифицированное лечение и санаторно-курортное оздоровление, материальные компенсации за вред, нанесённый здоровью.

Людям, проживающим здесь, также необходим специальный инструктаж по безопасности химического заражения. Их должны хотя бы информировать о графике космических пусков, предупреждать не пользоваться несколько дней после запуска водой из открытых водоёмов, не купаться в реках, не ходить босиком по росе и т.п., а также не использовать для хозяйственных целей обломки ступеней ракет-носителей.

Пришла пора обнародовать и выводы горно-алтайских исследователей во главе с Юрием Робертусом, включивших в регион выпадения гептила полностью – 16, и частично – восемь сельских районов Алтайского края. Это – Третьяковский, Змеиногорский, Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Смоленский, Красногорский, Курьинский, Алейский, Быстроистокский, Бийский, Зональный, Солтонский, Усть-Калманский, Поспелихинский, Краснощековский, Троицкий, Косихинский, Локтевский, Рубцовский, Шипуновский, Усть-Пристанский, Советский и Целинный районы. А ведь

это, ни много – ни мало, треть территории края, на которой проживает около четверти населения Алтая. Граница зоны гептилового загрязнения проходит чуть южнее линии Горняк-Поспелиха-Алейск-Троицкое-Целинное и составляет 52 тысячи квадратных километров. С большой высоты далеко разносятся остатки ракетного топлива.

8 января 1998 года Александр Суриков подписал от имени администрации края с главнокомандующим ракетными войсками стратегического назначения Владимиром Яковлевым договор на пять лет об использовании участков территории Алтая под районы падения отделяющихся фрагментов ракет при пусках с космодрома Байконур. Соседние территории Сибири, кстати, сделали это значительно раньше. А до этого военные вообще делали в небе Сибири всё, что хотели. Теперь они обязались уведомлять алтайскую власть за 10 суток о предстоящих пусках, допускать её представителей для визуального наблюдения и обследования зон падения ОЧРН и – внимание! – в случаях нанесения прямого или экологического ущерба возмещать его.

Стороны обязались в 1998-1999 годах провести целевые комплексные научно-исследовательские работы по оценке влияния ракетно-космической деятельности на окружающую среду и осуществлять экологическую экспертизу каждого пуска.

Впрочем, официальные источники об этом населению края не сообщили. Они в 1997-1998 годах лишь дважды информировали о данной теме: о факте выноса фрагмента ракеты за отведённые границы, вследствие чего был нанесён прямой материальный ущерб (речь шла о выведении из строя трансформаторной подстанции в селе Верх-Алейка Третьяковского района, на восстановление которой военные «отстегнули» 15 тысяч рублей в ценах 1998 года) и начале финансирования (в объёме до 200 тысяч рублей) исследований, организация проведения которых была поручена Алтайскому НИИ медико-экологических проблем. Однако населению от этой бюрократической возни ни жарко, ни холодно.

Изредка в районы наезжают учёные, а власти, кажется, боятся даже этого – однажды их представителя едва не взяли в заложники возмущённые бездействием жители села Верх-Алейка.

Ещё один теперь уже бывший руководитель края, председатель краевого Законодательного собрания – Александр Назарчук также оказался в числе «ликвидаторов». Он в конце 1990-х годов был включен в состав временной комиссии Совета Федерации по защите интересов регионов России, юридических лиц и граждан, пострадавших от неблагоприятных по-

следствий ракетно-космической деятельности. Однако ни в одном из своих многочисленных интервью ни разу не упомянул о своей деятельности на этом поприще. Вероятно, считая, эту проблему малозначимой?!

Измученные чиновничьим бездействием люди полагали, что найдут хотя бы соучастие у заместителя главы администрации края Якова Шойхета, в своё время приложившего немало усилий для разработки научной программы реабилитации лиц, пострадавших от Семипалатинских ядерных взрывов. По их мнению, доктор медицинских наук должен был если не сам включиться в эту работу, то, по крайней мере, организовать её. Однако убаюкивающие нотки его ответов и публичных выступлений по данной теме сделали вице-губернатора едва ли не главным виновником нарастающей трагедии – достаточно полистать подшивку районной газеты «Третьяковский вестник», где ему не раз воздавали должное.

Неудивительно, что из-за бездействия властей, обречённых людей на вымирание, население пытается найти ответы, почему так происходит? Одна из основных версий состоит в том, что Яков Шойхет и ряд других учёных края, обосновавших «Семипалатинскую программу», и, между прочим, сделавших на ней научную и служебную карьеру, не хотят объяснять симптомы массового поражения людей иначе, чем радиационным воздействием ядерных взрывов – такое в науке случается.

А тем временем в адрес Якова Шойхета жители села Плоское Третьяковского района направляют очередное письмо. Вот выдержки из него:

«... В конце ноября 1997 года химическое поражение кожи получили Алексеева Мария Михайловна, 1946 г.р., Алимов Виктор Николаевич, 1958 г.р., Савин Алёша, 1986 г.р., Дикова Галина Ивановна, 1955 г.р., Воронова Евдокия Архиповна, 1929 г.р. и другие. Алексеева Настя в возрасте 1 год 10 месяцев в течение двух дней потеряла все зубы, в настоящее время с увеличенной печенью находится на лечении в районной больнице».

Для властей, надо полагать, подобные факты не внове. Наверняка они видели фильм «Ловушка», сделанный лидером социально-экологического союза в крае Михаилом Шишиным, который получил в 1998 году в Германии международное признание. В нём рассказывается о взрывах баллистических ракет в 80-х годах близ села Анисимово Тальменского района – не от этого ли здесь рождаются по сей день «жёлтые» дети? В фильме также говорится о последствиях ракетно-космической деятельности в Республике Алтай, аналогичных тем, что отмечаются в Алтайском крае: гибель овощей и корнеплодов, смерть в течение года отца-пастуха и его сына, соприкасавшихся с деталями ОЧРН, болезненные состояния у людей после пусков ракет.

И Сергей Трибунский, главный врач Локтевского района (позже он был председателем комитета по здравоохранению администрации края, сейчас преподаёт в АГМУ), пострадавшего от семипалатинских ядерных взрывов недоумевают: отчего, после десятилетия борьбы с недугом вновь стали рождаться «жёлтые» дети?!

В условиях, когда алтайские и российские власти не предпринимают действенных мер по защите населения, члены организации «За экологическую безопасность космической деятельности» вынуждены были передать материалы исследований в «Гринпис». Они намерены обращаться и в иные международные организации, чтобы лидеры других стран знали, как относится руководство России и Алтайского края к населению, истребляемому им же.

«Смертные» рубли

Март 1999 года, в некотором смысле, можно считать переломным в борьбе населения, журналистов и честных учёных с бюрократами из различных ведомств, отказывавшихся признавать факты негативного воздействия ракетно-космической деятельности (РКД) на всё живое на значительной площади алтайской земли.

Наконец-то признано, что оно существует. Подтверждение тому – постановление администрации края № 170 от 22 марта 1999 года под многозначительным названием «О механизме компенсационных выплат жителям сёл Алтайского края, прилегающих к районам падения (РП) отделяющихся частей ракет-носителей (ОЧРН) №№ 306, 307 и 309». В соответствии с этим решением, деньги должны направляться жителям сёл, находящимся в РП и проживающим там на момент запуска ракет-носителей, причём, независимо от возраста. На проверку оказалось, что таковых населённых пунктов всего семь. Это села – Плоское, Светлая Заря, Верх-Алейка, Ново-алейское и Боровлянка Третьяковского района, Сентелек и Покровка – Чарышского района. В общей сложности в них на момент выхода документа проживало 3619 человек: от 1033-х жителей в Сентелеке, до 25 – в Светлой Заре. Можно предположить, что органы управления весьма произвольно определили численность населения, подвергаемого воздействию РКД. По крайней мере, представители власти не настаивают на том, что только на эти населённые пункты выпадают гептил и фрагменты ракет-носителей, хотя именно они находятся на картах районов падения ОЧРН. Это означает, что список может измениться, скорее всего, в сторону роста. Следует

отдать должное государственным мужам, принимавшим решение о выплате компенсаций – средства предназначаются для прямой выдачи жителям означенных сёл. Видимо, они не рискнули, хотя соблазн, конечно же, был велик, попользоваться деньгами по-иному. Например, для реализации туманных мероприятий, типа текущих нужд района или оздоровления населения.

Механизм задуман такой: средства, поступающие на счёт комитета по охране окружающей среды края, направляются на спецсчёт администраций Третьяковского и Чарышского районов, а оттуда – в сельсоветы для выдачи жителям, по соответствующим спискам.

Средства, поступающие в край – есть компенсация государства за коммерческие запуски ракет-носителей. Иными словами, за вывод на орбиту с космодрома Байконур иностранных космических объектов. Хотя, как известно, в космос также выводятся объекты, работающие на оборону и безопасность России, а также гражданские корабли, осуществляющие федеральную космическую программу – за них пока край не получает ни копейки. А за каждый коммерческий пуск Алтаю причитается от 20 до 23 тысяч рублей (в ценах 1998 года), в зависимости от районов падения. Напомню, что космические ведомства России получают за это 50 миллионов долларов.

Таким образом, людям, проживающим в районах падения фрагментов ракет, достаётся лишь малая доля этих сумм. А если учесть, что в 1999 году планировался запуск семи таких объектов, то общая сумма, направляемая на компенсации, насчитывает чуть более 150 тысяч рублей. Проще говоря, каждый житель пострадавших сёл в этот раз получит всего около 45 рублей. В первом квартале было выведено в космос два коммерческих объекта, а это значит, что в ближайшее время люди получат всего-навсего по червонцу. На эту сумму можно приобрести лишь упаковку ваты или стандарт таблеток от головной боли.

Соглашение – ещё не согласие

И всё же, несмотря на мизерность реальной компенсации людям, проживающим на территориях, подверженных влиянию РКД, эксперты оценивают данный факт как прецедент, если хотите, как прорыв.

16 марта 1998 года глава региона Александр Суриков направил командующему РВСН Владимиру Яковлеву дополнительное соглашение к договору подписанному ими же 8 января предыдущего года, в котором и оговорён вышеописанный механизм компенсаций. Впрочем, последний документ датирован задним числом – 18-ым января 1998 года. Его проект долго «гулял»

по коридорам краевой власти, был почти утерян. И только общественный резонанс после публикации дал «зелёный свет» проекту компенсации.

Теперь давайте разберёмся, что же это за средства? Основанием для выплат служат два соответствующих постановления правительства страны – 1994 и 1997 годов. Словом, не из космоса они появились, хотя и имеют к нему прямое отношение. Они направлены в край, согласно договору администрации Алтая и командования РВСН как плата... за аренду земельных участков близ упомянутых сёл, куда и падают ОЧРН.

Цинизм ситуации состоит в том, что военные в сговоре с руководством региона признают, что от ракетно-космической деятельности страдают не люди, а гектары земли, арендованные для разового использования районов падения.

Но, право, не в землю же закапывать деньги?! Потому-то, наверное, для смягчения негодования людей, обращавшихся в последние годы во все инстанции края, страны и даже мира было решено выдавать населению компенсационные выплаты. Так что юридически эти средства пока нечисты. Их владельцы – всего-навсего арендодатели, взимающие плату с РВСН за ядовитые гектары, а не население, страдающее от воздействия РКД. Таким образом, радоваться рано: признание фактов пока косвенно и неравноценно.

Очевидно, что предстоит приложить немало усилий, чтобы узаконить и подкорректировать выплаты людям, проживающим в населённых пунктах, прилегающих к районам падения. За рамками соглашения остались также вопросы экологического мониторинга вдоль трасс падения фрагментов носителей, страхования населения от рисков, выяснения научной подоплёки, границ и объёмов комплексного воздействия ракетного топлива и ОЧРН на человека, растения, почвы, воду.

Эмоции – есть правда!

В канун описываемых событий состоялось ещё одно событие, напрямую связанное с данной тематикой. В начале марта 1998 года в Абакане состоялось совещание о региональных экологических проблемах, возникающих в результате падения отделяющихся частей ракет-носителей и путей их решения. Впервые вместе собрались представители военных ведомств, учёные-экологи, чиновники девяти из 16 территорий страны, занятых в российских космических программах, в том числе и из Алтайского края. Участники совещания отмечали, что РКД создаёт целый комплекс правовых, экологических, экономических и социальных проблем для местного населения и хозяйствующих субъектов. В перечне последствий РКД – за-

*Ракета «Союз», установленная
в качестве памятника в Самаре.*

грязнение территорий фрагментами отделяющихся частей ракет-носителей, высокотоксичными компонентами топлива, инициирование лесных пожаров, толком ещё неисследованное их воздействие на живую природу.

По словам алтайских участников совещания в Абакане – заместителя председателя комитета по охране окружающей среды края Владимира Горбачёва и заведующего лабораторией института водных экологических проблем СО РАН Александра Пузанова правительству страны предложено ускорить принятие целевой федеральной программы обеспечения безопасности РКД, а Госдуме – соответствующего закона.

Министерству обороны, Российскому космическому агентству и Госкомэкологии рекомендовано активизировать научно-исследовательские работы по внедрению эффективных методов очистки загрязненных территорий от компонентов ракетного топлива, завершить работу по составлению экологических паспортов районов падения ОЧРН, разработке нормативно-методические документов по охране окружающей среды.

Впрочем, это всё – рекомендации, не более. Многое будет зависеть от организации этой работы, в данном случае, непосредственно в крае.

Известно, что в 1998 году предполагалось осуществить с космодрома Байконур 17 запусков, в том числе 12 – коммерческих. Последствия каждого из них должны быть тщательно исследованы, собраны все документальные свидетельства. Только достоверные научно-исследовательские работы, тщательно собранные и проанализированные факты воздействия РКД на человека и окружающую среду могут способствовать изменению негативного отношения военных к тревогам населения. Иными словами, нужны позитивные сдвиги в деятельности учёных, населения, экологов, представителей местных и краевых органов управления.

Особняком стоят подозрения людей о том, что наряду с космическими запусками, военные осуществляют уничтожение боевых ракет. На совещании в Абакане новосибирский учёный, директор Западно-Сибирского цен-

тра мониторинга загрязнения окружающей среды Валентин Селегей обнаружил факты, свидетельствующие о том, что в верховьях Чулышмана в районе Телецкого озера неоднократно производились стрельбы ракетами по непилотируемым самолётам. Импровизированный полигон буквально завален фрагментами летательных аппаратов.

По мнению Валентина Селегея, факты внезапной гибели двух групп алтайских туристов в составе 14 человек в 60-70-е годы на территории Хакасии также связаны с воздействием ракет.

Да и алтайские учёные не исключают, что явления, наблюдаемые летом 1997 года в селе Плоском Третьяковского района, могли иметь ту же природу.

Словом, работы всем заинтересованным сторонам в распознавании и предотвращении экологических катаклизмов и людских трагедий, возникающих в результате деятельности ракетно-космических ведомств хватит ещё на много лет. Ясно, что никакими протестами развитие космической деятельности не остановить. Так надо хотя бы минимизировать её негативное воздействие. Учёным – наконец, установить бесспорные истины. Политикам – не прятать голову в песок и упрекать журналистов «в эмоциональности», а сказать людям правду и по максимуму помочь им.

«Бочка» в тайге

Ранним-ранним утром мы выехали из Староалейского на мощном вездеходе в тайгу. На дно кузова набросали соломы, постелили поверх неё палатки – дорога предстояла дальняя и нелёгкая. Два часа тряски, напряжённых подъёмов и спусков, преодоления множества речек и ручейков, и, наконец, оказываемся у охотничьего домика, прилепившегося у склона горы. Охотник-промысловик Геннадий Жабин, прошедший здесь уже несколько сезонов, на правах хозяина приглашает всех в таёжное жилище. Перекусываем тем, что прихватили из дома, и направляемся в тайгу. Движемся вдоль русла бойкого ручейка, носящего название «Никитинский ключ», затем направляемся в гору. И, наконец, перед нашими взорами среди пихтача и кустарника матово блеснуло что-то.

Огромная «бочка» второй ступени ракеты-носителя «Союз» каким-то чудом приземлилась строго вертикально. 15-метровая сигара в воздухе разломилась пополам и её нижняя часть оказалась здесь. Геннадий Жабин обнаружил ступень за три года до нашего появления. За 18 лет работы охотником-промысловиком он видел в тайге немало осколков ракет. Но

здесь чутьё его подвело: он ошибся. «Бочка» оказалась от ракеты-носителя «Союз», а не военной ракетой, как он предполагал прежде. От времени и воздействия окружающей среды её белые бока корродировались, приобрели серо-зеленоватый оттенок, что, видимо, и ввело в охотника заблуждение.

Нам удалось подкопаться «бочку» с одной из сторон, и забраться вовнутрь ракеты. Цилиндрическая полость когда-то была заполнена горючим, а теперь крохотное отверстие вверху, откуда поступал окислитель, высвечивало лишь какие-то металлические растяжки, испещрённые цифрами.

Полигон смерти

А днём ранее мы почти по полуночи ездили по району, обнаруживая тут и там фрагменты ракет-носителей и иные, совершенно невероятные объекты, фиксируя их на теле-и-фотоплёнку, и дотошно расспрашивая свидетелей.

Люди показали нам и нечто совсем необычное: в поле у села Новокаменка обнаружена яма диаметром около метра и глубиной в полтора. Самое интересное, что на краю цилиндрического отверстия не оказалось выброшенного грунта.

Но всё остальное, что удалось нам увидеть в тот день, имело вполне определённо земное происхождение.

Окраина села Плоское. Володя Алимов, свидетель, 12 лет: «21-го мая 1998 года, в пятницу я бегал сюда с ребяташками встречать коров с выпасов. Мы наткнулись на осколок ракеты. Он лежал на краю канавы. Мы хотели взять его, но Сашка Веселков сказал, что не надо трогать. Рядом было пятно какой-то бурой жидкости».

Николай Штифонов, председатель комитета по природоохранной деятельности и экологии Третьяковского района: «Ранним утром 21 мая, люди, рыбачившие на берегу Гилёвского водохранилища слышали пролёт ракеты в районе Плоского. Было это, как они мне рассказывали, в 5 часов 20 минут утра. Мы знаем график пусков, но об этом военные не сообщали ни до, ни после запуска».

Виктор Пахомов, глава администрации села Плоское, председатель общественной организации «За экологическую безопасность ракетно-космической деятельности»: «На данном фрагменте ракеты имеются ясные обозначения: МК 71 А 412092 МБ1, сверху, в обрамлении: 372, впереди: 79, над это цифрой: 10 (в обрамлении) и АМ 16. Мы предполагаем, что буквы «МБ» можно расшифровать как «межконтинентальная баллистиче-

ская» ракета. А вывод таков: над сёлами Третьяковского района пролетают и падают не только космические ракеты, но и военные. Иными словами, наши сёла можно сравнить с военным полигоном. Это – очередной этап уничтожения всего живого в нашей округе».

Посёлок Светлая Заря. По весне местные жители обнаружили здесь странный фрагмент: его окраска – камуфляжная: тёмные и светлые зелёные, коричневые и красные пятна. Возможно, это – управляемая ракета. На осколке отчётливо видно отверстие диаметром около 40 миллиметров.

Выдвигается версия, что это результат попадания в данный объект другого снаряда. По мнению экологов, данный фрагмент не может принадлежать «Союзу», так как толщина стенки найденного фрагмента ракеты значительно тоньше.

Летнее пастбище близ бывшего посёлка Седов, в 300 метрах на северо-восток, тропа для прогона скота. Фрагмент выглядит следующим образом: диаметр – 250 миллиметров, высота 1100-1200 миллиметров, окраска – сплошная зелёная, имеются номерные знаки. Представляет из себя полый цилиндр, мягкий под воздействием физических факторов. Объект обнаружен пастухом Александром Теплухиным 27 мая 1997 года. Вероятно, фрагмент выпал сюда в зимний период.

Ещё один фрагмент был найден управляющим отделением сельхозпредприятия «Плосковское» Фёдором Романовым 16 мая в местечке, носящем название «Светлый ключ». Он подвёз сюда обед для механизаторов, работавших в поле. По всей видимости, данный осколок – также от армейской ракеты, о чём свидетельствуют характерные обозначения, зафиксированные в соответствующем акте.

Подтверждение того, что Алтай окружён со всех сторон ракетными полигонами (Сарышаган в Казахстане, Улаган в Республике Алтай) и подразделениями ракетных войск стратегического назначения (ЗАТО Сибирское – в Алтайском крае и Пашино – в Новосибирской области, неподалёку от границ с Тальменским районом, где рождаются «жёлтые» дети) имеется в книге «Экологическая опасность космической деятельности», изданной весной 1998 года профессором Михаилом Власовым и космонавтом-испытателем Сергеем Кричевским.

Кладбищенская территория?

Мой очередной приезд в Третьяковский район совпал с работой в нескольких его сёлах комплексной медицинской бригады медиков, усиленной

специалистами из Барнаула. Попытки выяснить у них хотя бы тенденции, выявленные в ходе обследования населения, оказались тщетными. Прозвучала ссылка на заместителя главы администрации края Якова Шойхета, категорически запретившего выдавать в печать какие-либо сведения об этом. Хотя, конечно же, ни для кого не секрет, что люди здесь болеют и умирают значительно чаще, чем в других местах. Достаточно сказать, что смертность в селе Плоском в 1998 году по сравнению с 1996-м выросла в два с половиной раза, а от злокачественных опухолей – почти в шесть (!) раз. По неофициальным данным, негативные тенденции выявлены и в ходе упомянутого обследования населения – значительно превышены средние показатели поражения щитовидной железы, сердечно-сосудистых заболеваний, десятки людей болеют раком. Если же учесть, что многие больные просто не обращались в специализированные центры, а в случае смерти им порой ставится весьма произвольный диагноз, то статистика будет ещё более удручающей.

Увы, даже то, немногое, что знают сами власти об этом, скрывается от людей. Почему договор, подписанный Александром Суриковым 8 января 1997 года с командующим ракетными войсками стратегического назначения России Минобороны России Владимиром Яковлевым об отводе территорий края под районы падения отделяемых частей ракет-носителей (ОЧРН) до сих пор держится в секрете? Почему документ, касающийся судеб и здоровья тысяч людей, как того требует федеральный Закон «Об экологии», не прошёл экологической экспертизы? Кто готовил проект этого документа и должен нести ответственность за страдания людей? Почему за основу для компенсаций пострадавшему населению берутся арендованные РВСН гектары, а не реальное состояние здоровья людей? Отчего алтайский губернатор смирился с тем, что суммы компенсации смехотворны, тогда как другие регионы (республик Хакасия и Саха-Якутия) заложили в договор с РВСН значительные суммы возмещения здоровья? Почему высокопоставленные учёные мужи твердят, что керосин, которым заправляется ракета-носитель «Союз», безвреден, хотя даже школьники знают, что он не может сгорать в верхних слоях атмосферы без применения окислителей? А разве неясно, что ядовитый гептил из «Протона» и крылатых ракет также оседает на значительной территории края? Почему председатель КЗС Александр Назарчук, включенный в состав временной комиссии Совета Федерации по изучению воздействия последствий космической деятельности так и не проинформировал население края о своей работе на этом участке? А как

понимать странный ответ (похожий на разнос) первого заместителя главы администрации края Николая Чергова на вопрос журналиста районной газеты по данной теме: «Вы договоритесь до того, что вашу продукцию никто покупать не будет!» Можно ли этот пассаж вице-губернатора расценивать так, что он знает о том, что мясо, молоко и другая продукция, произведённая в районах падения ОЧРН (и стрельбищ крылатыми ракетами?) непригодны к употреблению?! Но тогда почему он не бьёт тревогу, не добивается отселения населения из этих мест и свертывания здесь всякой хозяйственной деятельности, как это сделано, например, в США и Канаде?! Странно и то, что хранят молчание любящие порассуждать о народном благе депутаты и иные народные избранники! Неужели вся правда нужна только тем, кому терять уже нечего – только самому вымирающему населению, экологам-общественникам, да журналистам?!

Нисколько не удивлюсь тому, если в Третьяковском, Змеиногорском или Чарышском районах начнется сбор подписей за проведение референдума, на котором будет обсуждён вопрос о том, согласно или нет население, чтобы территория использовалась как ракетно-космический полигон? Ответ, думаю, ясен. Впрочем, председатель правительства Республики Саха-Якутия Валентин Фёдоров давно и радикально решил этот вопрос – попросту расторгнул договор с Минобороны РФ об использовании территории для падения частей ракет.

Нельзя исключать и того, что заинтересованные лица или общественные организации обратятся к Уголовному кодексу. Благо, в нём имеется статья, предусматривающая за экоцид – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, способные вызвать экологическую катастрофу, – наказание лишением свободы на срок от 12 до 20 лет. Могут возникнуть и судебные иски о неправомерности заключения договора без экологической экспертизы, нарушении экологических прав граждан, возмещении ущерба, нанесённого ракетно-космической деятельностью.

Тем более что, по мнению уважаемых авторов цитируемой выше книги, «...даже на основании имеющихся данных по территории России (самая острая ситуация – на Алтае) можно судить, что риск – высок, ущерб – значителен». От себя добавлю, что, нельзя допустить, чтобы уникальная страна Алтай, являющаяся центром азиатского континента, пострадавшая от ядерных взрывов, была окончательно уничтожена в погоне за призрачными прибылями.

СЕМИПАЛАТИНСКИЙ НАБАТ

Почти 40 лет у самой границы Алтая с Казахстаном, на Семипалатинском ядерном полигоне гремели взрывы. В результате многие жители края пострадали от их воздействия. Тогдашнее коммунистическое руководство страны всячески скрывало от общественности па-

Памятник скорби.

губность последствий взрывов для здоровья людей. К примеру, достоверно известно, что 29 августа 1949 года Лаврентий Берия, потрясая пистолетом, заставил ядерщиков, возражавших против производства первого наземного взрыва в СССР из-за непогоды, всё же произвести его. В результате ядерная пелена окутала значительную часть территории Алтая. Затем вновь и вновь производили испытания, подрывая здоровье ничего не ведавших о том людей.

И только в новой России стало возможным не только заявить, но и многое сделать для реабилитации населения, пострадавшего от соседства с ядерным полигоном. В мае 1992 года, во время визита на Алтай, Борис Ельцин поддержал усилия руководства края по реабилитации людей, ставших заложниками амбиций политиков, ценою их жизней добивавшихся ядерного паритета. Вскоре Егор Гайдар подписал документ о реализации на Алтае целевой федеральной программы по реабилитации населения, пострадавшего в результате ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Для тысяч людей, безуспешно мыкавшихся по больницам и поликлиникам, появился свет в конце тоннеля.

По данным комитета администрации края по ликвидации последствий многолетнего воздействия ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне, к лету 1997 года было выдано 39090 специальных удостоверений лицам, проживавшим в годы ядерных испытаний на территории 29 регионов Алтая, официально признанных пострадавшими от них.

Увы, многим не довелось дожить до времени, когда государство признало статус пострадавших, определило льготы для них. Жители некото-

рых сёл Угловского района почти поголовно серьёзно пострадали ещё в 1950-х годах – об этом, конечно, тогда умалчивали. Первыми открывали скорбный счёт дети и старики. Да и из числа зрелых по возрасту людей выжили не все. Среди них, как ни странно, некоторые пьяницы – вероятно, алкоголь противодействует радиации.

Вход в ад.

Несколько десятков научных учреждений страны изучают феномен алтайских жителей, получивших изрядные дозы радиационного воздействия. В отличие от облучённых в Чернобыле, под Челябинском, в Хиросиме и Нагасаки, жители нашего края, накапливали в течение десятков лет малые дозы радиации. Суммарно же они получались изрядными. Такого не было нигде в мире, поэтому интерес к исследованиям на Алтае очень велик и за рубежом. Недаром, в последние годы здесь прошло немало очень представительных международных конференций.

По сей день учёные не пришли к единому выводу относительно появления так называемых «жёлтых» детей на Алтае, хотя многие склоняются к тому, что это – ядерный след. Кстати, если ещё недавно шансов выжить у «жёлтых» детей почти не было, то к концу XX века ситуация относительно стабилизировалась – более, чем у 80 процентов из них снижена тяжесть заболевания.

Так выглядит сегодня город Курчатова – столица ядерного полигона.

Буквально за несколько лет, благодаря реализации «Семипалатинской» программы, финансируемой федеральным бюджетом, на Алтае удалось сделать то, о чём и прежде, в относительно спокойные годы, приходилось только мечтать.

Стартуя с 50-60 места в стране по основным медицинским и коммуналь-

ным показателям, Алтай за эти годы улучшил их по ряду позиций.

В 1993 году в Барнауле запущен в эксплуатацию самый мощный в стране краевой диагностический центр. Только за три первых года в нём обследован почти миллион человек. Многие сделано по оснащению больниц и поликлиник

Краевой диагностический центр в Барнауле.

края самым современным оборудованием. На средства программы за три года построено 57 медицинских объектов, 31 – в народном образовании, 19 – в системе социального обеспечения, проложено 137 километров водопровода... Серьёзный сдвиг произошёл в лечении онкологических заболеваний – удалось не только остановить их рост, но даже снизить смертность. Важный рубеж преодолён в системе родовспоможения – впервые за многие годы в крае снизилась детская смертность. В целом можно говорить о стабилизации здоровья населения края – и всё это благодаря тому, что в крае целенаправленно реализуется «Семипалатинская» программа.

Суммы, затраченные на неё, впечатляют: 1994 год – 1,9 миллиарда рублей, 1995-й – 3,1, в 1996 году освоено 25,9 миллиарда, и в 1997-м – около восьми миллиардов рублей. На солидные суммы в иностранной валюте закуплено медицинское оборудование. К примеру, в Германии – на сумму 22 миллиона дойчмарок.

Однако не всё так ладно в родном Отечестве.

Наряду с трудностями финансирования, несколько лет велись разговоры о нецелевом использовании «семипалатинских» денег. Например, ряд чиновников, как в краевом центре, так и в районах взяли из средств программы кредиты на строительство индивидуального жилья.

По справке контрольно-ревизионного управления Минфина России по Алтайскому краю в НИИ региональных медико-экологических проблем, отвечавшем за научное обеспечение «Семипалатинской» программы, «...при расходовании выделенных средств установлены отдельные нарушения и недостатки». Здесь в 1996-1997 годах излишне начислено

зарплаты работникам института и совместителям на сумму свыше 77 миллионов рублей, на командировки посторонних лиц необоснованно израсходовано около 16 миллионов рублей (в ценах 1997 года). Справка также гласит, что производилось расходование средств на первоочередные нужды. К примеру, сотни тысяч рублей перечислялись на оплату за обучение в вузах и на курсах как работников института, так и посторонних лиц, а также – за установку телефона, газовое оружие, изготовление визитных карточек и оплату подписки на газеты и журналы.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО АНАТОЛИЯ МЕЛЬНИКОВА

Беседа с почётным гражданином Алтайского края и Барнаула, бывшим многолетним председателем Барнаульского горисполкома Анатолием МЕЛЬНИКОВЫМ.

– Анатолий Иванович, мы с вами давно знакомы, я знаю, что Вы в возрасте 15 лет уже работали, совсем молодым стали секретарём райкома, а затем – Барнаульского горкома комсомола, шесть лет были заместителем председателя горисполкома, потом – целую дюжину лет – начальником управления ЖКХ крайисполкома. И, тем не менее, когда Вас избрали предсе-

Анатолий Мельников.

дателем Барнаульского горисполкома, говоря сегодняшним языком – главой администрации или мэром – вам исполнилось лишь 44 года.

Как юноша из далёкого таёжного посёлка смог стать руководителем столицы края?

– Моя биография, как мне кажется, обычная для моего поколения. И дело даже не в должностях, которые я когда-то занимал. Важно то, что удалось реализовать себя, многому в этой жизни научиться и, надеюсь, научить других.

– *Когда и как Вы впервые оказались в Барнауле?*

– Это было в 1943 году. Отец и брат были на войне, мы жили вдвоём с мамой в крохотном, ныне не существующем посёлке Рассвет Тальменского района.

Так вот, с мешком картошки за плечами я прошагал 20 километров до Тальменки, сел на поезд и приехал в Барнаул. Добрался до Старого базара, продал картошку. Сходил в театр, посмотрел спектакль «Ревизор». Но прежде купил на базаре цевки.

– *Что это такое?*

– Это такие прочные нити, который выпускал меланжевый комбинат. Мама была очень довольна этой покупкой. Она напряла льняных нитей, настроила ткацкий станок, смешала цевки с льняными нитями и соткала нам рубахи.

– *Какое впечатление оставил Барнаул?*

– Как любому деревенскому мальчишке, он показался мне огромным, притягательным, загадочным. Хотя тогда в городе жило всего лишь 30 тысяч человек – в 20 раз меньше, чем сейчас. И к тому, что он из провинциального городка вырос в мегаполис, я приложил немало сил...

– *В августе 1972 года в Барнаул приезжал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. А через месяц Вас избрали председателем горисполкома. Очевидно, эти события связаны друг с другом.*

– Я с Брежневым не встречался. Но, как говорят, он высказывал неудовольствие по поводу недостаточного развития города, его уж очень обыкновенного, провинциального вида. И депутаты горсовета решили избрать меня руководителем исполнительного органа власти Барнаула.

Когда я досконально разобрался с городскими проблемами, понял, что для их системного, кардинального решения недостаточно ни городского бюджета, ни даже помощи из краевого и республиканского бюджетов. Многие проблемы, такие, как серьёзная строительная программа, снос бараков и ветхого жилья, а также оползневой зоны, можно было решить только при условии финансирования из союзного бюджета.

Посоветовавшись в крайкоме, горкоме партии решили готовить служебную записку о развитии городского хозяйства Барнаула в Политбюро ЦК КПСС. Привлекли к этой работе учёных, архитекторов, проектировщиков, специалистов многих других ведомств.

Из Политбюро документ переадресовался в Совет Министров СССР. В итоге принятия постановления Совмина СССР объём капитальных вложений на 1975-1980 годы вырос в два раза, и составлял около 500 миллионов

рублей (это по нынешним временам, вероятно, около 500 миллиардов рублей). Документом было предусмотрено строительство или проектирование таких объектов, как ТЭЦ-3, подстанции, водопроводных сетей, школ, больниц, моста через Обь и так далее.

– *Финансирование из союзного бюджета, кажется, было и позже.*

– Да, Совет Министров СССР принимал три постановления о мерах по дальнейшему развитию городского хозяйства Барнаула, что существенно улучшало его финансирование целых 15 лет, до 1990 года включительно. А также – в июле 1978 года – постановление о мерах по обеспечению устойчивого водоснабжения Барнаула, позволившее спроектировать и ввести в строй второй городской водозабор.

– *Вы когда-нибудь подсчитывали, какие и сколько объектов было введено за 14 лет, пока руководили городом?*

– За счёт финансирования из союзного бюджета за эти годы в Барнауле были построены кроме уже упоминавшихся – трамвайное и троллейбусное депо, три вокзала, столько же рынков, кондитерская фабрика «Алтай», пивзавод, молкомбинат, много объектов инженерной инфраструктуры.

К началу 1980-х годов городским властям удалось решить острую проблему обеспечения горожан детскими дошкольными и школьными учреждениями. За 14 лет в Барнауле было построено 32 школы, 55 детских садов.

В эти годы распахнули двери Алтайский государственный университет, институт культуры (ныне Алтайская академия искусств и культуры), построены музыкальное училище и речной вокзал.

– *Это было и время широкого размаха жилищного строительства.*

– Я как-то подсчитал: за 242 года – с 1730 года, когда зарождался Барнаул, до 1972-го, когда я стал председателем исполкома, было построено жилья, школ, больниц, детских садов столько, сколько за 14 лет, когда мне довелось возглавлять городское хозяйство. То есть, выросло в два раза. За это время 105 тысяч семей получили или улучшили жилищные условия. А это – 361 тысяча человек, или каждый второй горожанин. Есть ещё более эффектная цифра: каждый час Барнаул вводил одну квартиру.

– *Помню, в 1974 году я переехал в квартиру на улице Попова, 27. За окном было чистое поле. В новом микрорайоне – ни магазинов (только крохотный хлебный ларёк), ни поликлиники, ни детского садика, ни школы. Грязь непролазная. Ближайшая остановка общественного транспорта (ещё не было трамвая на Докучаево) – в километре. Почему отставало строительство инфраструктуры?*

– Действительно, отставало. Так повелось, кажется, ещё с довоенных лет. Но, повторяю, проблема школ и детсадов была в начале 80-х годов снята с повестки дня. А вот с вводом магазинов были проблемы.

– *Сейчас, кажется, всё как раз наоборот.*

– У каждого времени – свои приметы. А тогда, действительно, отставали с вводом социальной инфраструктуры. И знаете почему? Из-за нехватки на стройках рабочей силы.

– *Теперь, когда существует реальная безработица, про это странно слышать.*

– Но так было. В конце календарного года приходилось снимать с промышленных предприятий до трёх тысяч работников, и направлять их на стройки. Также привлекали к этой работе будущих жильцов. Они выполняли штукатурные, отделочные, вспомогательные работы на стройках.

– *Даже выделенные капитальные вложения (теперь сказали бы – инвестиции) не осваивались.*

– Случалось, и нередко. Существовало такое понятие, как долгострой.

– *Именно в те годы удалось решить ещё одну застарелую болезнь краевого центра – были снесены бараки.*

– Удалось предоставить 18 тысяч квартир для переселения людей из барачных, подвалов, аварийного, ветхого жилья. Ведь многие семьи ютились в непригодном жилье ещё с военных лет.

Недавно в «Алтайской правде» познакомился с историей погорельцев. Семью, лишившуюся жилья, приютил в офисе сердобольный руководитель учреждения, в котором работала женщина, выделив служебное помещение для временного размещения. У меня было желание написать в газету о том, что прежде погорельцев обязательно посетил бы руководитель района или города, поговорил с людьми и обязательно помог бы им. А если бы не решил такой вопрос – это был бы позор. О таком руководителе, как правило, принималось партийное решение, как о бесчувственном по отношению к людям.

Нам удавалось решать жилищную проблему даже в случаях, когда погибал работник предприятия, которое всё же выделяло его овдовевшей семье жильё.

– *Но недовольные всё равно были. Люди, как помнится, возмущались, что начальство получало хорошие квартиры, часто меняло личные машины, имело так называемый блат. В ту пору ведь для приобретения телевизора, стиральной машины, квартиры или автомобиля надо было ожидать долгую очередь, иногда – многие годы.*

– Я всегда оппонирую фактами. В моей квартире, например, многие годы жило шесть человек: мы с женой, мои родители и двое детей. Кстати, родители всю жизнь прожили в моей семье. И я благодарен своей жене за это. Перед вами – бывший председатель горисполкома, который так и не купил себе автомобиль. Принципиально. А холодильник мне, когда я уже ушёл из горисполкома выделил Юрий Жильцов, тогдашний первый секретарь горкома партии.

– *Как Вы оказались в «Алтайкрайгазсервисе»?*

– За много лет до этого, на каком-то крупном совещании в Москве я был докладчиком. Рассказывал о развитии городского хозяйства Барнаула. В ходе прений один из экспертов из Академии наук СССР буквально срезал меня упрёком: «Анатолий Иванович, почему Вы задушили барнаульцев дымом? Ведь в Барнауле, значительная часть которого расположена в низине, нещадно дымят несколько крупных ТЭЦ и 120 котельных.

Вот тогда я всерьёз задумался о проекте газификации города. Но руководство края не очень-то поддерживало эту идею. Мол, неподалёку добывается кузбасский уголь, в крае есть лес на дрова – чего же беспокоиться?! А врачи уже били тревогу: в городе неблагоприятная экологическая ситуация, отмечался стабильный рост заболеваемости органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, онкологии, туберкулёза.

В моем представлении газификация выростала в крупнейшую социальную, медицинскую, экологическую, ну и производственную задачу. Хотя я понимал, что главной будет, конечно, финансовая.

– *Многие ещё помнят: 14 декабря 1995 года директор по строительству газопровода и распределительных сетей «Алтайкрайгазсервиса» Анатолий Мельников зажжёт первый факел природного газа в Барнауле. И это был ещё один Ваш звёздный час!*

– Я воспринимал это прозаичней – как кульминацию дела, которому отдал десяток лет жизни. Хотя, конечно, искренне радовался.

– *Вы много лет занимались строительством. Скажите, Анатолий Иванович, возможно ли в нашей стране возводить действительно доступное жильё для малоимущих граждан?*

– За рубежом такое жильё называется социальным. Его возводит государство и недорого сдаёт внаём своим гражданам.

Мне кажется, в России – тогда, когда в ней много или мало финансовых средств – обязательно надо, наконец, удовлетворить потребность в относительно дешёвом жильё. Это был бы поистине народный проект.

Сейчас в Барнауле закрыто несколько десятков детских дошкольных учреждений, которые мы построили. Кстати говоря, при Советской власти было принято решение ЦК КПСС, которое запрещало закрывать и перепрофилировать детские сады.

Руководить – значит предвидеть. Значит, быть дальновидным.

ОГНЕННЫЙ АВТОБУС

Оказавшись в командировке в Ребрихинском районе, я решил разузнать подробности страшной трагедии, случившейся летом 1973 года. Тогда в автобусе заживо сгорели пассажиры (о чём никто и никогда не писал). Я попытался выведать подробности, но натолкнулся на непонимание. Меня убеждали, что «не

надо ворошить старое». Но, кажется, аргументы о том, что это ДТП поучительно и поныне, подействовали. Ветераны Ребрихинского автотранспортного предприятия – начальник Иван Лютов и инженер Евгений Ерёмченко рассказали следующее.

Рано утром 10 июня 1973 года в автобусе, следующем из села Куликово в райцентр, случилась поломка – отказал бензонасос. Водитель Пётр Камардин попытался направить топливо в карбюратор самотёком – по шлангу из ведра с бензином, которое в салоне автобуса держал один из пассажиров. Шофёр включил зажигание, искра стартера воспламенила мокрый шланг, огонь проник в ёмкость с горючим. Мужчина, державший её, рефлекторно отстранил ведро от себя, опрокинув горящее топливо в салон.

Началась паника, пассажиры ринулись к закрытой передней двери, но открыть её изнутри не смогли. Не получилось сделать это и Пётру Камардину, который высочил через водительскую дверь наружу – дверь заклинили изнутри мятущиеся, обезумевшие от боли люди. А задняя дверь автобуса

была загромождена запчастями, тросом, и, якобы мешком с семечками. Огонь молниеносно охватил пассажиров, особенно одетых в легковоспламеняющиеся плащи из болоньи, вспыхнули сиденья, салон затянуло дымом.

Погибли 13 человек, в том числе один ребенок. Около десятка пассажиров спаслись, выбравшись из разбитых окон. Среди створевших заживо, как рассказывают, – жители сёл Куликово, Шумилиха, Ребриха и города Барнаула.

Суд обвинил Петра Камардина в гибели пассажиров и нанесении тяжкого ущерба здоровью ещё нескольким людям. Ему вменялось в вину нарушение техники безопасности: то, что он во время ремонта не освободил салон от пассажиров (на улице шёл дождь), а также изменил утверждённый маршрут – ДТП произошло не на трассе, а в безлюдной степи, по которой водитель «срезал» путь. 40-летний Пётр Камардин был осуждён на семь лет лишения свободы, но умер от болезни сердца через три года, уже находясь на так называемой «химии» на кирпичном заводе в Барнауле. На два года лишился свободы и начальник колонны Ребрихинского автотранспортного предприятия Антип Кириллов, ответственный за технику безопасности.

Подробности этой трагедии были зафиксированы в увесистом томе уголовного дела, экземпляр которого хранился в столе начальника АТП. Но тот посчитал его ненужными бумагами, и их сожгли в котельной. Хотя, как мне кажется, со знакомства с данными поучительными документами должен был бы начинаться трудовой путь каждого новичка автопредприятия. И не только в Ребрихе.

РУБЦОВСКИЙ «БУНТ»

В ночь с 28 на 29 мая 1974 года был задержан и доставлен в опорный пункт охраны правопорядка на Западном посёлке Рубцовска 23-летний молодой человек. Это был слесарь опытного цеха Алтайского тракторного завода Виктор Кузнецов, проживавший на улице Брусилова.

28 мая – день пограничника. Недавно уволившийся с погранзаставы Виктор Кузнецов в тот вечер отмечал этот праздник, и был в лёгкой степени опьянения. Около автобусной остановки, расположенной неподалёку от его дома, произошла перебранка между ним и сидевшими на скамейке остановки слесарем ремонтно-механического цеха АТЗ Ю. Нестеренко и учащимися Рубцовского совхоза-техникума В. Панюшкиным и Н. Свиридовым. Они также были в подпитии, но являлись дружинниками.

Кузнецову удалось пройти домой, он лёг спать. Но дружинники преследовали его, проникли в квартиру, подняли его с постели и попытались увести в милицию. К счастью, у внештатных стражей закона парня отбили родители и соседи: Балабан, Веремеев, Гусев, Дробышев, Карпушкина и Черничкина.

Тем временем родители Виктора Кузнецова, с которыми он жил, ушли на ночную смену. Воспользовавшись их отсутствием, дружинники вновь предприняли попытку доставить его в опорный пункт. Они договорились с участковыми инспекторами Веделевым и Галкиным отвезти задержанного в милицию на автомашине. Милиционерам было сказано, что Кузнецов высказывал угрозы в адрес милиции и дружинников.

Около полуночи трое дружинников вместе с нигде не работавшим, недавно уволенным из армии В. Пимоновым подняли бывшего пограничника с постели и доставили в пункт охраны общественного порядка. Парня избили с особой жестокостью, нанеся ему около 30 травм, от которых он скончался. Смертельными, как установила экспертиза, оказались удары по шее, которые вызвали кровоизлияние в мозг.

Пришлось вызывать «скорую помощь». Но врачи уже ничем не могли помочь, вынуждены были констатировать, что молодой человек скончался.

Дружинники скрылись, в городской отдел милиции о происшедшем доложили участковые Галкин и Веделев, также принимавшие участие в жестоком избиении задержанного. Они были опытными сотрудниками, офицерами. Оказались в рядах милиции по направлению трудовых коллек-

тивов, оба являлись членами КПСС. Впрочем, на суде свидетели показывали, что Г. Веделев осенью 1973 года избивал в том же опорном пункте несовершеннолетних Жаркова, Павлюкова и Аболмасова.

Труп Кузнецова увезли в морг. Родственникам убитого сообщили, что он умер от острой сердечной недостаточности. Те, естественно, не поверили: как так?! Ведь парень недавно возвратился из армии, был физически очень крепким, никогда не жаловался на недомогания.

Наутро об этой трагедии узнали друзья погибшего, горожане, которые прибывали к зданию опорного пункта милиции, чтобы узнать новые подробности происшествия. Город заговорил об умышленном убийстве милиционерами молодого человека. Дело получило широкий общественный резонанс. Горотдел милиции подняли по тревоге. О неприятном инциденте пришлось сообщить в крайком партии, краевое управление внутренних дел и управление КГБ СССР по Алтаю.

В Рубцовске появились листовки, содержание которых было лаконично – милиция убила парня, рабочего АТЗ, бывшего пограничника. Заволновались и на тракторном заводе, где тот ещё вчера работал. Там знали, что парень – не пьяница, физически крепкий человек, словом, внезапно умереть не мог, ему наверняка «помогли». Но горком и заводской комитет КПСС заставляли партийных активистов врать. Однако рабочие Алтайского тракторного завода и других предприятий отказывались верить им. Жители Западного посёлка, населённого преимущественно строителями, также упрямо отрицали официальную ложь, поскольку парень вырос у них на глазах.

Атмосфера на Западном посёлке накалялась. Были разбиты стекла в опорном пункте. Пришлось блокировать милицейскими кордонами близлежащую к нему территорию, что ещё больше возмутило людей. Собравшиеся срывали недовольство на участниках оцепления: над их головами пролетали камни, скандировались антимилицейские лозунги, выкрикивались ругательства.

Кульминацией рубцовских событий стал день похорон убитого, 31 мая. Они превратились в массовую акцию протеста, в которой приняло участие несколько сотен горожан. Обстановка накалилась до предела. По городу были расклеены листовки. Созданный городской штаб, в состав которого входили руководители Рубцовска, силовых структур, включая краевые, принял решение «не дразнить» собравшихся. Рекомендовалось не появляться в милицейской форме близ дома убитого, не давать поводов спровоцировать нападение на представителей правоохранительных органов, которые

в глазах обывателей, превратились в заурядных уголовников-убийц. Все наличные силы горотдела, десятки дружинников с рубцовских заводов, были наготове. Сотрудники комитета госбезопасности вели фотосъёмку событий, мелькали в толпе.

Инициативная группа граждан – организаторов похорон состояла из родственников и друзей погибшего. Среди них не было представителей криминала или маргинальных личностей. Участников траурной процессии раздражала нечистоплотная возня с надуманным диагнозом, имеющая целью отвести вину от истинных виновников смерти. Впереди и в конце процессии шли дети с плакатами (это чтобы избежать уголовной ответственности), с надписями, которые называли стражей порядка убийцами. На плакатах и транспарантах из чёрной ткани, красной краской было написано «Его убили блюстители порядка», «Моя милиция меня бережёт» и «Убийц – к ответу!»

Гроб с телом покойного решили понести сначала к злополучному опорному пункту милиции. Выставленное оцепление не смогло сдержать толпу, люди ворвались в помещение, разгромили его «в щепки»: выбили не только стёкла, но и рамы, сокрушили мебель, уничтожили документы и оборудование. Впрочем, позднее ущерб был оценён всего в 25 рублей 65 копеек. Не подожгли здание только потому, что опорный пункт располагался в жилом доме, в котором проживали ни в чём не повинные рубцовчане.

После этого инициативная группа развернула траурную колонну, насчитывающую по разным данным от 300 до 500 человек, и двинулась с гробом на руках к зданию горотдела милиции, расположенному в противоположном направлении от кладбища. Дорога туда была далёкой, почти через весь Рубцовск. Позже, вероятно, с подачи спецслужб, распространились слухи о том, что участники траурной процессии намеревались добраться до колоний, в которых томились тысячи заключённых, и освободить их.

Тогда, мол, в городе должны были произойти погромы, убийства и грабежи. Но никакими документальными свидетельствами этот грязный слух не подтверждён.

На повороте с улицы Брусилова к Рабочему тракту путь процессии был перегорожен тяжёлыми грузовиками и усиленными нарядами милиции. Наэлектризованная толпа дошла до ближайшего железнодорожного переезда, где её маршрут чекисты предусмотрительно перекрыли несколькими составами грузовых эшелонов. Эти меры охладили пыл возмущённых людей, пришлось поворачивать назад, к старому городскому кладбищу. Тело опустили во временное захоронение. На церемонии прощания отец погибшего заявил, что истинная причина смерти сына неизбежно будет установлена независимой экспертизой. Другие выступающие высказывались ещё резче. Их, как рассказывают, позже пытались расценить не как антимилицейские, а как антисоветские. Но, к счастью, обошлось.

Ведь напуганные народным гневом, спецслужбы опасались новой волны, и сосредоточились на опорочении милиции. У сотрудников КГБ и прокуратуры, традиционно недолюбливающих представителей МВД, появился отличный шанс поквитаться. Прокуратура суетливо предъявляла обвинения всё более широкому кругу сотрудников Рубцовского ГОВД, арестовала нескольких милиционеров, возбудила более трёхсот новых уголовных дел. Мотивация была различной: кампания, есть кампания.

Как рассказывал мне Владимир Чернов, бывший начальник управления внутренних дел Алтайского края, а в ту пору – начальник уголовного розыска Рубцовского горотдела, в результате этого почти 30 сотрудников подали рапорта об увольнении.

Особенную активность проявляла следственная группа, прибывшая в Рубцовск 6 июня. Её возглавлял следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР М. Валеев. Группа целенаправленно собирала негатив о работе городской милиции, искала «крайних».

Начальник горотдела милиции Виктор Шебаршов был в Рубцовске человеком новым. Его перевели сюда с подобной же должности недавно из сельского района. Порядочный, спокойный, большой профессионал сыска, он был удручён случившимся, а также кампанией дискредитации милиции, инициированной высокой московско-барнаульской комиссией. Шебаршов пытался сохранить хотя бы лучшие кадры отдела. Но у членов комиссии и их покровителей были иные задачи: показать, что власть не безучастна к трагедии, тверда и готова покарать любого, кто посмеет плохо о ней думать.

Наконец, была проведена эксгумации тела погибшего, которая подтвердила то, что было давно известно: парня забили насмерть служители правопорядка, отбив ему важнейшие жизненные органы, и нанеся травмы, несовместимые с жизнью. Возбудили уголовное дело «по факту смерти». Участковых милиционеров Галкина, Веделева и четырёх дружинников арестовали за причинение телесных повреждений, повлекших смерть задержанного гражданина.

Несмотря на принятые меры, ситуация в Рубцовске, напичканном тюрьмами (каждый третий сидел, каждый третий сидит, остальные, возможно, будут сидеть), считавшегося криминальной столицей Алтая, грозила выйти из-под контроля. В конце концов, крайком КПСС понял, что перегнул палку, и дал команду ретивым прокурорам и чекистам угомониться с разоблачениями.

Виноватых в убийстве молодого человека осудили. 24 сентября 1974 года Алтайский краевой суд приговорил В. Пимонова к высшей мере наказания – смертной казни по статье 102 УК РСФСР, пп. «Б» и «Г» (впоследствии заменено 15-ю годами отсидки), Ю. Нестеренко – к 10 годам лишения свободы усиленного режима, В. Панюшкина и Н. Свиридова – к 8 годам усиленного режима. Бывших участковых инспекторов милиции Г. Веделева и А. Галкина приговорили, соответственно, к 6 и 4 годам лишения свободы – об этом свидетельствуют материалы Алтайского краевого суда.

Они отсидели «от звонка до звонка» и вышли «календарём».

Шебаршова, конечно же, сняли с работы, причём, на коллегии Министерства внутренних дел СССР, специально рассматривавшей вопрос о массовых волнениях в Рубцовске. Но тот ещё месяца три возглавлял Рубцовский ГОВД, никому из подчинённых даже не намекнув о том, что его судьба уже решена.

События серьёзно подорвали и без того невысокий авторитет рубцовской милиции. Стражи порядка опасались новых эксцессов, действовали нерешительно, шли на уступки и компромиссы, даже там, где надо было проявлять решимость. Раскрываемость преступлений в городе снизилась в 1974 году, по сравнению с 1973 годом, с 87,7 до 59,6 процента.

Жуткий инцидент с убийством рабочего, усугубили лживые, беспорядочные действия властей, сначала защищавших убийц, а затем развязавших оголтелую кампанию опорочения всех стражей правопорядка. Однако он мало чему их научил. Власти оказались неготовыми к проявлениям народного гнева, по сути дела, спровоцировали рубцовский «бунт». В конце

концов, правители сформулировали более-менее сносное идеологическое обоснование: преступники, даже рядящиеся в милицейскую форму, должны быть наказаны! Однако горожане помнили, что ещё совсем недавно с не меньшей энергией власть предержажшие защищали тех же самых преступников, олицетворяющих эту самую власть!

Кстати говоря, 15-18 декабря 1991 года в городе Рубцовске почти повторились события весны 1974 года. Сотрудники медвытрезвителя Рощупкин и Сивожелезов забили насмерть на глазах дочерей рабочего завода «Алтайсельмаш» Юрия Демченко. В день его похорон разгневанные горожане разгромили и сожгли здание медвытрезвителя, пытались захватить здание городского отдела милиции, против них применялись слезоточивый газ, стрельба над головами.

Власти слишком быстро забывают уроки, преподанные ей униженными и разгневанными подданными...

«БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ»

Вдалеке на горизонте показались огоньки. Посёлок строителей живёт своей жизнью. На станции разгружают вагоны. Натруженно гудят машины, спят яркие прожекторы. Въезд во временный посёлок венчает арка с надписью «Строительно-монтажный поезд «Алтай-БАМ».

Почти в полуторасти километрах от города Комсомольска-на-Амуре руками алтайских парней и девчат возводится новая станция Байкало-Амурской магистрали – Эворон. Возводится нелегко, краевые власти долго сопротивлялись тому, чтобы строить что-то в тысячах километров восточней Алтая, в Амурской области, но их принудили. На БАМ приходилось доставлять железной дорогой технику, железобетон, гравий и кирпич, трудовые коллективы Алтая присылали землякам продукты питания, одежду, семена, а газета «Молодежь Алтая», в которой я в ту пору работал, – три сотни книг.

Но вот ребят, которые работали в Эвороне, приезжать сюда никто не заставлял, они прибыли сами, по комсомольскому призыву...

Угощенье из тазиков

Поезда на Эворон уже ходят, мои земляки строят жилой посёлок для железнодорожников и лесозаготовителей.

Магистраль начинали возводить силами заключённых ещё перед войной. Уже уложили рельсы, но потом их пришлось снимать, чтобы возвести рокады под Сталинградом.

Где-то здесь 9 сентября 1938 года расстреляли моего родного дядю Григория Муравлёва, заключённого 2-го отделения БАМлага, приговорённого тройкой УНКВД по Запсибкраю 20 сентября 1937 года к восьми годам лишения свободы, а потом ещё и тройкой УНКВД по

Стройка на БАМе.

Читинской области – к высшей мере наказания. Его объявили «японским шпионом», а он и японца-то живого сроду не видел. Такое же нелепое обвинение вменили моему деду, его двум братьям и зятю – ни один из них домой так и не вернулся...

На железнодорожном перроне мается неказистый, невысокий мужичишка. Таких неприкаянных тогда ещё не звали «бомжами» – людьми без определённого места жительства, именовали проще – «бичами». В руках мужичишки – огромная рыбина, хвост которой волочится по перрону. «Купите недорого», – негромко бормочет «продавец». Цена осетра смехотворна, всего-то пять рублей, ровно столько, чтобы купить бутылку водки и неприязнательной закуски.

А за его спиной – ни много – ни мало – бюст Сталина. «Отца народов» развенчали два десятка лет назад, его изображения в камне, бронзе и на бумаге буквально изничтожили, а этот – стоит себе преспокойненько на перроне крохотной железнодорожной станции в самом центре созданного им ГУЛАГа.

Потом Анатолий Болдин, руководитель СМП «Алтай-БАМ» пояснил мне, что отстояли снос усатого вождя ... заключённые. И вправду: умом Россию – не понять, в Россию можно только верить!

Подобные откровения, как оказалось, являются неким десертом бабовцев, радушно встречающих земляков «чем бог послал». В «Ленинском уголке» собирается «актив», а на стол поочередно ставятся ... тазики. В одном – крупно нарезанные ломти хлеба – это понятно! В другом – груды сливочного масла, а в третьем – красная икра. Если не считать трёхлитро-

вой банки со спиртом – то это и есть все бамовские разносолы. Но, что удивительно, наутро никто не страдает известным недомоганием, которое традиционно излечивается огуречным рассолом. Оказывается, сливочное масло значительно препятствует проникновению спирта в кровь...

Летопись очевидца

Впрочем, прежде чем делиться своими впечатлениями хочется предложить читателям фрагменты из дневника бойца отряда Надежды Дубининой, у которой я выпросил его, чтобы сделать выписки.

«10 августа 1978 г. Сегодня в 11.00 в Барнауле на площади Советов состоялся митинг, посвящённый отъезду нашего отряда на БАМ. Отзвучали тёплые слова напутствий и пожеланий. На главной площади родного края, у памятника Ленину, мы, комсомольцы Алтая, дали клятву продолжать дело Павки Корчагина, достойно нести эстафету строителей Комсомольска-на-Амуре, ДнепроГЭСа, БАМа.

Раздалась команда «По автобусам!» Наступила самая трогательная, щемящая душу минута прощания. Родные, знакомые и незнакомые люди – все желают нам доброго пути. В сердце – и радость за ребят, за себя, что нам выпало счастье быть в числе первых посланцев Алтая на стройку века, и печаль разлуки с друзьями, с домом.

11 августа 1978 г. Всё дальше уносит нас поезд Новосибирск-Хабаровск. Нас уже зовут «бамовцами», хотя мы ещё ничего не сделали. Это большой аванс, высокое звание.

15 августа 1978 г. Скоро Хабаровск. С утра – чемоданное настроение. За окнами сменяются пейзажи – Байкал, изумрудный и прозрачный, позади. Всё чаще перед взором вырастают невысокие сопки и белёдые туманы.

Сборы. Закончились шахматный и шашечный турниры, не слышно песен. Ждём с нетерпением встречи с Хабаровском.

Мы уже все познакомились, подружались, о многом поговорили. Нас – 84 человека, молодые, весёлые девчата и ребята. Света Кос, школьница, дочка Коли Коса, тоже с нами.

Наконец, вдалеке показался огромный мост через Амур. Поражает его длина, его громадьё, как сказал бы Маяковский – это тоже дело человеческих рук.

Значок члена Всесоюзного ударного комсомольского отряда.

В 9 часов 15 минут поезд прибыл в Хабаровск. Первый, кто нас встретил на перроне, – начальник строительно-монтажного поезда Анатолий Семёнович Болдин. Он прилетел сюда самолётом. Ребята шутят – не одному ему, всем нам предстоит встретить «болдинскую» осень.

На перроне Хабаровского вокзала – представители крайкома партии и комсомола, журналисты, молодёжь города. Отсюда же сразу поездом отправляемся до Комсомольска-на-Амуре. Анатолий Семёнович привёз из Барнаула краевые газеты, и мы с жадным вниманием их читаем.

В восьмом часу вечера поезд прибыл в город неувыдаемой комсомольской славы. Это очень символично, что мы, комсомольцы семидесятых, продолжаем дело юношей и девушек 30-х годов на земле дальневосточной.

До станции Эворон, где мы будем трудиться, уже ходят поезда. Но станцию строить нам.

16 августа 1978 г. Утро встречает нас ясным, чистым небом. Из-за сопки брызнуло солнце, посеребрив вершины деревьев.

Десяток наших квартирьеров спешит к нам. Этот десант готовил площадку для размещения отряда – разбивал палатки, устанавливал вагончики. После завтрака – митинг. Начинаются трудовые бамовские будни. Задача: в ближайшие месяцы, до зимы построить жильё для отряда. Наша стройплощадка, если её так можно назвать, представляет собой небольшой участок раскорчёванной, расчищенной десантом земли. В центре – груда кирпичей. А слева – две большие палатки и три вагончика.

Первое, к чему приступили, это разобрали кирпичи и начали сооружать печь. Ребята устанавливали палатки. А вечером была баня.

21 августа 1978 г. Вчера утром состоялось общее собрание. Решили создать столовую, по-нашему, котлопункт. Меня назначили старшей. Раздобыли котлы и посуду, обеспечили отряд продуктами. Так, в хлопотах и заботах проходит этот день. Сегодня вечером сами приготовили ужин. Повара из нас никудышные, я расстроилась до слёз. В сердцах сказала, что завтра же уйду из кухни, но потом успокоилась – людей-то надо кормить.

23 августа 1978 г. Тяжело нам приходится. Нам, которые привыкли к городским квартирам. А здесь электрического света нет, вода привозная. Работа начинается в четыре часа утра с растопки котлов. Завтраком накормили, уже пора обед готовить.

Бригады не теряют времени даром: заканчивается обвязка первого дома, устанавливают щиты, закладывают склады.

Живём в палатках, в нашей ребята застелили пол. Палатки запомнятся на всю жизнь.

27 августа 1978 г. Долгожданный отдых – поездка на реку Сероки. Рыбакам – благодать, а я вот впервые держу удочку в руках. Поймала-то всего два чебака, но радости сколько!

После обеда ходили на сопку. Сверху, на десятки километров как на ладони – тайга, мари, видна узкой небесной голубизны полоска озера Эворон. Наша стройплощадка кажется отсюда маленькой и затерянной среди непроходимой тайги.

3 сентября 1978 г. Построены склады, заложено овощехранилище. Прибывает техника. Но не хватает краски, обоев, штукатурки и многого другого.

Нелегко привыкать, но никто не жалуется на трудности, работают от зари до поздней ночи. А потом ... все идут на танцы.

2 октября 1978 г. Сегодня у меня знаменательный день – я работаю в бригаде. На комсомольском собрании меня избрали в комитет ВЛКСМ. В посёлке подключили электрический свет, смонтировали второе общежитие, заложили третье. Первое общежитие почти готово – я наклеиваю обои. Столовая теперь разместится в вагончиках.

11 октября 1978 г. Этот день, можно сказать, исторический. Переселяемся в общежитие. Вот и кончилась наша палаточная жизнь – незабываемая и суровая. Порой укладываешься спать, и думаешь, сорвёт ветром палатку или нет? А ветер такой, что страшно выходить, деревья скрипят и стонут. Уже были первые морозы.

Строительство БАМа.

Многие из нас испытывают настоящую радость от своего труда.

29 октября 1978 г. Вчера был вечер, посвящённый дню рождения комсомола. Лучшие ребята и девочки награждены почётными грамотами и подарками.

16 ноября 1978 г. Весь день разгружали цемент. Занятие – не из лёгких: двое насыпают в вёдра, двое – подают, двое на машине принимают. Возвращались домой чумазые и уставшие, но довольные работой.

Вызывал вечером Болдин. Спросил, не хочу ли работы полегче. Я ему ответила, что мне хорошо и в бригаде.

18 ноября 1978 г. У нас свадьба. Первая свадьба на БАМе. Плотник-бетонщик Серёжа Горбатенко и штукатур Люба Мудрак стали молодожёнами.

8 декабря 1978 г. Мы переехали в новое общежитие. Пришли ребята, поздравили, подарили на новоселье молоток.

19 декабря 1978 г. Начала своё существование бригада каменщиков. Нас, шесть девчат, перевели из разных бригад, всего в бригаде 13 человек.

22 декабря 1978 г. Вторая свадьба в нарядно убранном зале столовой. Радостно за Любу Якутович с Колей Коток. После регистрации встречали молодых хлебом-солью. В центре, на возвышении, сидит бог Любви. Как только молодожёны вступили в живой коридор, вспыхнул факел, бог Любви стал читать наказ молодым. Потом зажгли свет, и все сели за праздничные столы.

20 января 1979 г. Зимний футбол – это здорово! Ребята играли с большим подъёмом. В ожесточённой борьбе первое место заняла бригада Семёнова, на втором – бригада Шишова, на третьем – бригада Коса.

4 февраля 1979 г. Вот мы и вышли на основные объекты. Сегодня в 11.00 состоялся митинг на участке, где будет строиться котельная. Этого дня мы долго ждали, и он настал...»

Дороге станции нужны

Надо обладать воображением, чтобы представить «строительные леса» таких объектов как целинные степи Казахстана и Алтая, Нечерноземье, БАМ. Строители шагнули за границы отдельных городов, областей, краёв, в языке нашего современника появились такие термины, как территориально-производственный комплекс, социальная инфраструктура.

Байкало-Амурская магистраль, к примеру, вызвала к жизни новые города, посёлки, станции. А это значит, что наряду с промышленными предприятиями строятся жильё, магазины, бани, химчистки, клубы и детские садики – то, что именуется мудрёным словом инфраструктура.

Создание городов и рабочих посёлков будет способствовать дальнейшему развитию зоны, прилегающей к железной дороге и дальнейшему продвижению к северу.

Так вот, станция Эворон, которую возводят наши земляки, возможно, станет одной из тех точек, где объединятся хозяйственно-экономические и социальные задачи освоения Дальнего Востока. Пусть, не глобальные, но совершенно конкретные. Настали такие времена – об этом говорят социо-

логи, прогнозисты, строители – когда строительство тех же клубов, прачечных и Домов культуры выдвигается с второстепенных объектов если не на первые, то на равные роли с объектами промышленными. Дело это трудное, не всякий руководитель спешит избавить новосёлов от «палаточного рая». Поэтому и решено при освоении зоны БАМа создать необходимые условия для будущих жителей, число которых уже в ближайшие годы перевалит за два миллиона, а затем «привязать» к населённым пунктам производства. Кстати, сплошных индустриальных пейзажей, по крайней мере, в обозримом будущем, здесь не предвидится.

Вырастет несколько городов, десятки рабочих посёлков и станций. Урбанизация будет очаговой, преимущественно вблизи богатых минерально-сырьевых источников. Как, например, на Нерюнгринском угольном разрезе в Якутии, где мне также довелось побывать.

Эврон в ближайшие годы, видимо, приобретёт значение как пункт лесозаготовки и лесопереработки. В округе тайга, богатая ценной древесиной, и вот недавно здесь, в посёлке, организован леспромхоз.

13 августа 1978 года десант с Алтая разбил первую палатку на склоне сопки. Потом здесь вырос посёлок строителей. И в связи с этим особо хочется назвать имена первых поселенцев. Владимир Иванов, Николай Коток, Геннадий Бородин, Сергей Горбатенко, Николай Кос, Сергей Горелов, Владимир Семёнов в большинстве своём не были строителями – они ими стали. Как стали практически все жители посёлка. Этому их научила необходимостью – нужно было обеспечить себя жильём.

От временного – к постоянному

Строительно-монтажный поезд живёт будущим.

– Честно говоря, – рассказывали мне бамовцы, – надоело крутиться на пятачке временной площадки. Скорее бы на основные объекты, в посёлок.

Станционный посёлок, спроектированный, кстати, коллективом института Алтайгражданпроект под руководством Ю.А. Бобовича, и Д.А. Ряудина раскинется на десятках гектаров. Через несколько лет здесь будут построены Дом культуры, школа, детский сад-ясли, железнодорожный вокзал, торговый центр, десятки жилых двух- и одноэтажных домов, другие здания и сооружения. Всё, что сегодня ещё в «немом» проекте, вскоре станет явью. И строители добьются, чтобы это время приблизить. В трудностях, общих заботах и чаяниях сложился дружный коллектив, возглавляемый опытным строителем Анатолием Болдиным. Здесь шутят, что все,

кто с ним знаком могут рассчитывать, как великий Александр Пушкин, на вдохновенную «болдинскую осень».

С большой охотой бойцы отряда рассказывают о том, что уже стало традицией. Популярны в посёлке спортивные соревнования – в турнирах шахматистов лучший – Василий Капустян, в шашках – Геннадий Бородин. Кроме того, многие занимаются теннисом, футболом, хоккеем. Есть у отряда художественная самодеятельность – заводилами здесь Гена Трифонов, Люба Протченко, Нина Серёжкина, Надя Дискуль. А комсомольские свадьбы (их уже шесть было на БАМе) – это целый карнавал, в котором участвуют все. Сами ребята сами сочиняют стихи и частушки, поют свои песни.

В памяти и дневниках останутся костры в тайге, бурные митинги и комсомольские собрания.

Всё было и есть: смертельная усталость после работы. Одних только вагонов около тысячи разгрузили. И палаточный неуют. И борьба с лентяями – было и таких несколько человек, их исключили из отряда. Так складывался костяк, так рождались единомышленники, так вырабатывалась уверенность в себе, в людях, в будущем.

Ещё один критерий уверенности – женатые приглашают с Алтая семьи. Взять, к примеру, братьев Сергея и Александра Завидовых – их жёны теперь рядом с ними. С нетерпением в посёлке ждут и первых коренных бамовцев – детей родившихся в Эвороне.

СМЕРТЬ Н.Ф.

Много лет скоропостижная кончина бывшего первого секретаря крайкома КПСС Николая Аксёнова окружена слухами...

Он прилетел в Солонешное утром 29 января 1985 года на спецсамолёте. Впрочем, это был обычный кукурузник: лавки вдоль бортов, никаких удобств.

У шаткого трапа ему протянул руку Евгений Клименко, первый секретарь райкома. Бросилось в глаза бледное, сжелта лицо гостя. После традиционного приветствия полуспросил-полунамекнул Николаю Фёдоровичу, мол, вид бледноват. Тот махнул рукой: «Ничего. У вас же тут горный воздух. За полтора дня стану краснощёким».

Николай Аксёнов.

На райкомовской «Волге» проехали в райкомовский же «домик» – просторный зал, спальни, кухня, санузел. Здесь Аксёнову предложили завтрак. Тот отказался даже от чая, мол, дома малость перекусил. Обсудили программу предстоящих встреч кандидата в депутаты краевого Совета с избирателями. Она была весьма напряжённой: сегодня должны были состояться собрания избирателей в Берёзовке, Сибирячихе, а вечером – встреча с интеллигенцией райцентра. Назавтра планировалась ещё одно совещание-собрание в Солонешном, а в обед – отъезд в Смоленское, где собирали зональное совещание передовиков животноводства, и где Н.Ф. – так звали его в ближайшем окружении, должен был также выступать и вручать государственные награды.

В Солонешное он прилетел один, если не считать подъехавшего днём раньше начальника краевой госавтоинспекции полковника Николая Щигрева и его водителя, сержанта Сергея. С главным гаишником у первого секретаря сложились очень приятельские отношения – об этом многие знали и не удивлялись их совместному появлению в командировках. Николай Васильевич как бы возмещал отсутствие помощников и охраны, официально же – обеспечивал безопасность в дороге. Назавтра к 12 часам в Солонешное должна была придти и аксёновская машина с водителем, с тем, чтобы доставить Н.Ф. в Смоленское, а затем и в Барнаул.

Около 11 часов выехали на двух машинах в Берёзовку. Николай Аксёнов сел на первое сиденье рядом с райкомовским водителем Яковом Старковым. На заднем сиденье разместились Евгений Клименко и председатель райисполкома Николай Черепанов. Следом двигался Щигрев.

Клименко был знаком с Аксёновым вот уже почти два десятка лет. В середине 60-х Евгений был самым молодым в крае председателем колхоза, что не мог не отметить тогдашний руководитель парторганизации Алтая Александр Георгиев. Как-то в перерыве партхозактива он и познакомил помощника первого секретаря Аксёнова с Клименко: «Этого хлопца никому не давай в обиду». Вот с тех пор он с Евгением Георгиевичем был запросто – звал Женей.

Зима 85-го выдалась невероятно холодной. Только что вся страна спасала размороженный Бийск. Накануне на Алтае побывал секретарь ЦК Егор Лигачёв. Он, совсем ещё недавно руководивший обкомом в Томске, и прежде был особнячком среди сибирских коллег. Ходили слухи, что делавший карьеру при умиравших Андропове и Черненко Лигачёв устроил разнос Аксёнову. Женя исподволь попытался расспросить Николая Фёдоровича о высоком визитёре. Мол, не каждый день на Алтай такой высокопоставленный партийный руководитель приезжает, и вообще, что принесла эта поездка? Аксёнов минуты полторы-две молчал, затем как бы размышляя о своём, молвил: «Что Лигачёв? Лигачёв любит больше всех себя, и, может быть, немного Томск».

Больше за дорогу гость не произнёс ни слова.

Совхозный Дом культуры был набит людьми, некоторым даже не хватило стульев. Многие знали Аксёнова в лицо, ведь он уже несколько лет назад приезжал сюда же на подобную встречу, как кандидат в депутаты предыдущего созыва. За эти годы в районе, как тогда говорили, «по приказам избирателей» удалось построить два моста, кое-где подправить дороги, обновить хозяйства техникой. Всё это, как заверяли собравшихся доверенные лица, – заслуга депутата, вновь намеревавшегося представлять интересы избирателей половины Солонешенского района в краевом Совете. Аксёнов же, взявший слово вслед за ними, против обыкновения, был немногословен. Речь его, вместо обычных 40-50 минут длилась всего 15-17 минут, вопрос тоже почти не поступило: так, о снабжении товарами, да их дефиците.

По дороге в Сибирячиху сопровождавшие высокого гостя вновь отметили, что с ним что-то неладно. Несколько раз он останавливал машину, выходил на дорогу, медленно прохаживался в сопровождении придерживающего его под руку Якова Старкова. В одну из таких незапланированных

остановок Н.Ф. попросил у сопровождающих воды. Ему предложили минералку, чай с баданом из термоса. Он немного пригубил чаю.

В Сибирячихе их ждал обед. Но из всех предложенных яств гость выпил только чашечку кофе и отщипнул немного от фаршированного творогом блина. Не притронулся даже к любимым вареникам с творогом, заявив, что нет аппетита. Директор «Сибирячихинского» Олег Кузнецов на правах хозяина предложил приехавшим хорошего коньяка. Аксёнов приказал «налить ребятам», сам же наотрез отказался от спиртного. До встречи коротали время за столом, обсуждая производственные дела совхоза и района.

Собрание избирателей Сибирячихи было точь-в-точь как в Берёзовке. С одной лишь разницей – в паузе Аксёнов шепнул сидевшему рядом в президиуме Клименко: «Позвони в Солонешное, чтоб встречу с учителями и врачами отставили до завтрашнего утра. Я устал... Перелёт... Пусть извинятся за меня».

Так впервые за день он подтвердил собственное недомогание.

Назад в Солонешное ехали молча. В райкомовском «домике» Аксёнов переоделся в спортивную одежду, включил телевизор. Потом позвонил домашним в Барнаул. Клименко запомнил, что Николай Фёдорович тепло шутил с внучкой Катей. Предложение сделать ужин пораньше отверг, «пусть будет как планировали». Затем обратился к Клименко: «Жень, можно баньку организовать?» Евгений Георгиевич накануне телефонным звонком из Сибирячихи наказал жене Нелле протопить баню. Николай Аксёнов в предыдущие приезды в Солонешное, а он бывал здесь в последние годы трижды, уже посещал её.

Первым вошёл в парную Николай Щигрев, заварил веник, наподдал жару. Вслед за ним нырнул в клубящийся зев бани и Николай Аксёнов. Замешкавшийся Клименко только направился из предбанника в парную, а навстречу ему уже выходит голый член ЦК КПСС. На недоуменный вопрос хозяина лидер края признался, что чувствует себя неважно, и хотел бы отдохнуть.

Срочные сборы. Жень приглашает гостя к себе домой, тот отказывается. Однако на свежем морозном воздухе ему становится ещё хуже. Аксёнов, внезапно обессилев, наваливается грудью на штакетник клименковского забора. Евгений отмечает, что лицо Н.Ф. покрыто крупным потом. «Жень, у тебя есть что-нибудь сердечное? – спрашивает он Клименко. Тот, утверждая, что у жены-гипертонички имеется целая аптека, мчит в квартиру.

Прихватил корвалол, ложку, стакан.

– Сколько капать? – спрашивает. Тот просит 30-40 капель. И тут оказалось, что нет воды, чтобы запить лекарство. Клименко бежит вновь в дом, приносит кружку воды. Теперь уже без уговоров Николай Щигрев и Евгений Клименко буквально подхватывают Николая Аксёнова и заводят в квартиру первого секретаря райкома. Хозяин срочно звонит главврачу районной больницы Петру Васильевичу Метле.

Прошли в зал, где дочка смотрела телевизор. Евгению Георгиевичу запомнилось, что началась информационная программа «Время» и титры высветили ровно 21 час. Клименко утверждал позже, что Аксёнову оставалось жить около пятнадцати минут. Пётр Метла говорил, что не менее часа...

Николай Фёдорович присел, а затем прилёг на диван. Ему становилось всё хуже. Раздался междугородний звонок. Трубку взял Клименко. Звонил Юрий Знаменский, первый секретарь Горно-Алтайского обкома партии. «У тебя Николай Фёдорович?» «Да». А Аксёнов – из зала: «Скажи, я ему перезвоню чуть позже».

Минутами приехала «скорая помощь». Главный врач районной больницы Пётр Метла, его супруга невропатолог Лидия Метла и фельдшер Любовь Ломакина. После расспросов и осмотра высокопоставленного пациента медики ставят диагноз: инфаркт миокарда, и начинают последовательно вводить необходимые в таких случаях лекарства. Но, тем не менее, Н.Ф. находился уже в полубморочном состоянии, затем вовсе потерял сознание. Пришлось положить его на пол, чтобы делать искусственное дыхание. Сердце остановилось, артериальное давление «на нуле», но опытейшая фельдшер по указанию врача делает укол прямо в сердце. На мгновение он будто ожил, но «завести» сердце не удалось.

Несмотря на усилия врачей, жизнь угасала. Кто-то предложил делать прямой массаж сердца, для чего надо было вскрывать грудину. Но Пётр Метла уже констатировал кончину. Член ЦК КПСС как простой смертный лежал неподвижно на полу...

Ошеломлённые произошедшим врачи и партийные чиновники размышляли, как поступать дальше. Щигрев позвонил в приёмную крайкома КПСС. Удалось связаться со вторым секретарём крайкома Иваном Бережняком.

Тело Николая Аксёнова транспортировали в Барнаул на «скорой помощи» той же ночью. Его сопровождали Пётр Метла, Николай Щигрев и второй секретарь Солонешенского райкома партии Иван Кисляк. А тем временем в квартиру Клименко, в четвёртом часу ночи нагрянули сотрудники КГБ из Барнаула.

Выспрашивали насчёт того, чем потчевали высокого гостя, какими лекарствами пытались лечить, осмотрели остывшую баню. Собрав пустые ампулы, удалились.

Наутро для вскрытия тела в морге собрались судебно-медицинский эксперт, солонешенский главврач, сотрудники управления КГБ и прокуратуры края.

Долго-долго не появлялась свита из крайкома партии – без неё чекисты не позволили начинать экспертизу. Диагноз медиков районной больницы подтвердился – инфаркт произошёл из-за закупорки крупного сердечного сосуда сгустком крови – тромбом. Трагический исход был неизбежен.

Официальные власти сами породили самые невероятные слухи о смерти Аксёнова. Не было опубликовано медицинское заключение врачей, что, конечно же, способствовало распространению экзотических и неправдоподобных подробностей о пьянке в бане и т.п. Зато в нескольких номерах краевых газет публиковали списки организаций, направивших соболезнования. Неудивительно, что и поныне имеют хождение слухи о том, что Н.Ф. застрелился, повесился, словом, покончил жизнь самоубийством.

Весьма противоречивы мнения соратников первого секретаря о взаимоотношениях с Москвой. Одни из них категорически отрицают то, что у Н.Ф. были сложности в ЦК, другие упоминают имя Лигачёва, как одного из косвенных виновников смерти краевого партийного босса. Слухи порождены также и скоропостижностью кончины Аксёнова. Ближайшее его окружение хорошо знало, что он страдал головными болями и частенько глотал «пятерчатку». Изредка жаловался на сердце. И, конечно же, не очень следил за здоровьем, игнорируя рекомендации врачей.

За восемь лет его секретарства Алтай не получал рекордных урожаев, планы хронически не выполнялись, широкое распространение получила талонная система на продукты, в столовых был введён второй рыбный день. Говорят, на его могилу на Власихинском кладбище кто-то положил венок из рыбьих хвостов – поди, проверь это сейчас! Пора брежневского застоя, андроповских административных нововведений и черненкового безвременья почти ничем не была отмечена на Алтае – он оставался глухой, отсталой провинцией.

Не проработав ни дня руководителем даже низового производственного коллектива хозяйства или партийного комитета, Аксёнов сделал головокружительную карьеру истинного номенклатурщика: от инструктора и помощника – до всевластного первого секретаря, члена ЦК и депутата Верховного

Совета СССР. Тридцать лет хождения по властным коридорам дали ему богатый опыт интриг, подковёрной борьбы, знания людских слабостей.

Он был баловнем судьбы. Красивый (во внешности было что-то цыганское), ухоженный, умевший хорошо одеваться и весьма образно говорить, Николай Аксёнов заметно выделялся среди мешковатых и косноязычных партийных вождей. Умел украсить острым словом, шуткой, анекдотом занудный, напичканный цифрами, канцеляризмами и партийными софизмами текст. Нередко они звучали от имени «деда Гришаки», реального хитрована-старика – Героя Социалистического труда Григория Щербинина, проживавшего в Краснощёковском районе.

Внезапная смерть партийного лидера края стала началом заката целой плеяды его ближайших соратников. Вскоре их уже не было среди руководящей элиты, а спустя несколько лет почти все они, вслед за шефом ушли из жизни. Но им не устраивали ни пышных похорон, ни оружейных залпов у могил. На дворе была иная эпоха, с которой Николаю Аксёнову не суждено было пересечься.

* * *

Вот такой очерк. В нём не было ни слова о том, что у первого секретаря, как рассказывают, основная проблема крылась в интимной сфере. В 1998 году мне это не подтвердили, но и не опровергли ни Евгений Клименко, ни многолетний помощник первого секретаря Александр Мельник. А позже передали, что умирающий от онкологии Клименко сожалел, что не рассказал журналисту всей правды, ведь он признался бывшим коллегам, что Аксёнов «наглотался таблеток».

Многие из тех, кто знал об истинных причинах кончины первого секретаря крайкома, имевшего, судя по их словам, необычную ориентацию, не желают публичной огласки этой истории. Делятся тайной, как правило, испросив почти что клятвы, что их имя не будет обнаружено.

Не буду приводить подробностей, тем более, имён, но дело могло обстоять именно так.

Скоропостижная и странная смерть грянула сразу после вызова в ЦК, где Аксёнову, вероятно, намекнули, чтобы он сам оставил высокий пост. Иначе, мол, могут стать известны кое-какие интимные подробности.

Возможно, кто-то снова «дал ход» синей папке, которую возил в Москву за семь лет до загадочной кончины лидера парторганизации Алтая осведомлённый начальник управления КГБ по краю Владимир Мошков, вскоре «неосторожно

застрелившийся по время охоты на зайцев». Не исключено, что информация ушла от тогдашнего прокурора Ивана Гущина. Но, скорее всего, «телега» была отправлена в ЦК из ближайшего окружения первого секретаря, хорошо знавшего о необычном досуге патрона. Сведения попали в руки рвущихся к власти Михаила Горбачёва и Егора Лигачёва, регентствующих при немощном Константине Черненко. Очень серьёзные претензии к алтайскому секретарю имел ещё один соратник Горбачёва – Анатолий Лукьянов, который «копал» под Аксёнова.

...Внезапная кончина Н.Ф. была единственным выходом, который устраивал всех.

«ЗЕЛЁНЫЙ ЗМИЙ» ВЕЧЕН?

Как боролись с пьянством в СССР

17 мая 1985 года было опубликовано постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», началась очередная антиалкогольная кампания.

Виноградники – под топор

Борьба с пьянством, наряду с некоторым улучшением производственной дисциплины, сопровождалась бурным всплеском самогонварения, уничтожением виноградников и фруктовых садов, а вслед за тем – и виноводочной отрасли.

Антон Афанасьев, работавший в ту пору директором садоводческо-винодельческого совхоза «Янтарный» Змеиногорского района, в книге «В степи у самых гор» по этому поводу отмечал: «Хочу поставить в вину ещё существовавшей тогда партийной безраздельной власти затеянную по инициативе секретаря ЦК КПСС Егора Лигачёва и поддержанную Генеральным антиалкогольную кампанию. Она успела подорвать бюджет Союза, который со времен ещё царских держался на монополии на производство и торговлю алкоголем...

Что уж говорить о нашем небольшом производстве – кампания для него была равносильна удару под солнечное сплетение. Нам было приказано прикрыть виноделие, то есть то единственное направление, которое мы считали перспективным для хозяйства, уже поработавшего на эту перспективу.

Советские антиалкогольные плакаты.

Велено было прикрывать немедленно и даже думать не смей о каком-либо возрождении в будущем. Крах полный. А куда девать сделанные уже затраты, которые должны были обернуться доходами?

Ответ получился простой. Заготовленное сырьё, сказали, сливайте, уничтожайте. Запасы стеклотары везите в Рубцовск и сдавайте как стеклом. Оттуда его отправят в Чехословакию, где он пойдёт в переплавку. Я хватался от такой команды за голову и за сердце – ведь это такие потери!»

Также «в рамках борьбы с пьянством и алкоголизмом» были уничтожены посадки многих фруктовых деревьев в совхозе «Мичуринец» Алтайского района, прежде занимавшемся виноделием.

Летом 1986 года в Белокурихе приказали вырубить великолепный виноградник, занимавший несколько гектаров и являвшийся гордостью курортного городка. На выкорчеванной плантации несколько лет сажали тыквы.

Разведением винограда возле Белокурихи занялся в далёком 1947 году агроном Валерий Нетин. Через десять лет он развел 64 сорта на 3,5 тысячах кустов винограда. Валерий Константинович стал автором сорта Белокурихинский-1, который без всякой защиты выдерживал сибирские морозы.

В Белокурихинском плодово-ягодном саду в ту пору росло 60 сортов яблонь, груш, слив и других деревьев и кустарников, которые давали до 150 тонн фруктов и ягод, полумиллионные прибыли.

«Душманы» в сибирской глубинке

Многие жители края, вероятно, ещё помнят, что творилось во второй половине 80-х годов прошлого века у магазинов и пивных ларьков. Люди в на-

дежде приобрести банку пива томились в огромных очередях, где случались и серьёзные потасовки. Появились те, кого именовали «душманами» – они, минуя очередь, за вознаграждение могли быстро добыть вожделенный напиток.

Ограничения в продаже спиртного отразились на многократном росте объёмов потребления сахара, используемого в самогонварении.

Председатель Барнаульского горисполкома Владимир Баварин сетовал: «По нашим данным, на самогон ушло 400 тонн сахара, а это значит, что потребление алкогольных напитков практически не сократилось. Хотя реализация спиртного через государственную сеть уменьшилась вдвое».

Тружеников предприятий и учреждений «добровольно-принудительно» загоняли в «общество трезвости». Находились и среди журналистов трезвенники (почему-то, как правило, из числа бывших алкоголиков или из пьющих семей), которые вдохновенно рассказывали об этом «опыте».

Стали навязывать моду на безалкогольные свадьбы. На поминках подавали исключительно компот. Массовые мероприятия должны были заканчиваться чаепитием. Однако всегда находились те, кто мог обойти запреты. Вместо душистого напитка в чайник наливали водку или самогон и пускали по кругу.

Резко возросло число отравлений суррогатами алкогольных напитков – стеклоочистителем и иными бытовыми и техническими жидкостями. Любители выпить всеми правдами и неправдами добывали спиртное в легальной торговой сети, у подпольных шинкарей, самогонщиков и таксистов.

Особенно запомнилось, что Шелаболихинский район (весь!) был объявлен «зоной трезвости». Район расположен у берега Оби – рыбацкий, охотничий, да и образован был недавно, люди интенсивно строили жильё – все эти занятия традиционно связаны с выпивкой. В общем, местность с пьяной репутацией. И начальство там было пьющее. По его запискам председатель райпо отпускала «нужным людям» спиртное. Вчерашние покровители её «сдали», или попросту струсили заступиться, женщину сняли с работы, судили. А тут на краевом, а потом ещё и на всесоюзном радио прозвучал очерк обо всём этом безобразии. Крайком партии рвал и метал. Как же – отчитались перед ЦК КПСС о создании «зоны трезвости», а тут – прокол...

Когда осела пена...

Ныне распространено мнение, что горбачёвский «сухой закон» был исключительно отрицательным явлением, что не совсем верно. Ведь никакой статистикой не обозначить то зло, которое несёт злоупотребление спиртным – в семьях, на работе и во время досуга.

К середине 80-х годов прошлого века в крае на учёте числилось 70 тысяч алкоголиков. На душу населения выпивалось 32 литра водки, тогда как в среднем по СССР – 26.

В статье заместителя начальника краевого управления статистики А. Александровой, опубликованной в «Алтайской правде», подчёркивалось, что «после принятия известного постановления

Михаил Горбачёв:

«Гнать зелёного змия из нашей жизни!»

ЦК КПСС о борьбе с пьянством и алкоголизмом в 1986 году, по сравнению с 1985 годом, потери рабочего времени в крае из-за прогулов, простоев и неявок с разрешения администрации в промышленности, строительстве, на транспорте сократились на 27 процентов, снизилась текучесть кадров».

Антиалкогольная кампания, конечно же, способствовала оздоровлению нации. Меры по ограничению бурных застолий спасли тысячи жизней. Но, увы, они проводились директивными методами, были не только непопулярными (что, в общем-то, в пьющей северной стране, понятно), но и несистемными, непродуманными. Да и по времени они совпали с эпохой тотального дефицита, первых разочарований от политики Михаила Горбачёва.

Борьба с пьянством быстро себя дискредитировала. В итоге уже в 1989 году, по сравнению с предыдущим годом, общее число совершённых на Алтае преступлений увеличилось на 31 процент, в том числе в состоянии алкогольного опьянения на 21,6 процента.

В общем, как любил шутить один из прежних руководителей края, «у милиционеров – всё нормально: убийства, изнасилования, грабежи».

Истина – в цене!

На рубеже столетий пьянство в России обрело черты национального бедствия. Полки многочисленных «комков» и магазинов, работавших круглосуточно, стали ломиться от спиртного. Страну заполонил контрафакт, преимущественно местный. Иными словами, производители «палёнки»

вкупе с торговлей стали откровенно травить соотечественников. Власти, занятые дележом собственности, смотрели на это сквозь пальцы: чем бы народ ни тешился, лишь бы не бунтовал.

Алкогольный рынок периодически меняет личину. То вдруг магазины заполонит сомнительного качества спирт «Роял», то китайская водка, то ликёр «Амаретто», то пивные лоббисты начнут навязывать идею о пользе пенного напитка: на самом деле, как сообщают СМИ, разбавляют его для сохранности формалином – тем самым, в котором хранят трупы в анатомичках.

Власти твердили о необходимости борьбы с теневым алкогольным бизнесом, его легитимизации. Но реально, кроме заседаний многочисленных комиссий, почти ничего не делалось. По собственной оценке краевых властей, на Алтае в середине 1997 года поддельным был почти весь объём реализуемой винно-водочной продукции, минеральной воды и бензина, а также более половины мясных продуктов. На Алтай из-за его пределов ежемесячно поступало до 40 железнодорожных цистерн спиртосодержащих веществ при потребности в 20 раз меньшей. Они уходили в подпольные цеха, где поило разбавлялось водой, разливалось в яркую тару и выбрасывалось в «комки» и иные торговые точки.

Несмотря на то, что только в Барнауле с начала 1997 года было выявлено более 150 подпольных цехов и изъято 350 тонн фальсифицированного спиртного, объёмы реализуемой «палёнки» не снижались.

А вот в соседнем Казахстане проблему контрафактного спиртного решили экономически грамотно. Там производить его невыгодно, потому что цена питьевого и технического спирта одинаковая, а в России последний стоит гораздо дешевле.

У нас же безуспешно пытаются использовать административные меры. Но, по оценке экспертов, чем сильнее ужесточаются санкции против подпольщиков, тем глубже они уходят в тень. А легализация бывших подпольщиков, вывод их из тени позволили бы не только контролировать качество производимых ими товаров и услуг, но и ужесточить спрос с них, пополнить бюджеты за счёт собираемых с них налогов.

И вновь начинается бой...

Премьер-министр России Владимир Путин в январе 2010 года утвердил антиалкогольную концепцию, в рамках которой государство рассчитывает к 2020 году более чем вдвое снизить потребление алкогольной продукции в стране и добиться ликвидации нелегального алкогольного рынка.

Авторы концепции, размещённой на сайте правительства, отмечают, что, если в 1914-1917 годах в России по сравнению с Европой был самый низкий уровень потребления алкогольной продукции – 0,83 литра чистого спирта на душу населения, то с середины 1970-х годов началось существенное увеличение потребления алкоголя: к началу 1990-х годов – 5,4 литра абсолютного алкоголя в год, а к 2008 году – до 10 литров.

«С учётом не разрешённых к потреблению спиртосодержащей продукции и крепких спиртных напитков домашней выработки фактическое потребление алкогольной продукции на душу населения в настоящее время составляет около 18 литров в год», – говорится в документе. Это вдвое превышает допустимую норму, установленную Всемирной организацией здравоохранения.

От отравления алкогольной продукцией в России ежегодно умирают более 23 тысяч человек, а от болезней, вызванных «зелёным змием», – свыше 75 тысяч человек в год. По данным Роспотребнадзора, в России более двух миллионов человек страдают алкоголизмом. Печальное лидерство – у зрелых мужчин в возрасте 40-60 лет. «В состоянии алкогольного опьянения ежегодно совершаются многочисленные преступления – убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, хулиганство, грабежи, разбои, угоны автотранспорта», – подчёркивается в документе.

Правительство страны намерено реализовывать антиалкогольную концепцию в два этапа. До 2012 года запланировано снизить уровень потребления алкогольной продукции на душу населения на 15 процентов. Этого показателя предполагается достигнуть, в том числе за счёт ограничения её розничной продажи по месту и времени.

На втором этапе (2013-2020 годы) правительство намеревается ликвидировать нелегальный алкогольный рынок, снизить уровень потребления алкогольной продукции на душу населения на 55 процентов.

Известная притча гласит, что одни и те же факты можно трактовать по-разному: оптимист твердит, что бутылка наполовину полная, а пессимист – что наполовину пустая...

Эксперты-пессимисты прогнозируют, что спрос на легальную водку упадёт существенно, а народ, как уже бывало, перейдёт на самогон.

Эксперты-оптимисты считают, что пакет намеченных мер борьбы с «зелёным змием» будет способствовать отрезвлению нации. Среди прочего в нём: введение уголовной ответственности за неоднократные нарушения в сфере производства и оборота алкоголя, резкое ограничение рекламы ал-

когольной продукции (вплоть до полного запрета) и внедрение политики ценообразования, предполагающей зависимость розничной цены от содержания этилового спирта в напитке.

Предполагается, что в регионах появятся программы, направленные на профилактику злоупотребления алкогольной продукцией «с учётом специфики каждого региона – доли сельского населения, обычаев и традиций. Также государство намерено запустить программы по формированию традиций здорового образа жизни, развитию спорта и физической культуры.

ВЛАСТЬ ИЗНУТРИ

Записки бывшего пресс-секретаря администрации края

Позади полное драматизма и ожидания счастливых перемен лето 1991-го. Неудавшийся путч со всей очевидностью показал неспособность руководства КПСС к реформированию, серьёзно поставил вопрос: быть или не быть СССР? Те, кто не хочет понять объективного хода истории, твердят о развале, происках Горбачёва, демократов и ещё бог знает кого. Неужели и спустя годы они не поймут, что один человек, даже группа людей на это неспособны?! Что империя близится к своему концу, что кровь, пролитая в Вильнюсе, Тбилиси, Сумгаите, Карабахе, Узбекистане, Москве бросает народы в объятия национальных элит. Что велеречивые вопросы горбачёвского референдума о сохранении СССР перечеркнуло, спустя какие-то недели, волеизъявление народов в республиках Прибалтики, в Закавказье, в Молдавии, на Украине.

Россия, много веков собиравшая народы, пожалуй, меньше всего и выиграла от этого союза. Она была вечным донором, заступником, не имея даже своей Конституции, гимна, Академии наук. Спустя десятилетия она пытается восстановить государственность. Избран президент, сформированы республиканские органы. Всевластие партии, а теперь и Советов, уходит в историю, строится новая исполнительная вертикаль.

Придите и правьте

14 октября 1991 года президент назначил главой администрации Алтайского края Владимира Райфикешта. Ему, директору совхоза «Логовской»

Владимир Райфикешим.

Первомайского района, народному депутату России, только что исполнилось 40 лет.

В ту пору я работал на краевом радио. Конечно же, понимал, что дни председательства руководителя крайисполкома Юрия Ивановича Жильцова сочтены. Накануне, в беседе с журналистами, он дал нам понять, что намерен перебраться в Москву, заняться депутатской деятельностью.

Его судьба, как и судьба ряда других ключевых фигур на Алтае, решилась ещё 28 августа. Сессия крайсовета, состоявшаяся спустя неделю после путча, была невероятно бурной.

Мне довелось вести прямой радиорепортаж с её заседания. Председатель крайсовета Алексей Кулешов ушёл достойно. Его заместитель Юрий Ильиных пытался цепляться за власть. Больше всех поразил Жильцов. Он отказался сразу от всех своих замов. Этого ему, конечно же, не простили. По иронии судьбы Юрию Ивановичу пришлось ещё полтора месяца работать рядом с этими же самыми заместителями.

Жильцов во многом напоминал Горбачёва. Из партийно-советских начальников той поры, среди которых одни видели в нас, журналистах виновников всех бед, другие обалдели от внезапно свалившейся власти («Вся власть – Советам»), он заметно выделялся: шутил сам и понимал шутки других, умел слушать и неказённо говорить. Вышел не из селян, а из энергетиков, прошёл школу руководства городом Барнаулом, был вторым секретарём крайкома партии. К тому же – кандидат наук, что было редкостью в чиновничьих коридорах той поры. Словом, интеллектуально развитый человек, выделявшийся из косного окружения. На него косо смотрели в крайкоме. Но это был человек полумер.

В тот день на сессии, когда Жильцов «сдал» замов, был, вероятно, единственный случай, когда он шёл до конца.

...Спустя несколько лет я встретил его в вечно сумрачном коридоре администрации, беседующим с Райфикештом. Им, бывшим, было что вспомнить. Это время, в начале 90-х оказалось, наверное, самым трудным. Позже Юрий Иванович работал в департаменте топливной промышленности Минэнерго, а затем – в РАО «ЕЭС России».

Но вернёмся к сессии 28 августа 1991-го. Её кульминацией было выдвижение кандидатур для рассмотрения Борисом Ельциным на должность главы администрации края. Жильцова, конечно, «срезали». Выдвинули председателя агропромсоюза Александра Назарчука. Потом спохватились, осознавая, что президент вряд ли его утвердит; внесли в список по предложению демократических организаций и депутатов Владимира Райфикешта.

Затем всё затихло на целых полтора месяца. Доходили слухи, что сторонники этих таких разных кандидатур предпринимали попытки попасть на приём к Ельцину. Райфикешт занимался уборкой урожая в «Логовском». Потом его вызвали в Москву. И опять – затишье.

Наконец, пришло сообщение о его назначении.

Камикадзе

Через несколько дней после назначения Владимира Райфикешта мне на радио позвонил Владимир Рыжков. Он сообщил, что глава администрации края хочет побеседовать со мной о неотложном деле. Поздно вечером мы с Рыжковым вошли в его кабинет. Я поздравил Владимира Фёдоровича с назначением. В ответ он устало улыбнулся: «Поздравлять-то не с чем. Мы все тут – камикадзе!»

Выяснилось, что камикадзе в администрации пока всего три человека: сам глава, секретарь администрации с правами заместителя Владимир Рыжков и старший советник главы Леонид Тен. Остальные работники бывшего крайисполкома уволены в связи с реорганизацией. Хотя, как выяснилось, значительная часть их продолжает работать на своих местах. В течение двух месяцев Райфикешту предстоит провести назначение не только в аппарате администрации, но и определиться с руководителями управлений и комитетов, а также предложить для утверждения на сессии городов и районов глав местного самоуправления.

«Шесть лет, – продолжал глава, – Горбачёв говорил об экономических реформах, а практически ничего не сделано. Мы их обязаны начать. А это неизбежно – ломка, даже лишения. Но это и свет в конце тоннеля. Ведь так, как сейчас жить нельзя: в магазинах – шаром покати, люди озлоблены, впереди – зима. А ресурсов, как выяснилось, – мизер. Вот почему мы – камикадзе».

Завершив эту часть разговора, он неожиданно предложил мне перейти на работу в администрацию края пресс-секретарём. Объяснил это необходимостью поддерживать тесный контакт с населением, с прессой. Я попро-

сил время подумать, заявив, что, скорее всего, вынужден буду отказаться от этого предложения. Меня вполне устраивала работа на краевом радио, где были незавершённые творческие планы.

– Планы? – перебил Владимир Фёдорович. – А что, у меня разве их не было?! Разве меня не устраивала директорская должность?! Разве не демократы «выдернули» меня вот в это кресло?!

25-летний Владимир Рыжков был признанным лидером демократической общественности края. С 1986 года он работал в «Обществе содействия перестройке», «ДемРоссии». Вместе с председателем регионального движения «Демократическая Россия», народным депутатом РСФСР Александром Копыловым и другими приложил много усилий, чтобы во главе исполнительной власти Алтая стал человек либеральных взглядов. Моя же скромная персона, по видимому, ассоциировалась с весьма популярными радиoproграммами «Ритм» и «Демократический канал».

Итогом разговора стала договорённость о том, что я ещё какое-то время подумаю над предложением. Причём, было гарантировано, что в случае перехода мне будет предоставлена свобода творчества. Обсуждалась и возможность работы на полставки.

Последние дни в круговерти редакционных дел, командировок, «прямого» эфира меня «доставали» телефонные звонки Рыжкова: «Ну, как?»

12 ноября 1991 года я стал пресс-секретарём. Первым в истории исполнительной власти Алтая. За годы журналистской работы немало «нахлебался» от сектора печати крайкома, ЛИТО (цензурное ведомство) и «просто советов старших товарищей». Осознавал, что и я, и мои коллеги толком-то ничего и не знают о власти.

От чего ушли

К моменту моего прихода в администрацию, наряду с решением огромных проблем, одной из главных оставалась кадровая.

Прежняя элита, на протяжении десятилетий, рекрутировалась, как правило, из сельской партийной верхушки. Крайкомом партии руководили технократы, прошедшие школу сельских партorgов. Исключением был толь-

Владимир Рыжков.

ко Филипп Попов, присланный из Москвы взамен умершего загадочной смертью Николая Аксёнова. В крайисполкоме, полностью подконтрольном крайкому, таких исключений было чуть больше: Виктор Мищенко, Юрий Жильцов, но это не меняло сути. Полугорожане-полуселяне любили посещать фермы, стратегические же задачи края безнадежно упускали. В итоге, соседние регионы развивали: индустрию – Кузбасс, Красноярск; науку – Новосибирск, Томск; топливно-энергетический комплекс – Тюмень. Алтайская же экономика стагнировала, бюджет края и десятилетия назад наполовину финансировался из Москвы. Средства же закладывали в такие гиганты, как Коксохим: уголь – из Кузбасса, кокс – в Кузбасс, а нам – дым. Ориентировались на неэффективные отрасли: лёгкая промышленность – на привозном сырьё, нефтехимия – тоже, оборонка – для маршала Брежнева, сельхозмашиностроение – для Средней Азии и Казахстана. Гордостью Алтая, действительно, а не в лозунгах, мог стать хлеб. Но целина унесла в пыльных бурях гумус, а политические бури (коллективизация, репрессии, войны, псевдореформы) изувечили работника.

Скажем, с начала века до Первой мировой войны, за десятилетие с 1903 по 1913 год пять раз получали урожай на Алтае более 11 центнеров с гектара. А в 30-40-е годы – только два раза, в 50-е – четыре, в 60-е – лишь дважды, в 70-е, наконец-то – шесть раз.

В 1995 году министр сельского хозяйства России Александр Назарчук, будучи на Алтае вместе с премьером Виктором Черномырдиным, пообещал пудовый урожай, а собрали едва-едва по 10 центнеров.

Ещё в 20-е годы крестьянин выбраковывал корову, если она не давала за год две тонны молока. Но на колхозных фермах полвека никак не могли одолеть этот рубеж. Неудивительно, что интеллект из деревни уходил в города – в институты и на заводы, оставляя на малой родине беспробудное воровство и пьянство, получку «от колеса». И нелепые лозунги, типа: «От Кулунды до Кош-Агача – одна задача – хлебосдача!» Какая уж там хлебосдача в пустынной Кулунде и высокогорном Кош-Агаче, где почти не растут деревья?!

Алтай, имея в недрах почти всю таблицу Менделеева, завозил из-за пределов края всё «до гвоздика» – металл, уголь, цемент, шифер...

Нефть и газ, добываемые в Сибири, шли, минуя соседей, за рубеж, где люди давно забыли, что такое печное отопление, а на вырученные доллары дряхлеющий режим пытался разнообразить импортом небогатый выбор товаров, помеченный знаком качества и без него.

Госплан потел над разрядками, фондами и лимитами, более чем 20-миллиардной номенклатуры изделий.

Духовный потенциал нации во всей широте выплёскивался на кухнях за стаканом горькой и в бесконечных разговорах о нелепостях жизни.

Но, бог ты мой, как же быстро это всё забылось?! Удушающая уравниловка, препоны всякой инициативе, всевидящее око КГБ, бесконечные, унижительные очереди, блат, пустые прилавки, талоны...

Отчего же сегодня такая ностальгия об этом «светлом будущем»?!

Команда

Владимир Баварин.

В канун моего прихода в краевой исполнительный орган уже были назначены главы администраций семи городов. В том числе Владимир Баварин – в Барнауле. Руководитель Рубцовска Лев Коршунов стал заместителем Владимира Райфикешта. Из бывших заместителей председателя крайисполкома глава назначил своими замами только двоих – Владимира Германенко и Владимира Коновалова. Они возглавили так называемый блок оперативного управления, курировали жилищно-коммунальную сферу, торговлю, а также промышленность, строительство, транспорт, связь, энергетику. Так получилось, что и Германенко, и Коршунов оказались по при-

званию строителями, и почти до начала 1992 года делили любимую отрасль. Оба они, как и Райфикешт, были российскими депутатами, но не работали в парламенте на постоянной основе. Глава хорошо знал их, ценил их богатейший управленческий опыт, неполитизированность, хозяйственную хватку. Лев Александрович руководил прежде строительными подразделениями в Барнауле, Заринске и Рубцовске, до назначения в администрации работал председателем Рубцовского горисполкома. Владимир Сергеевич, много лет трудившийся в разных руководящих хозяйственных должностях, в том числе шесть лет – в крайисполкоме, был, пожалуй, самым опытным среди нового руководства. Значительная часть таких как они, управленцев

«старой школы» осталась работать и при Райфикеште. Он был убеждён, что высококлассные специалисты ничем не скомпрометировавшие, хорошо знающие проблемы края, должны остаться в аппарате. Радикалы не раз упрекали его за этот подход, но глава оставался непреклонным, утверждая, что для того, чтобы стать настоящим управленцем, нужны годы.

А вот ключевые стратегические направления деятельности администрации возглавили яркие политики. Владимир Рыжков – самый молодой и один из самых талантливых в команде Райфикешта. Всего год назад он окончил университет, учился в аспирантуре и преподавал в АлтГУ. Секретарь администрации, он выполнял незаметную, важную работу: отвечал за подбор кадров, осуществлял координацию с краевым Советом, общественными организациями. За этими казёнными словами стояла большая работа. Каково, например, было в течение короткого времени определиться с назначением всех глав администраций городов и районов?!

В ту пору мне доводилось видеть в его кабинете и кабинете Райфикешта сотни людей из городов и районов. Бывали там Алексей Антонович Кулешов, прекрасно знавший кадры, и представители демократических организаций, приезжали недовольные, обиженные выбором, ходатайствующие за тех или иных кандидатов, сами кандидаты, а порой и просто авантюристы. Один человек, позиционирующий себя, как демократ, но не имевший ни опыта, ни даже образования, просил «посадить» его «на район», причём, обязательно богатый охотничьими угодьями.

Принцип же Владимира Райфикешта, который оставлял за собой последнее слово в кадровых вопросах, был иным: учёт не столько политических пристрастий, сколько способность возглавить регион, отрасль, квалификация, авторитет.

Комитетом по управлению государственным имуществом руководил кандидат экономических наук Сергей Потапов, вскоре утверждённый заместителем главы. Он также был ли-

Владимир Германенко.

дером краевого отделения Демократической партии России, являлся сторонником радикальных экономических преобразований. Нормативная база приватизации только-только начала формироваться, но противников разгосударствления было хоть отбавляй. Потапов много работал с директорским корпусом, убеждая его в простой, в общем-то, истине – эффективности частной собственности.

Социальную сферу курировал Иван Шефер, кандидат исторических наук, один из лидеров существовавшего в Барнауле в годы гласности партийного клуба «Коммунисты – за перестройку». Он очень органично вошёл в команду Райфикешта.

Комитет по экономике на правах заместителя главы возглавил Анатолий Сидоров, прежде работавший в Новоалтайском и Барнаульском горисполкомах.

Формировалась принципиально новая структура администрации – группа советников главы, где сотрудничали известные в крае учёные Леонид Тен, Юрий Растов, Александр Мельников, Вячеслав Земсков, Александр Логинов. Абсолютное большинство этих людей были выходцами из Алтайского государственного университета, либеральный дух этого вуза способствовал тому, что АлтГУ стал своеобразной кузницей кадров для новой власти.

Несколько месяцев Владимир Райфикешт никак не мог определиться с руководством агропромышленного сектора Алтая. Курировал его сам. Какое-то время властные функции оставались у крайагропромсоюза, но это противоречило законодательству, поскольку организация являлась общественной. Заместителем главы по сельскому хозяйству был назначен Юрий Порватов, который начал реорганизацию схемы управления отраслью. Государственные функции решено было передать вновь создаваемому крайсельхозуправлению.

В середине декабря 1991 года формирование исполнительной власти в Алтайском крае было закончено. В некоторых районах кандидаты на должность главы администрации категорически отказывались от этого предложения, осознавая, какие их ждут трудности. В других, наоборот, возникала жёсткая конкуренция. Поскольку это касалось судеб тысяч людей, руководству края часто приходилось ездить, участвовать в работе сессий Советов, на которых обсуждались и утверждались кандидатуры.

А впереди ожидалась суровая зима. В правительство пришёл Егор Гайдар, заявивший о либерализации цен со 2 января 1992 года. В декабре ушёл Михаил Горбачёв, прекратил существование Советский Союз.

Канун

Первым испытанием новой исполнительной власти стала зима 1991-1992 годов. Красноярский каскад ГЭС, питавший энергией, в том числе и Алтай, из-за безводья оказался в прямом смысле слова, на мели. Местные же источники электроэнергии не закрывали и половины потребности края. Уже наступили холода, и вероятность того, что Алтай замёрзнет, была велика.

Вот одна из пометок в моём дневнике от 2 декабря 1991 года: «В 14 подъездах жилых домов Барнаула разморожены отопительные батареи».

На одном «узком» совещании серьёзно обсуждался вопрос о необходимости производства «буржук» на некоторых промышленных предприятиях. На случай экстремальных обстоятельств. Глава администрации края дал поручения специалистам проработать все мыслимые и немыслимые варианты спасения от холодов. Провели ряд совещаний с энергетиками и руководителями различных предприятий и отраслей для того, чтобы снизить потребность в электроэнергии в часы пик. Решено было сместить в большинстве населённых пунктах края выходные дни. Это было нелёгкое, но спасительное решение.

В канун его принятия я случайно узнал, что на стол Владимира Райфкешта лёг проект документа, который значительно шире трактовал полномочия энергетиков. К примеру, практически должна была прекратиться вечерняя трансляция телевидения. Нетрудно было представить, как в холодных квартирах перед потухшими экранами сидят тысячи людей и проклинают власть. Пришлось с этими тревогами идти к главе администрации, обосновывать неправомочность подобного решения. Он мгновенно оценил ситуацию, вычеркнув из проекта злополучный абзац.

9 декабря 1991 года вступило в силу решение о так называемом верном отключении регионов. Суть его состояло в том, что в большинстве городов и районов из-за дефицита электроэнергии были передвинуты выходные дни на будние. Как ни прискорбно, пришлось пойти и на плановые отключения сетей, особенно в сельских районах. И всё же эти меры способствовали тому, что в пиковые часы потребность в энергии выравнивалась. Пришлось немало потрудиться, чтобы объяснить населению необходимость подобных мер.

Но, пожалуй, самым тревожным в тот период оставалось продовольственное снабжение. Цены росли ещё со времен премьерства Николая Рыжкова и Валентина Павлова, а товаров становилось всё меньше и мень-

ше. Объявленная на начало 1992 года либерализация цен ещё больше подстегнула ажиотажный спрос. С прилавков сметалось всё подчистую – мука, соль, спички... Едва ли не каждая квартира превратилась в склад. Администрация Барнаула вынуждена была создать несколько «продотрядов», которые по договорам с сельхозпредприятиями близлежащих районов брали по бартеру то, что только могло подлежать обмену. Всё большее число продуктов выдавалось по талонам и спискам. Советский рубль, оставаясь до лета 1992 года денежной единицей новых государств бывшего СССР тоже оказался в дефиците. Отсутствие наличных средств для расчётов продолжалось более полугода. В ход шли суррогаты денег, так называемые чеки. Люди брали их неохотно, далеко не все магазины использовали чеки в расчётах. В Нижегородской области ввели в обиход местную «валюту», сразу же получившую название по имени губернатора – «немцовки». Некоторые хозяйства и предприятия края также использовали суррогатные деньги для внутреннего пользования в местных магазинах, столовых, клубах. И всё же дефицит наличности оставался острым.

У меня сохранилась запись указания заместителя главы администрации Владимира Германенко «отправить котёл впереди паровоза». Оказывается руководство главного управления Центробанка по Алтаю каким-то образом узнало, что Пермской фабрике Госзнака требуется котёл, разумеется, промышленный. Подобную продукцию производил Бийский котельный завод. Специалисты администрации срочно связались с заводом и фабрикой Госзнака, и котёл без промедления отбыл в Пермь. Взамен вне очереди в край пришли долгожданные наличные средства, на какое-то время позволившие снять остроту с выдачей денег.

Тем временем приходили сообщения о забастовках на ряде предприятий края. В основном они были связаны с проблемой невыплаты зарплаты. Особенно организованно действовали представители народного образования под руководством отраслевого профсоюза. Дело в том, что обещанного учителям ещё летом 1991 года повышения зарплаты не только не произошло, но и заработанное они никак не могли получить. Правда, решение абсолютного большинства работников народного образования находилось в компетенции Москвы. Но так уж у нас повелось, что с любой проблемой идут к той власти, которая рядом. Аргументация же о сфере компетенции, уровнях бюджетов (федеральный, региональный, муниципальный), как правило, в расчёт не принимается. К местным властям из многочисленных требований учителей, относился, пожалуй, только один: обеспечить

полную «отоварку». Сегодня это звучит экзотически, но администрация вынуждена была принять это требование, предпринимала усилия, чтобы реализовать обещанное.

После 2-го января

Оперативная обстановка в крае в канун либерализации цен оставалась нелёгкой. Наряду с решением сложнейших текущих задач, в администрации края шла напряжённая работа по подготовке к реформам.

17-го декабря 1991 года, выступая на пресс-конференции, глава администрации края Владимир Райфикешт заявил, что со второго января предстоящего года начнётся новая эпоха в жизни России. Ближайшая прикладная задача – преодолеть товарный дефицит. Наряду с этим будут решаться вопросы собственности, реструктуризации отечественного производства и многое другое. «Можно спорить о последовательности, что должно быть раньше – либерализация цен или приватизация, но я убеждён, – заявил Владимир Райфикешт, – что и то, и другое предстоит делать. Причём, – немедленно».

Замечу, что в основном эта концепция реформ и реализовывалась в последующий период. Никакое министерство внешнеэкономических связей неспособно было за год-два наполнить бездонный российский рынок самыми разнообразными товарами, как это сделали «челноки». Да и руганая-переруганая приватизация, всё же изменила ситуацию, когда «всё вокруг – колхозное, всё вокруг – моё». Появилось и частное. К сожалению, к главному этапу реформ – реструктуризации, переходу экономики на инновационные рельсы, по ряду причин, даже позже, когда в стране появились немалые средства, так толком и не приступили. Хотя в принципе было уже понятно, какие товары и услуги следует производить на наших, российских предприятиях, какие не выдерживают конкуренции.

Но тогда эти предстоящие перемены осознавались далеко не всеми. Очень болезненной оказалась процедура освобождения цен. В ту пору модно было называть это «шоковой терапией». Мол, обычные методы терапии уже бессмысленны, необходимо хирургическое вмешательство.

Рано утром 2-го января 1992 года глава администрации провёл традиционную планёрку с участием руководителей краевых служб. Главной темой, был, конечно же, отпуск цен. Ничего экстраординарного пока не случилось. Только ценники пополнились дополнительными нулями. Прилавки же оставались пустыми. Население жило старыми припасами. В Барнауле, к примеру, а последние дни ушедшего года был отмечен рекордный

закуп хлеба – до 218 тонн в сутки. Потом он упал в десятки раз. Появились и первые рыночные приметы: мясо на базаре, например, стоило дешевле, чем в магазине.

Основной заботой исполнительной власти в эти дни было введение в действие системы социальной защиты малообеспеченных граждан, которых тогда насчитывалось около 50 тысяч. Удалось справиться с задачей упреждающей выплаты компенсаций большинству категорий граждан.

С первого дня важным делом отдела, а затем и комитета по ценам было отслеживание стоимости продукции и услуг предприятий всех форм собственности, борьба с теми, кто «накручивал» торговые надбавки, пускался в иные хитрости. Большинство предприятий пришлось чуть ли не силой заставлять реализовывать по льготным ценам продукцию, произведённую прежде.

Под особой опекой ценовиков были в то время хлебопекарная, молочная и мясная промышленность – тогда ещё монополистов на рынке продовольствия для населения. Часть предприятий этих отраслей оказалась сразу же несостоятельной. Администрация края делала многое, чтобы создать конкурентную среду в этой сфере.

В ту же пору начался и процесс так называемой малой приватизации предприятий торговли и бытового обслуживания. Коллективы магазинов обрели право юридического лица, уходили от опеки многочисленных торгов и снабв. Коммерциализация торговли довольно успешно шла в краевом центре, и уже вскоре номенклатура товаров в некоторых из них заметно расширилась.

Наряду с малой приватизацией шла подготовка к большой – готовилась нормативная база по акционированию крупных предприятий. Администрация решительно выступила против высокой по тем временам цены (две тысячи рублей) за регистрацию предприятия. Стоимость была значительно снижена. Эта операция потеряла разрешительное значение и стала регистрационной.

Очень болезненно в крае были восприняты процессы реформирования сельскохозяйственных предприятий. Согласно указу президента большинство колхозов и совхозов следовало преобразовать в предприятия коллективно-долевой собственности, акционерные общества, товарищества, ассоциации. Люди, всю жизнь работавшие на земле, получали право пользоваться ею. Далеко не все по разным причинам понимали суть этих преобразований. Бытовало довольно стойкое мнение, что это очередная «смена вывесок».

Владимир Райфикешт много встречался с руководителями и специалистами хозяйств, выслушивал самые противоречивые мнения. Сам глубоко знавший крестьянскую жизнь, он понимал, что село – сложнейший организм. Что путь адаптации сельхозпроизводства к рынку будет долгим и нелёгким. Но он был принципиальным противником исповедуемого частью аграрников принципа «ничего не менять».

Помню, шли к нему люди, стремящиеся создать фермерские хозяйства, которым по тем или иным причинам не давали землю. Обращались и сельские учителя и врачи, обделённые паями при акционировании хозяйств. Он умел видеть за подобными фактами явления. Давал соответствующие поручения службам, решение доводилось до средств массовой информации, населения.

Чиновничьи будни

Деятельность администрации края, как государственной организации складывается из рутинных дел. Совещания, заседания, подготовка решений, которые обретают законную силу в виде распоряжений и постановлений.

Традиционно неделя начиналась с планёрки у главы администрации. Владимир Райфикешт очень не любил долгих совещаний, заседаний, называя их «коллективной спячкой». Первые недели работы администрации на ней присутствовали только заместители главы, председатели комитета по финансам и ценам, начальник общего отдела, управляющий делами, пресс-секретарь и помощник. Затем, когда сформировался аппарат, на неё приглашались руководители управлений федеральных служб в крае: налоговой инспекции, внутренних дел, главного управления Центробанка, а также председатели межотраслевых комитетов и начальники ряда отделов. В период массовых сельскохозяйственных кампаний обязательно присутствовали генеральные директора «Алтайхлебопродукта» и «Алтайнефтепродукта». С начала 1992 года стало правилом проведение расширенной планёрки с участием председателей всех комитетов и управлений администрации края, руководителей большинства отделений федеральных служб. Они проходили раз в месяц уже не в кабинете главы, а в малом зале. В тот же период сформировался и коллективный орган – совет администрации. В его повестку включали самые ключевые, программные вопросы: социальная защита населения, строительство жилья, подготовка к зиме или уборке урожая, вопросы, вносимые на предстоящую сессию краевого совета, а затем, после выборов 1993 года, – законодательного собрания.

В отличие от прежнего исполкома члены совета администрации не голосуют, решение принимает единолично и отвечает за него глава. Но обмен мнениями позволяют ему яснее представить картину по тому или иному вопросу, выявить самые противоречивые мнения. Участники планёрки, совещания, как правило, коротко докладывают ситуацию в курируемых ими отраслях, предприятиях и учреждениях, обмениваются мнениями, отвечают на вопросы главы. На планёрке «расписывают» неделю: командировки, подготовку важных документов, совещаний.

А затем глава оставлял у себя тех руководителей, с которыми предстояло подробно обсудить те или иные конкретные вопросы или проработать проект документа.

Самый основной, самый серьёзный вопрос, который так или иначе рассматривался почти на каждом совещании, – деньги. Где их взять? Как эффективней использовать? Кому отдать – селянам, энергетикам, учителям или врачам?

Два дня на Алтае

26–28 мая 1992 года на Алтае с рабочим визитом побывал президент России Борис Ельцин. Он возложил цветы к мемориалу Славы, побывал на моторном заводе, строящемся мосту через Обь, в Институте садоводства, у фермера в Калманском районе, провёл несколько совещаний.

Визит главы государства в Алтайский край по результативности превзошёл все ожидания. С этим вынуждены согласиться даже самые непримиримые его оппоненты. Президент дал «добро» трём важнейшим проектам, которые будут определять лицо края ещё долгие годы.

Несмотря на неоднозначное восприятие Бориса Ельцина, нельзя не отметить, что именно во время этого визита в принципе были поддержаны важнейшие проекты, надолго предопределившие развитие края. Это «Семипалатинская» программа (в иные годы её финансирование равня-

лось трети краевого бюджета), финансирование (опять же из федеральных средств) строительства автомобильного моста через Обь в Барнауле, а также крупнейшего проекта газификации края.

Вот чем запомнилось обсуждение проекта документов по так называемой Семипалатинской программе Якову Шойхету, в ту пору – научному руководителю этой программы: «Зная, что придётся докладывать, я попросил заранее повесить в кабинете тогдашнего губернатора края Райфикешта карту со следом от взрыва 1949 года и распространением заболеваемости. У меня было пять минут.

Точно помню, сказал, что условия были непригодны для проведения взрыва, что они были аномальны, дул сильный ветер – 72 километра в час на высоте 3,5 километра, то есть на той высоте, на которой распространяются радионуклиды.

Через 2,5 часа они уже были на территории Алтайского края. Вот почему было поражение населения так называемыми молодыми продуктами ядерного взрыва.

Когда я сказал об этом, Ельцин воскликнул: «Кто разрешил взрывать при такой погоде?» В ответ – гробовая тишина, и все министры поворачиваются в мою сторону. Ельцин, весь багровый, упёрся в меня взглядом, и в совершенно мёртвой тишине я сказал: «Не я, Борис Николаевич».

Это сняло напряжение, раздался хохот, Ельцин тоже заулыбался, потом прервал свою улыбку, повернулся к Баранникову, министру внутренних дел, и сказал: «Найти и наказать!»

В своём выступлении Ельцин сказал: у вас от ядерных взрывов пострадали люди, вам надо помогать, и мы будем помогать. Это был коренной момент».

Как бы то ни было, Владимир Райфикешт сумел добиться, чтобы президент Борис Ельцин подписал необходимые документы.

К примеру, посещение «замороженного» строительства автомобильного моста через Обь в Барнауле не входило в

перечень объектов, согласованных с окружением президента. Но Владимир Фёдорович всё же выкроил время, чтобы завезти Бориса Николаевича на строящийся мост. Резолюцию на пакете документов, предполагавших финансирование завершения стройки (а это миллиардные капвложения) президент подписал прямо на мосту.

Тогда же был принципиально решён вопрос о строительстве магистрального газопровода «Новосибирск-Барнаул» с отводами в направлении Бийска, Рубцовска.

Чтобы реализовывать эти проекты, десятки раз Владимир Райфикешт, Владимир Германенко, Лев Коршунов и многие другие руководители и специалисты выезжали в Москву, спорили, доказывали, доходили до председателя правительства и президента.

Отставка Райфикешта

10 января 1994 года в большом зале администрации шло совещание руководителей самоуправления городов и районов края. Рассматривался традиционный ворох проблем: финансовое состояние бюджетов, энергетика, ситуация в сельском хозяйстве, промышленности, предварительные итоги года ушедшего... Короткие выступления заместителей главы администрации, и обстоятельное, особенно у главного финансиста Владимира Алейникова, ответы на трудные вопросы из зала. Словом, ничто не предвещало того, что через несколько минут прозвучит из уст руководителя края.

Владимир Райфикешт в обычной своей деловой, лаконичной манере подводил итоги совещания. Присутствующие, как водится в конце утомительных заседаний, задвигались. Кто-то, не дожидаясь последних фраз, уже крался к выходу из зала. Завершая совещание, глава региона неожиданно сказал:

«Дорогие коллеги! Я хочу выразить вам благодарность за этот двухгодичный период работы.

Прошу меня отпустить. Хочу вернуться в совхоз, на прежнее место. Об этом решении сегодня поставлю в известность президента и правитель-

ство. Поэтому прошу за два-три дня определиться с предложением по кандидатуре на эту должность».

Зал затих. Главы – народ многоопытный. Они сразу, с первой фразы поняли, что речь идёт об отставке. Причём – добровольной. С высшего поста. Такого на Алтае ещё никогда не было.

Он родился в давным-давно обрусевшей немецкой семье, где было десять детей. Надо ли говорить о том, какая это была трудовая и нравственная школа?!

Мы учились с ним в одном институте. Уже тогда он отличался каким-то особенным, если можно назвать его так, – здоровым романтизмом. Глаза блестят, весь в мечтах, но и весь же, до клеточки – земной. И работа у него была с землёй, да с людьми: агроном, управляющий отделением, директор совхоза. В 1990 году был избран народным депутатом России. На президентских выборах 1991 года являлся доверенным лицом Бориса Ельцина.

И всё же Райфикешт не обманывал, заявляя, что он – не политик, а хозяйственник. Уже на первой пресс-конференции в качестве главы администрации говорил, что задача новой власти – за два-три года заставить рынок работать. А потом можно снова уезжать в село. Вообще эти настроения: через два-три года вернуться к прежней работе, были весьма популярны в тот период. Так и получилось. Владимир Райфикешт через два года губернаторства вернулся в кресло директора «Логовского».

Накануне или сразу же после его ухода заместители главы администрации Владимир Рыжков был избран в Госдуму, Иван Шефер занялся бизнесом, Владимир Куликов вернулся в медицину, Сергей Потапов возглавил негосударственный Центр приватизации, старший советник Леонид Тен стал ректором негосударственного же вуза...

Никого почти из ближайшего окружения Райфикешта, также добровольно оставивших высокие посты, нет на госслужбе. И это нормально. Человек, попавший во власть, остаётся до очередных выборов или на срок, оговорённый в контракте. Люди возвращаются в науку, в бизнес, занимаются творчеством. Словом, чиновник, – это не пожизненно. Вот и у нас интеллект людей, пришедших особенно из научной среды, был востребован. Они реализовали себя, и спокойно ушли.

Я знаю, Райфикешт предлагал ещё нескольким очень талантливым людям, например, предпринимателю Валерию Покорняку, высокие должности в администрации края. Но они отказались. Возможно, понимая, что государственная машина их отторгнет. И это тоже правда, потому что у

чиновничьей жизни во всём мире свои правила, своя нелепая иерархия. И далеко не каждый классный управленец или специалист из негосударственного сектора соглашается идти во власть.

...Владимира Райфикешта тянуло в село. Он жил в «Логовском», имел две коровы и всё остальное, что полагается сельскому жителю. Ежедневно накручивал 60 километров в один конец. Вороха сводок, справок, аналитических материалов на его столе, впечатления от сотен встреч, командировок сверял в беседах с односельчанами. Он очень хотел, чтоб мужики поняли и приняли новую, рыночную экономику. Искренне радовался, когда на его вопрос: «Чем помочь?», фермер отвечал: «Ничем. Давайте лучше я вам помогу!» Поэтому не раз собирал у себя успешных бизнесменов, банкиров, промышленников, руководителей других предприятий, фирм, выпытывал: «Почему у вас получается, а у других – нет?» Но чаще, к сожалению, приходилось решать другие вопросы: чем помочь малоимущим, где взять горючее, семена, уголь?

Как-то по итогам «прямой» телепередачи я подсчитал количество телефонных звонков с вопросами главе администрации края. Их было около пяти-сот. А ещё десятки ежедневных звонков от руководителей городов и районов, предприятий, письма населения, личный приём. Увы, не всем людям можно помочь. Он стремился, чтобы их вопросы решались на местах. В этом ведь суть реформ – дать больше власти муниципалитетам и акционерам. Ведь они приносят доход, и им решать, кого выбирать руководителем, кого снимать.

Далеко не все оценили парадокс тех лет: первое лицо, отвечающее за жизнедеятельность края, делает всё, чтобы импульсы этой жизни шли не «сверху», а «снизу». Тем более что столичные «верха» утонули во всепожирающей борьбе за власть. Поездки на очередной съезд народных депутатов для Райфикешта становились невыносимыми. Это вдвойне обидно, что он любил повторять, что жизнь надо строить не по партийным, а по государственным принципам.

Кульминация этих противоречий нарастала. Ушёл уже во второй раз из правительства Егор Гайдар, которого высоко ценил Райфикешт. В сентябре-октябре 1993 года президент распустил высший законодательный орган страны. В декабре 1993 года избрали депутатом Госдумы России Владимира Рыжкова. Просился уйти ещё один заместитель – Сергей Потапов. Правда, есть преемники – Лев Коршунов и находивший выход из самых тупиковых ситуаций Владимир Германенко, сотни других, прошедших через горнило рыночных испытаний.

Значит, власть не захватывают? Её иногда и отдают!

ВРЕМЯ, ВПЕРЁД!

Подходит к концу повествование о некоторых, как мне кажется, прежде малоизвестных аспектах истории Алтая.

Прежде дореволюционный Алтай принято было называть «отсталой окраиной царизма». Как утверждали пропагандисты, «на его примере можно проследить наиболее мрачные стороны колониальной политики царизма, варварское отношение к людям и природным богатствам, уродливое размещение и однобокое развитие производительных сил».

Что же изменилось почти за столетие, прошедшее после революции?

Сибирь, включая Алтай, по-прежнему остаётся колонией Центра. Об отношении к людям и к природе выводы пусть делают сами читатели. А упрёк насчёт уродливого размещения и однобокого развития можно адресовать и сменщикам «царских сатрапов».

Например, первое же крупное предприятие Барнаула – меланжевый комбинат, было ориентировано на привозное сырьё. Как только СССР рухнул, БМК и ХБК встали из-за отсутствия узбекистанского хлопка. Или

Сельский крестный ход на Пасхе. Картина Василия Перова.

взять одно из самых современных предприятий – коксохимический завод в Заринске: он тоже работает на привозном сырьё, да и конечная продукция вывозится за пределы края – в Кузбасс, другие регионы и страны с развитой металлургией. Как любил повторять один из прежних руководителей Алтая, «нам остаётся только дым».

Крупнейшая отрасль Алтай – сельхозмашиностроение, была ориентирована на производство тракторов и шлейфа к ним преимущественно для Средней Азии и Казахстана; оборонные предприятия – для армии, переработка продукции сельского хозяйства также, как правило, велась за пределами края.

В заметке «Почему у нас не делают этих предметов?», опубликованной в газете «Алтайская правда» 22 ноября 1940 года, автор недоумевал, отчего же приходится завозить в край, казалось бы, простые вещи, которые без труда можно изготавливать на месте.

Например, утюги (конечно же, ещё не электрические, а нагревающиеся горячими угольками) завозили на Алтай из-под Ленинграда. Обыкновенные сундуки вообще никто не производил, они отсутствовали в продаже. Шахматных фигур нет в магазинах уже второй год. Из Омска вынуждены завозить балалайки. Хомуты – из Сталинска (ныне Новокузнецк), стулья – из Новосибирска и Томска. Ничтожно мало мужских маек. Днём с огнём не отыщешь в продаже коромысла, кадки, квашни, корыта, скалки, мётла,

ложки, поварёшки, сита, решёта, топорища, точёную деревянную посуду, бельевые прищепки.

Зато бумаг – поток!

Проблему дефицита товаров и услуг советская административно-командная система так и не смогла решить за семь десятилетий. Казалось бы, в годы войны и после неё в крае появилось несколько десятков крупных заводов, способных производить и товары народного потребления. Однако они это делали с неохотой, даже «из-под палки», как это происходило в 1980-х. Оказалось, что двигатели танков, трактора и шины производить легче, чем скорородки, паяльники и тазы.

Трудный путь наверх.

Начисто отсутствовали целые группы товаров собственного производства, например, детские игрушки.

Всё это, вероятно, считалось «мелочёвкой», но, как считают современные политологи, в конечном счёте, именно дефицит всего и вся подрывал основы советского строя.

В моде были крупные проекты. А в лексиконе руководителей существовал ныне основательно забытый термин «долгострой» – это когда стройка длилась даже не годы, а десятилетия.

В числе подобных проектов следует, вероятно, назвать те, которые исполняются до сих пор.

Например, проектное задание на газопровод Новосибирск-Барнаул было выполнено ещё в 1967-1968 годах, а природный газ пришёл в краевой центр лишь в середине 1990-х. Это произошло, в том числе и потому что тогдашний руководитель крайкома партии Александр Георгиев отказался от газификации, считая, что Алтаю достаточно будет кузбасского угля. В итоге, развитие края было отброшено на годы. К примеру, в Краснодарском крае сейчас действует 25 тысяч километров газовых сетей, а в нашем крае лишь 1200 километров. Программа газификации Алтая долго буксовала. И только в начале нового века появилась робкая надежда подать природное топливо на бийское, рубцовское и славгородское направления.

Лично мне кажется, что пустующие производственные площади алтайских заводов сельхозмашиностроения можно было бы занять под производство автомобилей. Посмотрите, что делается вместе с зарубежными партнёрами в Калининградской, Ленинградской и других областях, которые сроду не занимались выпуском автомашин. А алтайские предприятия ведомственно долго входили в министерство автотракторного машиностроения. Здесь есть база для производства автомашин и специалисты родственных отраслей. Но ни «отцам» края, ни хозяевам предприятий почему-то даже не приходит на ум такой вариант.

Из немногих примеров разумной инициативы новейших времен следует назвать сдачу в эксплуатацию автодороги Алтай-Кузбасс. Она, между прочим, возводилась на насыпи, предназначавшейся для... железной дороги Мереть-Среднесибирская. Рельсы должны были связать юг Новосибирской области с Кемеровской через территорию Тальменского и Залесовского районов Алтая.

Решение о прокладке железнодорожного пути принималось в 1984 году. Но в 1996 году, когда оставалось проложить около километра из 230-ти,

МПС заморозило стройку. Оказалось, что «золотой костыль» станет поистине золотым – для окончания строительства требовалось около триллиона неденоминированных рублей. Да и эксплуатация дороги обещала быть убыточной. Но власти Алтая и Кузбасса нашли эффективное решение. На железнодорожном земляном полотне возвели автомобильную дорогу. И современная трасса связала два региона.

Среди крупнейших неосуществлённых проектов я обязан упомянуть Каменский автозавод. Увы, КамАЗ был построен в Татарии. Хотя вариант в Камне-на-Оби, казался экспертам Госплана не менее предпочтительным: здесь имеются железная дорога, река, людские ресурсы, которые прежнее руководство Алтая излишне оберегало от большой индустриализации.

Вот – почти случайная выборка проектов, которые так и не были по разным причинам реализованы. 7 июня 1966 года в краевой газете сообщалось, что в Барнауле будут построены новые заводы кинофотоленты и фотобумаги, намечалось строительство второго завода резиновотехнических изделий. В Рубцовске в тот же период планировали построить консервный и пивоваренный заводы, крупную птицефабрику, а в 1999 году – завод по производству кормоуборочных комбайнов.

Независимо от режимов на Алтае пытались «посадить» экзотические предприятия. Рассказывают, что Госплан СССР намеревался строить сучкорезный завод... в степном Славгороде, в котором нет этих самых сучков. А на месте будущего Заринска в далёком 1969 году так и не смогли запустить завод «Химкраска». В 1990-х сообщалось о намерениях возвести предприятия по производству мочалок и чипсов.

Впрочем, тема неосуществлённых задумок выросла у меня в отдельную книгу «Неизвестный Алтай. Несостоявшиеся проекты».

Где же та курица, которая несёт золотые яйца?

С энергией, достойной иного применения, некоторые руководители края отчаянно увлекались завиральными идеями, претендуя на первенство во многих затеях, кроме повышения благосостояния подвластного ему народонаселения. Неудивительно, что на этом фоне тормозилось воплощение высокоэффективных и значимых социально-экономических проек-

тов. Таких как, например, газификация, освоение богатейших месторождений металлов, Кедроград, КамАЗ, правобережный район Барнаула, нефтеперерабатывающий завод...

До недавнего времени в крае неэффективность проводимой политики пытались объяснять либо «депрессивностью региона», либо «алтайской спецификой». Хотя, по здравому рассуждению, все беды – от недостатка здоровой, разумной инициативы и политической воли.

Справедливости ради, надо сказать, что несмотря на трудности, удалось, например, ввести в строй автомобильный мост через Обь в Барнауле. С приходом команды губернатора Александра Карлина разработан и реализуется ряд масштабных социально-экономических проектов. В том числе, следует назвать пуск крупнейшей в Сибири птицефабрики «Алтайский бройлер», большие перспективы сулит проект «Алтайское Приобье». Появились признаки реального возрождения алтайского горнозаводского производства. Существенный прорыв наметился в дальнейшей газификации Алтая. Город Бийск получил статус наукограда. Определены подходы в использовании богатейших туристско-рекреационных возможностей края...

Время, вперед!

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел	3
Алтайские писаницы	9
Так говорят духи!	17
Кумандинцы – потомки половцев?	22
Майманы – древний народ	28
Камнерезы	33
Палас из колонии Каррас	37
Раскрепошеньё	41
Дом окаянный	44
Тахи	54
Ненаглядный Глядень	60
Двуглавый орёл над селом Орлово	69
Бунтующая деревня	77
Общество на доверии	83
Пожар гасили винтовочным огнём.....	91
На той далёкой, на германской... ..	98
Горькая новь	104
Повстанцы	114
Русские эмигранты в Синьцзяне	127
Самозванцы	134
О политических репрессиях – без политических пристрастий	151
Юдины – фамилия мировая	157
Эвакуация во спасение	161

А место битвы – город Барнаул	189
Как сносили памятник вождю	192
«Тихие» годы?	198
Бийский погром	203
Каменское землетрясение	209
Земные орбиты	213
Космический мусор	220
Семипалатинский набат	240
Главное дело Анатолия Мельникова	243
Огненный автобус	248
Рубцовский «бунт».....	250
«Болдинская осень»	255
Смерть Н.Ф.	262
«Зелёный змей» вечен?	269
Власть изнутри. Записки пресс-секретаря администрации края	275
Время, вперед!	293

Анатолий МУРАВЛЁВ

Неизвестный Алтай Далёкое – близкое

*Штрихи истории Алтая
и люди, делавшие и делающие её*

Компьютерная вёрстка А. МАРТЫНОВОЙ

Фотографии С. БАШЛЫЧЁВА, А. МУРАВЛЁВА,
Е. НАЛИМОВА, А. КАСПРИШИНА,
из семейных альбомов, фондов музеев, Интернета.

Рисунки и дизайн обложки серии «Неизвестный Алтай»
художника А. КАРПОВА.

Анатолий Муравлёв родился 24 июля 1951 года в селе Кольванское Павловского района Алтайского края. Окончил два вуза. Творческий путь начал в газете «Молодежь Алтая», работал также на краевом радио, в «Свободном курсе» и в других алтайских СМИ. С 2001 года является обозревателем газеты «Алтайская правда», пишет преимущественно очерки о людях и заметных событиях.

Сдано в набор 12.01.11 г. Подписано в печать 16.03.11 г.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60 x 84 1/16. Усл. печ. л. 18,75. Тираж 1000 экз. Заказ 3377.

Отпечатано в ОАО ИПП «Алтай», г. Барнаул, ул. Короленко, 105, тел. 63-24-76.